

Г. П. ФЕДОТОВ

ТОМ III

Г. П. ФЕДОТОВ
Собрание
сочинений

«МАРТИС»
SAM & SAM

Г. П. ФЕДОТОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

«МАРТИС»
SAM & SAM
2000

Г. П. ФЕДОТОВ

ТОМ
ТРЕТИЙ

Святой Филипп,
митрополит Московский.

Приложение:
Житие и подвиги Филиппа,
митрополита Московского
и всея России

«МАРТИС»
SAM & SAM
2000

Федотов Г. П.

- Ф 34 Собрание сочинений в 12 т. Т. 3: Святой Филипп, митрополит Московский. Приложение: Житие и подвиги Филиппа, митрополита Московского и всея России / Сост., примеч., перевод С.С.Бычков. — М.: Мартис, 2000. — 251 с.

В третий том собрания сочинений Г.П.Федотова вошла его монография 1928 года «Святой Филипп, митрополит Московский». До сегодняшнего дня этот труд остается образцом современной агиографии — в нем органично соединены бережное отношение к первоисточникам, добросовестное изучение сопутствующих исторических свидетельств и глубокое религиозное чувство исследователя. Издание снабжено приложением, в которое вошли церковнославянский текст Жития митрополита Филиппа XVII века, публикуемый впервые, а также его перевод. Исследование Г.П.Федотова не утратило своей актуальности и сегодня, когда вопрос о взаимоотношениях Церкви и власти вновь находится в центре внимания российского общества.

ISBN 5-7248-0037-3

ISBN 5-7248-0068-3, т. 3

© С.С. Бычков, составление,
примечания, перевод 2000.

© Издательство «Мартис», оформление,
2000.

Святой Филипп, митрополит Московский

РУССКУЮ ЦЕРКОВЬ часто упрекали в небрежении общественными задачами христианской культуры. Время от времени слышатся и из ее среды голоса, утверждающие исключительность личного пути: личного подвига, личного спасения. Всякая постановка общественных целей для православной церкви отвергается как католический соблазн, отталкиваясь от которого приходят к своеобразному аскетическому протестантизму: царство Божие и царство кесарево остаются навеки разделенными. Эта духовная, метафизическая разделенность не мешает благословию царства кесаря, и тогда уже — именно в силу религиозной отрешенности — благословение не знает ограничений. Благословляется всякая власть, все деяния этой власти. Вопрос о правде — общественной правде — не поднимается, считается не подлежащим церковному суду. Покорность неправедной власти может проповедоваться даже как аскетический подвиг.

Для историка ясно, что в этих широко распространенных — по крайней мере, в недавнем прошлом — настроениях мы имеем дело с сочетанием аскетической традиции древне-христианского Востока и последствий протестантской по своим тенденциям церковной реформы Петра. Петровская реформа исказила надолго общественно-национальное лицо русского православия, оставив в неприкосновенности его внутреннюю, духовную жизнь. Святой старец и покорный иерарх сделались двумя полюсами церковной жизни.

Не всегда было так. В древней Руси отношения между церковью и государством складывались по-иному. Конечно, православная церковь — и в этом ее великое преимущество перед западной — никогда не протягивала руку к власти, не хваталась за меч кесаря. Но, в силу кровной сраженности всего обществен-

ного и церковного строя жизни, церковь была вовлечена в дело мирского устройства. Ее не властный, но авторитетный голос выслушивался во всяком важном деле государевом. Царь советовался не только со своими боярами, но и с отцом своим и богомольцем — митрополитом или патриархом. «Освященный собор», т. е. собор духовенства, был непременно, органической частью земского собора, наряду со служилыми и тяглыми земскими людьми. Восходя еще дальше в прошлое, в удельные времена, мы встречаем митрополитов-политиков, указующих мелким московским вотчинникам державный путь собирания и строения Руси, встречаем даже фактических правителей княжества Московского, каким был св. Алексий.

Однако все эти факты — хорошо известные — рисуют только одну сторону церковно-государственных отношений. В своей односторонности они способны даже создать впечатление использования церкви на службе государству, ее почетного порабощения. Мы хотим убедиться в том, что церковь сохранила свою независимость, неподкупность своего морального суда в этом трудном деле государственного служения. Сочетаясь с миром, оставалась ли она выше мира — хранительницей иных законов, зеркалом иной, небесной правды?

Будем остерегаться двух ошибок: чрезмерно идеализировать прошлое — и рисовать его сплошь в черном свете. В прошлом, как и в настоящем, шла извечная борьба добрых и темных сил, правды и кривды, но, как и в настоящем, слабость, малодушие преобладали и над добром, и над злом. Можно отметить, что примеры мужественных уроков церкви государству, частые в удельно-вечевую эпоху русской истории, становятся реже в столетия московского единодержавия. Церкви легко было учить миролюбию и верности крестному слову буйных, но слабых князей, мало связанных с землей и раздираемых взаимными усобицами. Но великий князь, а позже царь московский стал «грозным» государем, не любившим «встреч» и не терпевшим противления своей воле. И голос церкви во дворце государевом стал тише, приглушеннее. Не обличая, не грозя, церковь, в лице митрополита и патриарха, печаловалась за опальных, стараясь смягчать жесткость государственного разума...

Но один раз церковь мужественно возвысила свой голос и перед лицом Грозного царя — в самый трагический момент

русской истории. В годы кровавой революции, произведенной верховной властью, митрополит Филипп восстал против тирана и заплатил жизнью за безбоязненное исповедание правды. Святой Филипп стал мучеником — не за веру Христову, защитником которой мнил себя и царь Иван Васильевич, но за Христову правду, оскорбляемую царем. Он был почти одинок в своем протесте среди современных ему иерархов, одинок и на фоне целых веков. Но его голос спас молчание многих; его подвига достаточно, чтобы выявить для нас новую черту в лике православия. Церковь, канонизировавшая святого, взяла на себя его подвиг, столь редкий — быть может, даже единственный — вплоть до грозных событий наших дней. Подвиг митрополита Филиппа дает настоящий смысл и служению его сопатрырей на московской кафедре Успения Богородицы: св. Алексия и св. Гермогена. Один святитель отдал труд всей жизни на укрепление государства московского, другой самую жизнь, обороняя его от внешних врагов. Св. Филипп отдал жизнь в борьбе с этим самым государством в лице царя, показав, что и оно должно подчиниться высшему началу жизни. В свете подвига Филиппова мы понимаем, что не московскому великодержавию служили русские святые, а тому Христову свету, который светился в царстве, — и лишь до тех пор, пока этот свет светился.

Подходя так к образу и делу св. Филиппа, мы убеждены, что не совершаем над ними тенденциозного насилия. Уже древнее житие Филиппа построено на этом плане: обличитель Грозного затеняет в нем соловецкого инока. И для древне-русского церковного сознания св. Филипп жив как митрополит Московский, а не как подвижник с Белого моря. Черты его внутреннего духовного облика даны нам чрезвычайно скупой, и нельзя не пожалеть об этом. Они нам все же даны — настолько, что позволяют видеть тот личный, иноческий путь, на котором ярко вычерчивается общественное его служение. Но все же св. Филипп принадлежит к тем деятелям, личность которых целиком выражена для нас в их подвиге. Вот почему наш биографический опыт будет опытом историка, а не агиографа. Мы постараемся возместить скудость личных черт биографии, вставив ее в историческую оправу. Знакомство с эпохой может пролить свет и на смысл личного подвига. Митрополит Филипп при-

надлежит столько же истории русской церкви, как и русского государства. Недаром Карамзин видел в нем «героя», даже «знаменитейшего из героев древней и новой истории». Мы увидим только, что, как истинный святой, он был героем смиренным, не искавшим подвига, но и не уклонившимся от него, когда мученическое бремя власти упало на его плечи, привыкшие к иным трудам.

Глава I

В московском дворце

Св. Филипп родился 5 июня 1507 г. Его мирское имя было Федор Степанович Колычов. По рождению он принадлежал к среднему слою московского, не княжеского боярства старого корня, предки которого издавна служили князьям московским. Захарьины (Романовы), Шереметевы, Колычовы вели свои роды от общего предка. Веками они строили вместе с потомками Калиты государство московское и, потеснившись перед удельными князьями, переезжавшими на московскую службу со времени Ивана III, продолжали служить своим государям. Дед Федора Иван Андреевич Колычов-Лобанов при Иване III ездил послом в Крым, бывал наместником в Новгороде, нес и ратную службу: ходил против шведов и ливонцев и даже убит был (в 1502 г.) при нападении ливонцев на Ивангород. Сын его, боярин Степан Иванович, по прозванию Стенстур, отец Федора, был назначен дядькой (воспитателем) великого князя Юрия Васильевича, брата Грозного, а дядя Федора Иван «ведал думу» князя Андрея Ивановича Старицкого, удельного князя из московского дома, — брата Василия III. Служа ему, он все еще служил роду князей московских, и только распря между московским правительством и удельными родственниками поставила его, как мы увидим, в ряды противников Москвы.

Эта семейно-сословная справка не кажется излишней в биографическом очерке митрополита Филиппа. Судьба Колычовых не раз трагически сплеталась с его собственной судьбой. Опала Колычовых совпадает с уходом из мира молодого Федора. Низложение митрополита сопровождается казнями Колычовых. При скудости биографических сведений, иным представлялось возможным ставить в связь оппозицию Филиппа царю с оппозицией гонимого боярства. Мы увидим, что в такой постановке вопроса есть коренная ошибка. Но даже и не считая дело св. Филиппа политическим делом, можно повторить замечание Иловайского¹, что, быть может,

боярское происхождение не было случайностью в биографии святого.

Мы почти ничего не знаем о первых тридцати годах жизни Федора Колычова. Мать его Варвара окончила свои дни в монастыре, но постриглась она уже после своего сына. Ее родовые вотчины лежали в новгородских землях, как, впрочем, и многих из Колычовых. Кроме Федора, у нее было еще трое младших сыновей. Федор рано научился грамоте. Он получил и необходимое для сына боярского воинское воспитание. Посылали его «со отроки на конях ездити». Житие св. Филиппа² уверяет, что он «о том не брежаше», подчеркивает отчужденность юноши от игр и обычаев сверстников, любовь к чтению, к житиям «досточудных мужей». Все же оно отмечает, что юноша «вразумлялся и воинской храбрости». Молодой сын боярский не мог не нести государевой службы. Однако житие связывает поступление его на службу лишь с вокняжением Ивана IV. Впрочем, здесь перед нами одна из многочисленных неточностей этого памятника. Трудно думать, что до 26 лет юноша не нес никакой службы. Может быть, указания жития относятся к дворцовой службе Федора. До того он мог нести службу ратную, ходить в походы, но об этом не сохранилось никаких свидетельств. Неизвестно также, действительно ли Федор попал во дворец лишь после смерти великого князя Василия. Его отец и дядя были близки к московскому двору, и вряд ли стоило бы ждать так долго, чтобы устроить молодого Колычова на одну из почетных и многообещающих придворных должностей. Какова могла быть эта придворная служба Федора?

Московский двор совсем недавно, при Иване III, после брака с византийской царевной, порвал с патриархальной простотой удельного двора, чтобы сменить его на пышность, импонирующую и иностранным послам, впервые появившимся в Москве. Расширился состав придворных чинов. При Иване III к старым боярам, окольничим, дворецким присоединились казначей, постельничий и конюший. При Василии III мы встречаем сверх того оружничего, ловчего, крайчего, стряпчего, рынд, подрынд и ясельничих³. Мы и должны представлять себе Федора подвигающимся по лестнице этих придворных должностей, приглядывающимся к дворцовым порядкам, к ве-

ликому князю и к людям, его окружающим. Если юноша был одарен чуткой совестью, он должен был оценивать и судить этот мир. Постараемся же восстановить те впечатления, под которыми создавался его характер и его взгляды. Тридцатилетний пробел в его биографии дает нам достаточно досуга и места, чтобы заполнить его беглым очерком политических и церковных отношений, как они складывались в Москве к началу XVI века. Мы представляем эти факты в том освещении, в котором они должны были являться и действительно являлись для наиболее чутких — морально и религиозно — современников из боярской и церковной среды.

Княжение Василия III не принадлежит к самым блестящим или трагически напряженным страницам русской истории. Но оно во всех отношениях достойно занимает свое место между княжениями обоих Грозных Иванов — деда и внука⁴. Оно встает перед нами со страниц летописей как время напряженной борьбы и труда, растущей мощи, подготовки свершений. Зреет русское царство с присущими ему потенциями Империи. Московское великое княжество перерождается в Русию. Именно в княжение Василия III псковский монах Филофей, один из первых московских публицистов, выражает свои взгляды на Москву, как на преемницу Византии и носительницу православного царства — третий Рим. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертого не быть».

Читая историков этого времени, поражаешься количеству затраченных усилий, кровавого пота, которым политы все окраины русской земли. Война на рубежах почти не прекращается: с Казанью, Крымом, Литвой. Тяжелые неудачи (под Казанью, под Оршей) чередуются со славными успехами: Смоленск навсегда возвращается в состав государства русского. Видя, какой ценой покупаются успехи, понимаешь, что постройка московского царства должна получить суровый стиль: закрепощения, службы и тягла.

На пути к новой национальной цели стоят последние уделы — вернее, тень былых княжеств и вольных городов: Рязань, Псков и др. Они имеют за собой старое право — следовательно, нравственную правду для старинного русского человека. Москва не стеснялась, во имя национального интереса, попирать сознательно эту правду. Что московскому княжескому дому не

было чуждо сознание национального, общерусского дела, об этом говорят хотя бы записанные у Татищева⁵ слова в. князя Ивана III митрополиту, просившему об освобождении его брата, князя Андрея: «Жаль мне очень брата, но освободить его не могу... Когда я умру, то он будет искать великого княжения под внуком моим, и если сам не добудет, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, татары будут русскую землю губить, жечь и пленить, и дань опять наложат, и кровь христианская опять будет литься, как прежде, и все мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татар».

И вот, ради национального дела приносились тяжчайшие жертвы — не только трудом и кровью, но и совестью. Кажется, будто уроки итальянских дипломатов из школы Макиавелли были усвоены в Москве, вместе с появлением Феррарской дукессы, воспитанной в Риме (Софии)⁶, вместе с западными дипломатическими посольствами.

И в тон этим политическим урокам западного Ренессанса вторят угодливые голоса церковной партии «иосифлян» (учеников Иосифа Волоцкого), оправдывающие «богопремудростное коварство» государя.

Как применялись на практике эти уроки «богопремудростного коварства», показывает всего лучше судьба уделов. Последний великий князь Рязанский Иван был посажен в Москве в темницу, откуда во время нашествия на Москву крымского хана Махмет-Гирея, бежал в Литву. В московской же темнице скончался князь Новгород-Северский Василий Иванович Шемячич, внук Шемяки. Псков потерял свои вольности в 1510 г. не в результате восстания или политического столкновения с Москвой. Он был захвачен врасплох, вероломно, в стиле Цезаря Борджиа. Поучительно сравнить правовую и нравственную обоснованность похода Ивана III на Новгород с псковским переворотом его сына. Иван долго медлил, долго терпел новгородские обиды. Национальная измена Новгорода (союз с Литвой) давала ему в 1471 г. прекрасный повод для выступления. С Московским князем было национальное сознание Руси. Василий III обещал псковичам свой государев суд по жалобам их на его наместника, вызвал в Новгород бояр и лучших людей псковских в качестве истцов и неожиданно приказал арестовать их. Бояре московские цинично заявили псковичам: «Вы

пойманы Богом и в князем Василием Ивановичем всея Руси». Лишенный своих вождей, Псков не сопротивлялся. Коленопреклоненно встретил своего «завоевателя» («Псков взявши без брани»), со слезами спустил вечевой колокол и проводил в Москву своих изгнанников. Затем беззащитный и верный русский город был сознательно отдан на разграбление московских воевод и дьяков.

В деле Шемячича вероломство московской политики компрометирует и достоинство церкви. Этот пограничный с Литвой князь, верный Москве, вызывал ее подозрения. Подозрения эти питал при дворе великого князя исконный соперник Шемяки и сосед, князь Стародубский. Будучи вызван в Москву для объяснений, Шемячич сумел оправдаться во взведенных на него обвинениях. Но когда его вызвали вторично, он, обеспокоенный, потребовал гарантий, «опасной грамоты». Такие «опасные грамоты», обещающие ему беспрепятственное возвращение, были выданы Василием и митрополитом Даниилом. Несмотря на это, Шемячич был арестован в Москве и заключен в одну из башен Кремля, где и умер. Рассказывают, что во время его пребывания в Москве по улицам ходил какой-то юродивый с метлой, приговаривая: «Государева земля еще не совсем очищена: теперь пора вымести последний сор». По-видимому, народное сознание поддерживало московского князя в деле очищения удельного «сора». Но те, кто стоял за кулисами московской политики и сохранил еще старинные предрассудки о святости крестоцелования, не могли не быть оскорблены, особенно соучастием в этом нечистом деле митрополита Даниила. Владыка был посвящен в заговор против Северского князя и сознательно приложил к нему свою руку. Впоследствии он имел даже смелость оправдывать свой поступок в беседе с боярином Берсением: «Бог его (в. князя) избавил от запазушного врага». — «Кто это запазушный враг?» — «Шемячич». — «А сам позабыл, прибавляет Берсень, как Шемячичу грамоту писал за своею подписью и печатью, клялся ему образом Пречистыя и Чудотворца, да на свою душу».

Не только удельные князья гибли жертвой московской политики. Одинаковая участь с Шемячичем и Рязанским князем постигла и Дмитрия, внука Ивана III, законного наследника престола, впервые венчанного в Москве по торжественному ви-

зантыйскому чину, которым впоследствии венчали уже на царство Ивана Грозного. Борьба придворных партий, победа второй супруги государя, знаменитой Софьи Палеолог, привела 8-летнего князя Димитрия в кремлевскую темницу. Он просто должен был уступить место счастливому сопернику Василию, сыну гречанки. Юный узник, подобно императору Иоанну Антоновичу, долго томился в кремлевской башне, и хотя известия о его насильственной смерти, по-видимому, несправедливы, он умер «в нуже», говоря словами летописца (в 1509 г.), бросая мрачную тень на блеск московского двора. Василий III не совершил над собой обряда венчания — не мог совершить, не вызывая в памяти и совести народной того, кому церковный обряд уже дал печать царственного посвящения.

Торжествуя над своими врагами, уничтожая удельный порядок, московский князь ломал те патриархальные традиции своей власти и своего ближайшего окружения, которые казались теперь несовместимыми с самодержавием. Место былой простоты заняла пышность придворного церемониала. Старые бояре, строившие государство московское и горой стоявшие за своего князя, не стеснялись подчас перечить его воле, считали участие в совете княжеском своим правом и устоем правительственного здания. Теперь они осуждены уступать место придворным любимцам. Василий с ними горд и необщителен. Он способен прогнать из своей думы резко возражающего ему советчика: «Пошел, смерд, вон, ты мне не надобен». — «Государь наш упрям, — жалуется один из опальных думных людей, — и встречи против себя не любит: кто ему навстречу говорит, он на того ополчается; а отец его против себя встречу любил и тех жаловал, который против его говорили». — «Государь наш запершись сам-третей у постели всякие дела делает». И в этих отступлениях от старины готовы были видеть опасную для государства ломку. «Которая земля переставливает обычаи свои, и та земля недолго стоит, и здесь у нас старые обычаи князь великий переменял, ино на нас которого добра чаяти?» Так говорит тот же Берсень, а дьяк Жареный ему вторит, указывая уже на личный характер великого князя: «А государь у нас пришелся жестокий и немилостивый». Последнюю черту отметил и иноземный свидетель Максим Грек, для которого Русь стала второй родиной-мачехой: «Пойдет государь к церкви,

вдовицы плачут и за ним идут, и они (свита государева) их бьют». Такие речи велись под шумок в московских теремах, и мы не знаем, конечно, насколько они выражали общественное мнение. Но, принимая во внимание, что они могли стоять неосторожным языком (Жареному), а то и головы (Берсеню), нужно ли удивляться, что они доходят до нас так глухо?

Цесарский (германский) посол Герберштейн, дважды приезжавший в Москву при Василии III, говорит, что московский государь властью своей превосходит всех монархов на свете. «Он пользуется своей властью по отношению к духовным лицам, как и к светским, свободно и по своей воле распоряжается жизнью и имуществом всех; из советников его никто не пользуется таким авторитетом, чтобы смел не соглашаться с ним или в каком-либо деле противоречить ему». Герберштейн поражен теократическим характером этой власти. Она выражается в подслушанных им словечках, пословицах, не отделяющих, как будто, личность государя от Бога. «Воля государя — воля Божия», «про то знает Бог и великий государь». По его словам, русские даже называют великого князя «ключником и спальником Божиим». Иноземец правильно усмотрел юридическую неограниченность княжеской (даже не царской) власти. Но от него, да еще в атмосфере придворной лести, не могла ускользнуть ее связанность моральным и религиозным законом, нарушения которого — именно при теократическом идеале власти — должны были восприниматься болезненно. Все же и в «Описании Московии» Герберштейна отразился резкий перелом общественных отношений, пережитый в Москве в княжение Ивана III и Василия III.

Нам остается коснуться церковной стороны этого перелома, которая не могла не затронуть будущего инока и святого. Едва ли, впрочем, кто-нибудь в Москве XVI века мог остаться чуждым церковным интересам и злобам дня. В сущности, все внутренние события, вся борьба партий и идей, заполняющих собою Василиево княжение, выражались в борьбе вокруг церковных вопросов. Доживала еще ересь жидовствующих, не добытых казнями и преследованиями времен Ивана III. Это странное движение, отголосок западных реформационных брожений, в обеих своих формах — чистого иудаизма и религиозного рационализма и вольнодумства — заразило, главным образом, верхи московского

общества и церкви. Оно имело своих приверженцев при дворе, в семействе великокняжеском (Елена, невестка Ивана III) и даже на митрополичьей кафедре, в лице Зосимы, сведенного с митрополии в 1494 г. «своея ради немощи». По отношению к ереси — вернее, к мерам борьбы с ней — русская церковь разделилась. Иосиф, игумен Волоколамский, суровый ревнитель, требовал казней, а совесть князя Ивана Васильевича смущалась перед пролитием крови в делах веры. Иосиф настоял на соборе 1504 г. и добился осуждения еретиков, многие из которых были сожжены тогда в Москве и Новгороде. Княгиня Елена скончалась в темнице. Не довольствуясь казнями упорствующих, Иосиф боролся против прощения и возвращения в церковь раскаявшихся. В искренность их раскаяния он не верил и, считая их не просто еретиками, а отступниками от христианства, напоминал о правилах древней церкви, по которым отступники осуждаются на пожизненное покаяние. Помимо многочисленных посланий, Иосиф составил обширный труд против еретиков, под названием «Просветитель». Когда жидовство, оправившись от гонений, начало снова поднимать голову, Иосиф пишет Василию III слезное послание (1511–1512 гг.). «Ради Бога и пречистой Богородицы попекись и промысли о божественных церквах и православной вере, и об нас нищих твоих и убогих... Как прежде, боговенчаный владыко, ты поревновал благочестивому князю Константину и вместе с отцом своим до конца низложил скверных новгородских еретиков и отступников: так и теперь, если ты, государь, не позаботишься и не подвигнешься, чтобы подавить их темное еретическое учение, то придется погибнуть от него всему православному христианству. Отец твой, по проклятию еретиков, Захарию чернеца и Дионисия тоже, велел заключить их в темницу, и они там скончались, и не прельстили никого из православных. А которые начали каяться и отец твой покаянию их поверил, те много зла сотворили и многих христиан увлекли в жидовство. Так невозможно никому той беды утолить, кроме тебя, государя и самодержца всей русской земли». И в. князь поревновал: «Повелел всех еретиков побросать в темницу и держать там неисходно до конца их жизни — и слыша о том, отец игумен воздал славу Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу».

Уже из приведенного письма Иосифа видна высокая оценка им великокняжеской власти. «Божественный князь, самодер-

жец», он, по смыслу всего письма, является наследником царства и дела Константина. Преданность идее самодержавия составляет отличие всех учеников и последователей Иосифа — всей партии иосифлян, которая при Василии III получает преобладающее значение. Религиозный консерватизм, преданность власти соединяется с консерватизмом бытовым и социальным. Иосифляне — горячие защитники церковных имений, права монастырей владеть населенными землями, на которые в начале XVI века ведется натиск со всех сторон: со стороны аскетически настроенных представителей монашества, боярских владельческих кругов и государственной власти, помышляющей о секуляризации монастырских земель.

Вопрос о монастырских имуществах был поднят на соборе 1503 г. «заволжскими старцами» — так назывались пустынножители белозерских и других северных скитов. Нил Сорский, глава этой партии, начал говорить, «чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням, а кормили бы себя рукоделием». Его отношение к этому вопросу было строго аскетическое. Заволжские старцы были «нестяжатели», противники хозяйственного роста монастырей, в котором видели источник обмирщения и социальной неправды (притеснения крестьян). Своей высокой духовной настроенностью заволжские старцы далеко превосходили иосифлян. Сам св. Нил Сорский в своих подвижнических сочинениях оставил нам — едва ли не единственный в древней Руси — школу духовного делания, «умной молитвы», т. е. чистого молитвенного созерцания.

И вот эти-то заволжские старцы выступили против казней еретиков, отстаивая если не свободу совести, то милосердное отношение к кающимся. Соглашаясь, что «некающихся еретиков и непокоряющихся велено заточать», они доказывали, что «кающихся еретиков и проклинающих свою ересь, церковь Божия приемлет с отверстыми объятиями». Они утверждали даже, что еретиков не следует разыскивать, если они содержат свою ересь в тайне и не распространяют между православными. Свое снисхождение к еретикам старцы простерли до того, что давали им убежище в своих скитах, и противники обвиняли некоторых из них в прямом сочувствии ереси.

Боярские круги, ненавидевшие иосифлян — кн. Курбский не называет их иначе как ~~«презлыми и прелукавыми»~~, поддер-

живали заволжских старцев в вопросах о церковных имуществах и в отношении к еретикам. Конечно, их сочувствие «нестяжателям» вытекало из своекорыстного мотива зависти к привилегированным вотчинникам, а сочувствие к гонимым еретикам часто основывалось на вольнодумстве. Впрочем, эти две оппозиционные линии — аскетическая и боярская — иногда причудливо переплетаются в тогдашней публицистике. В князинеке Вассиане Косом (Патрикееве), знатном боярине, насильственно постриженном при Иване III, трудно отличить, что в его борьбе с иосифлянами от духа «нестяжательства» и что от боярской нелюбви к богатым монахам. Если боярская партия прикрывалась «нестяжательством», то сторонники самодержавия опирались на иосифлян: политические и социальные конфликты сплетались с религиозными в один узел, сообщая этой эпохе, в ее духовной жизни, поразительное напряжение и богатство направлений, свойственные великим историческим переломам.

Иосифлянство победило к концу княжения Василия. Выражением этой победы было соборное осуждение и ссылка Вассиана и связанного с ним личными отношениями Максима Грека (1531). Торжествовала не только партия церковных охранителей, но и новая (на Руси) идея самодержавия.

Самодержавие это, сообразно стилю всей древне-русской жизни, хотело опираться на исконное, стародавнее право. Василий III на смертном одре мог говорить своим боярам: «Ведаете сами, от великого князя Владимира Киевского ведется наше государство Владимирское и Новгородское и Московское; мы вам государи прирожденные, а вы наши извечные бояре». Это не мешало как раз Василию производить коренную ломку не только в отношениях государя к боярству, но и в отношениях его к церкви.

Тот же наблюдательный иностранец, записки которого о Московии мы уже цитировали, свидетельствует: «Прежде митрополиты и архиепископы избирались здесь собором всех архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов; отыскивали в монастырях и пустынях мужа наиболее святой жизни и избирали. А нынешний государь, говорят, обыкновенно призывает к себе известных ему лиц и сам из числа их избирает одного по своему усмотрению». И это наблюдение Гербер-

штейна подтверждается историками русской церкви. При Василии были поставлены на кафедру два митрополита: Варлаам (1511) и Даниил (1521). Летописи не упоминают об избрании Варлаама; говорят только, что 27 июля он возведен на митрополичий двор и назначен митрополитом, а 3 августа поставлен на митрополию; только при этом последнем торжественном акте присутствуют епископы. Но, как бы ни ставился Варлаам, не подлежит сомнению, что сведен он был с кафедры насильственно. Летопись свидетельствует, что он «остави митрополию и отиде на Симоново (т. е. в Симонов монастырь), а с Симонова сослан в Вологодский уезд на Камени» (Каменный монастырь на Кубенском озере). Герберштейн пишет, что причиной удаления митрополита было клятвопреступление князя в известном деле Шемячича, в связи с «другими делами, которые казались противными достоинству и власти митрополита». Он сам отдал князю свой пастырский посох, а князь, заковав его будто бы в кандалы, отправил в монастырь. Так как Шемячич был схвачен два года спустя после удаления Варлаама, то рассказ Герберштейна не может быть точным. Если дело Шемячича было одной из причин опалы на митрополита, то, значит, он не пожелал взять на свою совесть грех, которого от него требовали, и на который пошел его покладистый преемник.

В лице Даниила, иосифлянина, великий князь приобрел иерарха себе по вкусу: блестящего проповедника, писателя, строгого к еретикам, но снисходительного к слабостям государя. Герберштейн передает самые нелестные слухи, которые ходили в Москве. Владыка был еще в молодых летах, дороден и красив собой, с румяным лицом. «Чтобы не казаться прилежащим более чреву, чем поста́м, бдениям и молитвам, он всякий раз перед богослужением окуривал себе лицо серным дымом, чтобы быть бледнее». Это из области слухов и сплетен. Замечательно все же, что св. Иосиф Волоцкий, намечая себе преемника по управлению обителью, назвал великому князю десять имен — среди них не было Даниила. Даниил тем не менее был избран игуменом Иосифова монастыря, откуда князь возвел его на Московскую митрополию.

Уже известный нам Берсень жалуется Максиму Греку: «Не ведаю, митрополит ли он, или просто чернец, учительного слова от него никакого нет и ни о ком не печалуется; а прежние

святители сидели на своих местах и печаловались государям о всех людях». Берсень не совсем справедлив: митрополит Даниил был «учителен» более многих предшественников, как об этом свидетельствуют дошедшие до нас его поучения и обличения. Но трудно представить себе этого угодливого иерарха в роли усердного «печалователя». В древнем обычае печалования церкви за опальных, за осужденных выражалась сильнее всего духовная независимость церкви и высота ее нравственной правды. Поддерживая московских государей в их деле собирания земли русской и не отрицая их прав самодержавно карать ослушников, высшие иерархи брали на себя благородную роль адвокатов милосердия. Милосердием церкви смягчалась жестокость политической необходимости и партийной борьбы. В XVI веке, при остром, повышенном самосознании новых самодержцев, печалование — мы увидим это в эпоху Грозного — делается трудным подвигом для представителей церкви. Весьма правдоподобно, что Даниил не имел охоты обременять таким подвигом свои плечи. Мы видели легкость, с какой он взял на себя грех клятвопреступления в деле Шемячича. Современники ставили ему в вину соучастие и в другом грехе, немаловажном для религиозной совести москвичей: в разводе государя со своей супругой Соломонией. Единственным поводом к разводу была бездетность великой княгини — повод, с которым церковь не считается. Князь оправдывал развод политической необходимостью, недоверием к своим братьям, которым предстояло наследовать после него государство: «Они и своих уделов управить не умеют». Странно, что и историки как будто признают политическую вескость этого наивного соображения. Качества нерожденного наследника неизвестны. Оставляя государство малолетнему сыну, помимо братьев, Василий III вверял его неизбежно в слабые женские руки, за которые держались сильные, но своекорыстные руки бояр — родственников и временщиков.

Смутное время боярщины в малолетство Ивана IV и гибельное влияние его на характер Грозного были последствием «политического» развода Василия III. Церкви было предложено освятить это сомнительное политически и морально деяние. Говорят, что великий князь посылал грамоты всем патриархам Востока и на Афон, желая получить у греческой церкви благо-

словение на свой неканонический акт: греки будто бы ответили решительным отказом. Московский митрополит взял и этот грех на свою ответственность. Соломония была не только разведена со своим супругом, с которым прожила двадцать лет в мире и согласии, но и насильственно пострижена. Рассказывают, что при пострижении в церкви происходили жестокие сцены: княгиня топтала ногами поданный ей митрополитом куколь, кричала, что ее постригают насильно, призывая Бога мстителем. Иван Шигона, представитель в. князя в этом печальном обряде, осмелился будто бы поднять руку на несчастную. Так повествует Герберштейн.

Во всяком случае, истинны или нет эти подробности, самое дело это должно было произвести тяжелое впечатление на Москве — с ее глубокой приверженностью к церковному закону, канонам и уставам. Кошунственные разводы Грозного были подготовлены этим первым беззаконием его отца.

Во всех этих событиях мы видим выражение одного общего исторического явления: умаление независимости духовной власти параллельно с ростом нового самодержавного сознания московских государей. Дело не в личных качествах Василия III и митрополита Даниила. Обозревая события пяти царствований, с середины XV в. до конца XVI, можно констатировать эту растущую тенденцию. Особенно яркое выражение она находит в судьбах митрополичьей власти. Обратим внимание только на один, бросающийся в глаза факт. Насильственное сведение с кафедры митрополита Варлаама было явлением небывалым в русской церковной истории. До середины XV века русские митрополиты или присылались из Константинополя, будучи греками по происхождению, или назначались вселенскими патриархами из кандидатов, предлагавшихся русскими князьями, Московскими и западно-русскими. Не имея права самостоятельно ставить митрополита, великий князь Московский тем менее мог низлагать его. Для этого требовался формальный суд патриаршего собора в Цареграде. Эта независимость от местной власти возвышала первоиерарха русской церкви над всеми политическими силами русской земли. Он занимал по отношению к князьям отеческое положение, хотя и не всегда равно беспристрастное, хотя не чуждое определенной политической линии — покровительства растущему единодержавию Москвы.

Достигши с помощью церкви, своей цели, московские князья начинают тяготиться ее патриархальной опекой. Мы видим трения уже при первом государе — самодержце Иване III. Много лет великий князь враждует с митрополитом Геронтием по чисто церковному вопросу (хождение «посолонь»). Он явно добивается его ухода с кафедры. Когда утомленный борьбой и изнуренный болезнью владыка удалился в монастырь, не слагая с себя сана, великий князь стал добиваться его формального отречения. Однако Геронтий не поддался на уговоры и вернулся на митрополюю. Государь должен был уступить ему во всем — и в том, что касалось предмета разделявшего их литургического спора. Не говорим здесь об отречении Зосимы, явного еретика. По отношению к нему была проявлена чрезвычайная бережность. Вместо соборного осуждения, которому подверглись его единомышленники, ему была дана возможность уйти на покой «по немощи».

Василий III мог дерзнуть на то, перед чем остановился его «Грозный» отец. Митрополит Варлаам стал первой жертвой новых отношений. Когда прецедент был создан, пользоваться им стали с чрезвычайной легкостью. Даниил, умевший угождать Василию III, был сведен с кафедры в эпоху боярщины, так же, как и его преемник Иосиф. Гордому и ученому владыке пришлось даже подписать небывало унижительную грамоту при своем отречении.

Если взять 9 иерархов, занимавших московскую кафедру за время Василия III и Ивана IV, то мы увидим, что из них лишь *трое* умерли в своем сане. Остальные были лишены его насильственно или «добровольно» отреклись: один из них (св. Филипп) оставил не только кафедру, но и самую жизнь. Отрешения продолжаются и при кротком Федоре Ивановиче, указывая на прочно установившуюся традицию.

Этим можно закончить очерк политического и церковно-общественного перелома, совершившегося в Москве Василия III в годы молодости Федора Колычова. Почти все эти события совершались на его глазах, большинство деятелей этого богатого волнениями века, вероятно, были ему знакомы лично. Близкий к великокняжескому дворцу, он должен был принимать к сердцу все, что волновало его современников. Этими соображениями оправдывается наше затянувшееся введение в

биографию. Мы исходим из предположения, что политические и церковные события должны были воспитывать его характер, его убеждения. В каком духе и направлении? Этого мы, конечно, не можем сказать с уверенностью. Но с большой долей вероятности можно предполагать, что как по своему происхождению и принадлежности к боярским кругам, так и по чисто церковным мотивам, возобладавшим в нем впоследствии, он вряд ли мог быть в стане поклонников нового режима. Не принадлежа к узкому кругу любимцев великого князя, он скорее должен быть доступен глухому ропоту против него, доносившемуся и до ушей иностранцев. Впоследствии, обличая его сына, митрополит Филипп ставил ему в пример отца. Время и жестокости Ивана IV могли изгладить в памяти и даже реабилитировать суровость его отца. Так для современников Василия время Ивана III казалось идеальным веком — патриархальности, простоты и правды. Современники Ивана III из боярской среды судили об этом иначе.

Если историк-государственник, зачарованный ростом внешней силы и могущества Москвы, назовет тенденциозной нарисованную нами картину теневой стороны этого великого исторического процесса, то в биографии митрополита Филиппа эта картина вдвойне оправдана: как восприятие той среды, к которой принадлежал молодой Колычов, и как тот фон, на котором может рельефно выступить фигура будущего митрополита.

После смерти Василия Ивановича дела на Москве идут особенно бурно и смутно. В их водоворот оказываются вовлеченными и многие из Колычовых. Так как катастрофа, постигшая этот боярский род, непосредственно связана с важнейшим переломом в судьбе Федора, то мы обязаны подробнее остановиться на пятилетнем регентстве Елены (1531–1538).

Вместе с Еленой Глинской вторично властная иноземка ⁷ получает влияние на русскую государственную жизнь: великий князь, умирая, ей отказал государство и малолетнего сына. Елена была племянницей знаменитого магната литовского кн. Михаила, одного из крупных авантюристов, оставивших свои следы — следы кондотьера — в политической истории Западной Европы. Кн. Глинский служил многим европейским монархам — в Италии, в Испании, при дворе императора Максимилиана.

В Литве при в. князе Александре «дворный маршалок» владел чуть не половиной государства. По-видимому, он ставил своей целью стать независимым государем западно-русских земель. Потерпев крушение в этих замыслах при короле Сигизмунде, он перешел на службу Московского князя, мечтая для себя о княжестве Смоленском. Когда и эти надежды его не осуществились, он пытался перебежать обратно в Литву, но был схвачен и посажен в кремлевскую темницу. Брак Василия III с его племянницей освободил Глинского из заключения и поставил на первое место в ряду московской знати. В первые годы регентства Елены он был главным лицом в составе боярского правительства.

Вместе с кн. Еленой и ее родней новая струя Ренессанса прибывает в Москву — на этот раз не итальянско-греческая, а польско-западная. Княгиня Елена должна была получить прекрасное образование, за которое, быть может, великий князь и предпочел ее московским боярышням. К сожалению, мы ничего не знаем о положительном культурном влиянии, исходящем от Глинских. Слышим только, что в угоду молодой жене великий князь сбрил себе бороду — западная мода, распространившаяся тогда среди московских щеголей и приводившая в негодование ревнителей старого быта. Кроме брадобрития, Елена принесла с собой, по-видимому, в кремлевский княжеский терем и общую атмосферу имморализма. По крайней мере, ее кратковременное правление богато скандалами и темными событиями. Москва возмущалась ее почти открытой связью с князем Телепневым-Овчиной (Оболенским), который играл роль временщика при дворе. Сам дядя правительницы, кн. Михаил, пал в борьбе с фаворитом. Елена отправила его (1534) в ту же башню «За Неглинной, за Ямским двором», из которой он вышел благодаря племяннице; там он вскоре и умер.

Отъезд в Литву князя Бельского и Ляцкого повлек за собой аресты в среде бояр, заподозренных в соучастии. Трагичнее всего сложилась судьба удельных князей, братьев покойного государя: Юрия и Андрея. 3 декабря (1533) Василий III закрыл глаза, а через восемь дней после его кончины был схвачен кн. Юрий Дмитровский, приехавший в Москву во время предсмертной болезни государя. Его обвинили в том, что он сманивал к себе на службу кн. Андрея Шуйского. За этим обвинением скрывалось другое: в стремлении к московскому престолу. Од-

на из летописей так выражает эту мысль, приписывая ее боярскому окружению правительницы: «Если не схватить князя Юрия Ивановича, то великого князя государству крепку быть нельзя, потому что государь молод, а Юрий совершенный человек, и людей приучить умеет; как люди к нему пойдут, то он станет под великим князем подыскивать государства» (т. е. добиваться великого княжения). Летописец этот явно не сочувствует московскому правительству: «Дьявол вложил боярам мысль недобрую, зная, что, если князь Юрий не будет схвачен, то не так совершится воля его (дьявола) в граблених, продажах и убийствах». Граблених и убийства рисуются, как неизбежные последствия малолетства государя и правления временщиков. Во всяком случае, народная совесть разделилась в этом конфликте, как разделилась она, если судить по летописям, и при падении князя Андрея. Князь Юрий, арестованный по боярскому слову, был посажен в ту же башню, где кончил свою жизнь несчастный Димитрий, сын Иванов. Через три года он умер в темнице, как пишут, от голода: «страдальческою смертью, гладною нужею» (1536).

Несколько месяцев спустя после смерти князя Юрия решилась судьба и Андрея Старицкого. Младший из братьев Василия, он сохранил с ним лучшие отношения, чем другие. Не обладая политическим честолюбием, он доживал свой век в Старице, окруженный удельным двором, боярами, среди которых, как мы знаем, одно из первых мест занимал Иван Кольчов, дядя будущего митрополита. После «сорочин» по покойном брате он стал выпрашивать у правительницы городов к своему уделу. Ему отказали, одарив, по обычаю — в честь покойного — шубами и конями. Отсюда недовольство и размолвка между большим, Московским, и малым, Старицким, дворами. Шептуны и перебежчики будили обоюдную подозрительность. Вызванный в Москву кн. Андрей примирился с Еленой, дав клятвенную запись не принимать отъездчиков от великого князя «на его лихо», но и после этого глухое недовольство не прекращалось.

Смерть брата Юрия должна была ускорить развязку. По случаю казанского похода, Елена велела звать Старицкого князя в Москву на совет. Андрей не поехал, ссылаясь на болезнь. Посланный в Старицу иноземный врач Феофил донес, что у Андрея болезнь легкая. Елена требовала немедленно явиться в Мо-

скву, в каком бы он ни был положении. До нас дошел ответ удельного князя. Называя себя «холопом» великого князя и униженно умоляя о милости, он горько сетовал на обиду: «а прежде, государь, того не бывало, чтоб нас к вам, государям, на носилках волочили».

Между тем до Москвы дошли слухи о том, что старицкий князь замыслил побег. Из Москвы к нему было отправлено посольство из трех духовных лиц от имени митрополита Даниила; они убеждали его «ехать к государю и к государыне без всякого сомнения: и мы тебя благословляем и берем на свои руки». Поручительство Даниила внушало, понятно, мало доверия, тем более, что из Москвы уже двигались к Волоку полки под начальством двух князей Оболенских — Никиты Хромого и любимца Елены Овчины. 2 мая Андрей бежал из Старицы и стал поспешно собирать верных ему людей. В грамотах к новгородским помещикам и детям боярским он писал: «Великий князь молод, держат государство бояре, и вам у кого служить? Я же вас рад жаловать». Многие откликнулись на его призыв. Но кн. Никита уже отправился укреплять Новгород. Овчина, который стал у Волги, сначала отрезал дорогу на Литву, потом перешел в погоню и, нагнав рать кн. Андрея, убедил его сдаться на милость Москвы. От имени правительницы Овчина дал клятву, что в Москве князь не будет схвачен и не подвергнется большой опале. Старицкий князь попался в ловушку. В Москве он ходил на свободе только два дня. Потом правительница объявила, что воевода не был уполномочен давать князю гарантии, и велела заключить Андрея в оковы. Князь не более полугода прожил в неволе. Старая традиция московского вероломства при Елене сочеталась с системой тайных казней. При ней никто не выходил живым из кремлевских башен.

Падение удельного князя привлекло за собой казни и опалу его приверженцев. Жена его и сын Владимир были взяты под стражу. Удельные бояре — князья Пронский, Оболенские, Пеннинские, Палецкие, а с ними дети боярские, сидевшие в «избе и думе» князя Андрея, подверглись пытке, торговой казни и заключению. Наконец, тридцать помещиков новгородских, перешедших к князю Андрею, были повешены, и виселицы их расставлены по всей дороге от Москвы до Новгорода. Среди них летопись называет многих Колычовых.

В мае (1537) произошло неудачное восстание кн. Старицкого с последовавшими за ним казнями. 7 июля, по словам жития св. Филиппа, юный Федор был поражен услышанными в церкви евангельскими словами о невозможности служить двум господам и решил покинуть мир. Трудно было бы отрицать связь между этими двумя событиями. Но, утверждая ее, мы не желаем и не имеем права представлять Федора Колычова заговорщиком против московского правительства, бегущим в монастырь, чтобы спасти свою голову. Мы не знаем, угрожала ли ему лично какая-нибудь опасность. Не все Колычовы пострадали. Отец Федора, Степан Иванович, должен был стоять близко к правительнице в качестве дядьки ее младшего сына Юрия. Но трагическая смерть родных и близких переполнила чашу. Трудно было, действительно, служить тогда в Москве двум господам. Федор достаточно насмотрелся на политическую жизнь в Москве, чтобы почувствовать к ней отвращение. Есть одно обстоятельство, которое заставляет предполагать в юноше раннее религиозное призвание. Достигнув 30 лет, Федор все еще не был женат — обстоятельство удивительное на Руси. Мысль об отречении от мира должна была уже давно тайно зреть в нем, и политическая катастрофа только ускорила его решение.

Религиозное «обращение» очень часто совершается не без влияния внешних, мирских мотивов. Разнообразны средства и испытания, которыми ведет Бог душу по пути очищения от страстей. Земные утраты — это вызов, обращенный Богом к душе — падет ли она или возродится? Вся последующая жизнь инок и митрополита дает ответ на вопрос об истинных основаниях его ухода из мира: что здесь было внутренним и что внешним?

Думаем все же, что и внешнее, т. е. тяжелый политический опыт, пережитый им в молодости, не был лишь отрицательным. Не одно отвращение к миру вынес из него будущий монах, но и ясную, трезвую оценку сложных сил, которыми вяжется ткань политических событий. Судьбой он поставлен был на том месте, откуда виднее кулисы исторического театра. Он видел теневые стороны его актеров; их страсти и интриги, которые сливаются у них с идеями народного блага и национальной славы. Исторический излом русской жизни прошел жестоким рубцом через его среду, его семейный круг, раздавив его собст-

Г. П. ФЕДОТОВ

венную карьеру. Не озлобленным человеком партии вышел он из кризиса, но зрелым мужем, который зорко видит и по ту и по другую сторону рубежа, знает цену вещей и умеет различать Божеское от человеческого. Для будущего митрополита не могло быть лучшей начальной школы. Только уроки ее должны быть дополнены уроками духовной жизни, в школу которой он стучится, беглец и странник, оставив за собой опасный блеск московского дворца.

Глава II

СОЛОВКИ

I

МЫ ЗНАЕМ многих опальных бояр XVI века, которые сменили царский двор на монастырь. Знаем, как легко было богатому и влиятельному человеку окружить себя в иной обители достатком и роскошью, привычными его сану. Можно было держать возле себя многочисленную челядь, иметь свои амбары и погреба. Грозный с негодованием рассказывает о такой вельможной и сладкой жизни бояр в Кирилловском монастыре: «Ныне у вас Шереметьев сидит в келье, что царь, а Хабаров к нему приходит с другими чернецами, да едят и пьют, что в миру. А Шереметьев невесть со свадьбы, невесть с родины рассылает по кельям пастилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастырем у него двор, на дворе запасы годовые всякие»... О знаменитом князе-иноке Вассиане, избравшем себе московский Симонов монастырь, недоброжелатель его пишет: «Пияше же нестяжатель сей романию, бастр, мушкатель, ренское белое вино».

Не для такой жизни бросил Колычов Москву, и первые шаги его аскетического пути лучше всего покажут разницу между знатным монахом-поневоле и святым по призванию. По словам жития, Федор ушел из Москвы, не открывшись никому, даже отцу с матерью, не взяв на дорогу ничего, кроме одежды — «нужных покрывал». И не какой-либо из богатых подмосковных или «заволжских» — белозерских монастырей избрал он для своего подвига, а далекую Соловецкую обитель на Белом море. Путь в Соловки долог и труден. Федор направился не прямой дорогой из Москвы через Вологду, по Двине, а окольной, через земли Новгородские. Близкие ли родственные связи в новгородских вотчинах отклонили его путь, или не сразу мысль о северной обители встала перед ним, — мы не знаем.

Только находим его на озере Онеге, на полпути от Новгорода к Белому морю. Дороги вели по озерам и болотам, недоступным для пешего в летнее время. Приходилось или плыть в лодке или ждать зимы, когда мороз скует зыбкие трясины. Какие-то неведомые нам причины — быть может, бездорожье, быть может, отсутствие средств — заставили путника остановиться на берегу Онежского озера в деревне Кижe (или Хиже). Здесь он живет у местного поселенца Субботы «не мало дней» пастухом. Так будущему пастырю «словесных овец» надо было прежде попасть овец бессловесных, — замечает житие. Боярскому сыну сразу пришлось испытать чашу нужды и лишений. Служба деревенским пастухом для вчерашнего придворного была лучшей школой смирения, чем любое монастырское послушание. Но это лишь этап долгого странствия. Настал день, когда перед юношей встали из волн Студеного моря — не многоцветные стены и башни, как ныне, — а скромные главы деревянных церквей Соловецкого острова.

Прошло уже больше ста лет, как Герман, родом из Тотьмы, отшельник с Карельского берега Белого моря, и Савватий, постриженник Кириллова-Белозерского монастыря, побывавший и на Валааме, водрузили крест на необитаемом острове и начали здесь подвижническую жизнь (1429). Впрочем, ни преподобный Савватий, ни Герман не положили начала общежитию. Вокруг них еще не было учеников. Св. Савватий скончался не на острове, а в отлучке, на берегу, и погребен был в часовне на реке Выге (27 сент. 1435 г.). Герман, не вынеся одиночества и трудности пропитания в Соловках, тоже оставил остров, на который вернулся через год вместе с новым подвижником, уроженцем Новгородским (с озера Онеги). Преп. Зосима и был истинным основателем Соловецкой обители. Св. Герман, местно чтимый в Соловках, не оставил своего имени монастырю. Он первый привел сюда, увлекши своими рассказами о морской пустыне, великих пришельцев, но сам не раз оставлял открытый им остров для менее сурового поморского берега. Хотя он пережил и Зосиму, но никогда не был игуменом в созданной и его трудами обители, и не в ней окончил свои дни.

Преп. Зосима явился не только мужественным подвижником, поборовшим и голод, и стужу, и демонские искушения, но и отцом стекавшихся иноков, рачительным хозяином, организатором

ром общежития. Он срубил первую церковь на месте, где имел видение светлого, с небес спускающегося храма, и освятил его во имя Преображения Господня. Русский Север любил посвящать свои скромные деревянные церкви таинственному, духовному Преображению. Его огнем и светом побеждался холод и мрак стихий; суровость аскетических трудов озарялась обетованием торжества — нетленной, прославленной плоти. Один из приделов Соловецкого храма был освящен во имя чудотворца Николая, властителя морских пучин. Из новгородской дарственной грамоты «в дом святого Спаса и пречистыя его Матери и святого Николы» мы узнаем, что другой придел — или отдельный храм — был посвящен Пресвятой Богородице. Через несколько лет, еще при Зосиме, когда на месте маленькой церкви был построен большой, но все же деревянный храм во имя Преображения, при нем, с восточной стороны, была построена церковь Успения Божией Матери. Так на диком острове, среди пустынного полярного моря святая Русь появляется с именами своих излюбленных святых, символами своего сокрытого от нас (невывраженного в книгах) богомыслия.

Уже происхождение обоих основоположников соловецких указывает на два пути, ведущих из Руси к Белому морю: один с Московского юга, другой с Новгородского юго-запада. Вероятно, и среди первоначальных иноков мы могли бы встретить уроженцев обоих великорусских государств, с численным преобладанием новгородцев. К русским рано начали присоединяться и местные финны-карелы, которые приходили в монастырь еще при жизни св. Зосимы, крестились здесь и иногда принимали монашеский постриг.

Весь поморский север в то время тянул к Великому Новгороду. Среди редкого инородческого населения — карел и самоедов — рубили свои поселки холопы и крестьяне новгородских бояр, осваивая для своих господ островки редкой хлебородной земли, занимаясь звероловством, рыбными и соляными промыслами. Наряду с приказчиками новгородских купцов, на север проникают пустынножители и колонии иноков из южных монастырей, обслуживая религиозные нужды русских насельников. Нередко монашеская пустынь является приходской церковью для обширного района. Но ко времени основания Соловецкого монастыря за сотни верст в округе не было зна-

чительных монастырей. Соловецкие пионеры упредили естественный прилив колонизационного движения и создали единственный по своему значению центр для всего православного Севера.

Соловецкий остров совершенно лишен хлебородной земли. Поверхность его состоит из скал и озер, да холмов, заросших лесом. Климат острова не столь суров, как можно было бы ожидать, судя по его географической широте. Море, незамерзающее круглый год, за исключением прибрежной полосы, умеряет зимнюю стужу: морозы редко превышают 20 градусов. Но земля здесь не может прокормить своих обитателей. Отсюда необходимость заводить промыслы или искать удобную почву на материке. Еще при жизни св. Зосимы монастырь направил свою хозяйственную деятельность по этим двум путям. Вот как описывает его житие монастырское хозяйство: «И дров множество рубили и заготовляли, и воду из моря черпали, и соль варили, и продавали торговцам и получали от них всякие орудия на потребу монастырскую, трудились и в прочих промыслах, ловили рыбу... И так кормились от своих трудов в поте лица». Но рано уже бояре новгородские дают монастырю земельные угодья по побережью Белого моря. Древнейшая из дошедших до нас грамот принадлежит знаменитой Марфе Борецкой, вдове посадника Исака Андреевича. Вместе с сыном своим Федором, боярыня дарит монастырю «на море в Суме реке у часовни два лука земли, где Парфенка да Першица живут, и на той земле деревни страдомья, и пожни, и лес полейшей, и ловища водные и лешие озера». Теми землями «володе-ти игумену и старцам во веки, а поминати им мужа моего Исака, и родителей моих и детей моих, а ставить им обед на Дмитриев день».

Не всегда отношения между монастырем и новгородскими засельщиками складывались мирно. Уже рано рыболовы и звероловы, как русские, так и карелы, начали заезжать на самые острова Соловецкие, чиня обиды инокам. Монастырь, брошенный в пустынном море, не мог уйти от власти Великого Новгорода. Там он должен был искать себе защиты от притеснителей, и нашел ее. Сохранилась грамота за печатями владыки Новгородского Ионы, посадника, тысяцкого и пяти кончанских старост, коею за обителью Соловецкою «с моря Окияна»

признается право владения всей группой островов: Соловки, Анзеры, Муксалмские (Большой и Малый), Заяцкие (Большой и Малый) «и малые островки»... «А бояром ноугороцким ни корельским детем ни иному никому ж в те острова не вступаться... А кто придет на те острова на ловлю или на добыток, на сало или на кожу, ино всем тем давати в дом св. Спаса и св. Николы изо всего десятина». А всякий ослушник «даст великому Новгороду 100 рублей в стену». (Около 8000 рублей в XIX в.).

Завися от Новгорода в хозяйственном и гражданском отношении, Соловецкий монастырь тем более зависел от него в делах церковных. Он лежал в обширной епархии архиепископа Новгородского, и зависимость эта была законна. Но нас удивляют те строгие формы, в которых она первоначально выразилась. Все первые настоятели монастыря присылались в Соловки из Новгорода, из чернецов Новгородских, т. е. не избирались из состава братии. Однако эти пришельцы недолго могли выдерживать суровость северной Фиваиды, и возвращались в город, покинув свою паству. Они оказали большие услуги Соловкам, ходатайствуя за них у городских властей, но духовными отцами монастыря оставались святые основатели его – Герман и Зосима. Наконец, соловчане настойчиво стали домогаться игумена из своей среды, и архиепископ Иона должен был согласиться со справедливостью их требований. Он утвердил Зосиму, избранного братией, четвертым игуменом соловецким, предварительно вызвав его к себе в Новгород. Одной из величайших драгоценностей богатой впоследствии ризницы соловецкой навсегда осталась скромная риза из белого полотна, с шелковым лишь оплечьем, подаренная архиепископом преп. Зосиме при поставлении его во игумена. В этой ризе, по древнему обычаю, служили настоятели в день памяти святого.

В настоятельство св. Зосимы шли усиленные работы по перестройке церкви, келий и служебных зданий. Окончательно установлен устав церковной службы и келейные правила. Устав преп. Зосимы, сохранившийся в библиотеке монастыря, составлен в согласии с Иерусалимским типиконом. Почитая память своего предшественника, Зосима перенес на остров мощи св. Савватия из часовни на реке Выге, где скончался преподобный. Над могилой его уже совершались чудеса. Настоятель Кириллова-Белозерского монастыря, где начал свои подвиги почивший старец, пи-

сал соловецкому игумену, убеждая его не лишать себя дара целебных его мощей. Они были торжественно погребены в обители за алтарем Успенской церкви, и над гробом была уже поставлена первая икона, написанная новгородцем Иваном, знавшим старца лично, свидетелем его кончины.

Среди хозяйственных своих забот Зосима должен был предпринять вторичное путешествие в Новгород, искать управы от насилия боярских людей. Здесь ему пришлось встретить суровый прием у прежней благодетельницы монастыря. Посадница Марфа, люди которой обижали соловчан, с бесчестием прогнала старца со двора, и тогда-то он, рассказывают, предрек судьбу, ожидавшую гордый род: «Се дни грядут, когда дома сего жители не исследят стопами своими двора сего, и затворятся двери дома сего... и будет двор их пуст». Близость великой катастрофы бросает назад свою тень и в другом зловещем видении, о котором повествует житие Зосимы. Раскаившаяся Марфа пригласила игумена к себе на пир. Во время пира преподобный имел странное видение: шесть пировавших гостей, из числа знатнейших бояр, сидели без голов. Зосима не мог удержаться от слез. Через год видение святого исполнилось; шесть голов слетело по приказу великого князя Ивана Васильевича, после шелонского боя. Преподобный же возвратился на остров с новым пожалованием Борецкой, грамотой на новые земли, писанной рукою ее сына (1470 г.).

Умирая в 1478 г., строитель соловецкий благословил братию и обещал славное будущее обители: «Телом я ухожу от вас, но духом неотступно с вами пребуду; и да будет вам ведомо: если я обрету благодать перед Богом, то обитель моя по отшествии моем наипаче распространится, и соберутся братий множество в духовной любви, и умножится святая сия обитель всяким обилием духовным, и в телесных потребах они не оскудеют». Последние слова прекрасно рисуют дух северного монастыря за все пять столетий его славной истории. Он умел соединить широкую хозяйственную деятельность с неглохнувшей и в периоды упадка традицией духовной жизни. Огромные владения не заглушили его призвания. Не в суровом аскетизме, не в мистическом созерцании — смысл соловецкого трудничества, а в разумном сочетании деятельной и созерцательной жизни, в соединении труда и молитвы.

По смерти великого основателя, 18 настоятелей сменили друг друга до игумена Алексея, при котором постригся Федор Колычов. Мы мало знаем о событиях, наполнявших годы их большей частью кратковременного правления. Монастырь продолжал расти, благосостояние его развивалось, подрываемое разве пожарами (1485 г. и 1538 г.). Падение Новгорода не отразилось на его экономическом процветании. Иван III дал монастырю грамоту на владение островами, подтвержденную его сыном. Новгородские владыки продолжали делать в монастырь вклады и наделять его льготными, «тарханскими» грамотами. Третий преемник Зосимы, игумен Досифей, составил житие преподобных основателей Зосимы и Савватия. Хотя и подвергнутое, по просьбе скромного автора, риторической обработке под пером митрополита Спиридона (1503 г.), оно довольно богато конкретными чертами, и рисует если не духовный облик святых, то уклад жизни в слагающейся обители. При следующем игумене Исае в монастырь был перенесен, через 5 лет по преставлении Германа, его гроб и поставлен близ алтаря, рядом с мощами преп. Савватия.

В 1514 г., по повелению великого князя, монастырь был описан московскими дьяками. В писцовой книге сохранились следы какого-то вмешательства московских властей во внутреннюю жизнь обители. Игумен Евфимий, упоминающийся в описи, почему-то устранен от дел. Чиновники приказывают временно ведать монастырем четверем старцам, «докудова им князь великий игумена даст или товожа даст». Возможно, что с этого времени утверждение соловецкого игумена происходило с согласия Москвы. Это, однако, не отменяло прав новгородского владыки, в ведении которого по-прежнему находился монастырь.

Во всяком случае, игумен Алексей (Юрнев) принял Соловецкий монастырь в 1534 г. по описи дьяков и по грамоте в. князя Ивана Васильевича (Грозного). Не раз малолетний царь (или его правительство) являются благодетелями обители, в годы иночества Филиппова. После пожара 1538 г. царь вознаграждает монастырь рядом поморских деревень с соляными угодьями и оброком. В 1541 г. он дает монастырю «несудимую» грамоту (подтверждение грамоты Василия III), по которой монахи и крестьяне монастырские освобождались от су-

да светской власти, «опричь разбоя и татьбы с поличным». Суд над всеми зависимыми людьми передавался игумену, в дела которого не должен быть вступаться даже владыка новгородский, кроме дел духовных. Готовясь к Казанскому походу, государь писал в Соловки через бояр, прося молиться о победе, и при этом случае велел раздать монахам щедрую милостыню («семь рублей и восемь денег в московское число»).

Со времени Грозного в Москве не забывают о северном монастыре, хотя как будто заменить былую щедрость оскудевшего Новгорода.

Около времени второго Соловецкого пожара (1538) к игумену Алексею пришел с Онеги тридцатилетний юноша и просил принять его в послушники. Федор не пожелал открыть своего мирского звания — разумеется, ради смирения, а не безопасности от московских властей, — и прошел обычный суровый путь монастырского трудничества: «дрова убо секий и землю копая в ограде (огороде) и каменье пренося, овогда же и гной (навоз) на плещу своею носяще», — работал на огороде, расчищая и удобряя бедную каменистую почву. Приходилось ему переносить испытания и более тяжкие для его смирения: «многожды же уничижаемь и биемь от неразумных», не гневался и с кротостью переносил все. Через полтора года он был пострижен и наречен Филиппом. Но «ангельский образ» не отменил его тяжелых трудов. Филипп нес послушание сначала на поварне, потом в пекарне: рубил дрова, носил воду, топил печь. Эти годы он находился в послушании у иеромонаха Ионы, «дивного старца», который в юности был учеником преп. Александра Свирского, тогда уже прославленного. Иона учил Филиппа всему монастырскому и церковному уставу, пока ученик его, превзойдя литургическую науку, не был поставлен епископом — наблюдающим за чином богослужения. Рассказывают, что старец предрекал о своем ученике: «Сей будет настоятелем во святой обители нашей». Предчувствовал ли он высокий и страшный жребий, его ожидавший? Доселе под папертью церкви св. Зосимы и Савватия, рядом с надгробной плитой митрополита Филиппа, сохранилась в стене и памятная плита его учителя: «Лета 7076 (1568) преставися раб Божий инок Иона Шамин месяца генваря в 10 день». Старец Иона лишь на 2 года упредил в вечности своего духовного сына.

Но трудовые соловецкие послушания не заглушили в иноке вкуса к духовной жизни. На эти годы падает удаление Филиппа из монастыря в лесную пустыню: «тамо к Богу ум возвысив, в молитвах точию упражняшесь». В этом уединении отшельник провел «не мала лета»; потом вернулся к обычным трудам. Запомним эту драгоценную подробность его столь скудной личными чертами биографии. Вместе с пастушеством на Онеге, она спасает образ Филиппа от возможных искушений вложить его в схему обычной духовной карьеры, продолжающей злосчастно оборвавшуюся придворную службу.

Через десять лет соловецкой жизни Филипп был у всех на виду, среди первых по дарованиям и подвигам иноков. Игумен Алексей любил его и уже видел в нем своего возможного заместителя. Было ли в это время известно в Соловках происхождение и мирское богатство Филиппа? Это возможно — по крайней мере, для настоятеля и духовного отца Филиппова. Все равно, имя Колычова должно было открыться в Новгороде при поставлении в игумены. Можно думать, что имя это, вместе с его личными качествами, могло остановить на нем выбор Алексея. Удручаемый старостью и болезнями, он задумал еще при жизни сложить с себя бремя управления на молодые плечи. Несмотря на отказы Филиппа, игумен предложил братии, ссылаясь на свою немощь, выбрать нового настоятеля, и выбор единодушно пал на Филиппа. Филипп не прекословил.

С письмом старого игумена и в сопровождении нескольких иноков он отправился за утверждением в Новгород. Весной пустились соловчане в далекий путь, через болота и озера, чтобы вернуться на остров до зимних льдов. Архиепископ Феодосий принял монахов, привезших письмо игумена, но не увидел среди них Филиппа. «Где же избранный?» — спросил он. Избранный скрылся из скромности. Представ перед владыкой и удовлетворив его разумными ответами на испытующие вопросы, Филипп был рукоположен в священника и получил из рук архиепископа игуменский посох. «Вот отец вам, сказал Феодосий; имейте его во образ Христов и покоряйтесь ему со всяким послушанием».

Здесь в Новгороде Филипп должен был возобновить свои родственные и дружеские связи, и вступить во владение оставленными некогда имуществами. Возвращался он в Соловки уже богатым

человеком, чтобы употребить свое состояние на строительство и украшение обители. Московский беглец искал когда-то смиренной нищеты. Филипп-игумен не был нестяжателем в том смысле, как понимали нестяжательство заволжские старцы.

В середине августа его встречали уже в обители с крестами, иконами и колокольным звоном. Бывший игумен с братией вышли ему навстречу до берега и проводили в церковь на игуменское место. Немного не поспел Филипп ко дню храмового праздника Успения. 17 августа 1548 г. он совершил соборную свою первую литургию в монастыре и сказал свое первое учительное слово.

Здесь житие Филиппово помещает странный эпизод, к сожалению, не разъясняя его в своем скупом изложении. К нашему удивлению, игумен, столь торжественно поставленный в новом сане, не остается в монастыре, а слагает с себя управление. Вот как повествуется об этом: «Преподобный, хотя и принимает старейшинство, но не изменяет своего прежнего нрава. Больше прежнего простираясь на подвиг и предаваясь еще большим телесным трудам, он видел себя хвалимым и почитаемым, и вменил сие в тщету, будучи от юности украшен смирением; сего ради оставил игуменство и отошел опять в пустыню, приходя в монастырь только для причащения пречистого тела и крови Христа Бога нашего. В это время начальствовал старый игумен, который и постриг святого, в течение полутора лет, пока не преставился. И поставили опять Филиппа». Удивительный сам по себе случай отречения только что избранного игумена, становится еще более странным, если обратить внимание на то, что как для возвращения к власти престарелого Алексея, так и для вторичного утверждения Филиппа, потребовались новые путешествия в далекий Новгород. Владыка Феодосий должен был трижды в течение двух лет ставить игумена в Соловки. Этому формальному поставлению соответствует и вторичное избрание Филиппа в игумены на собрании братии по смерти Алексея. Все это указывает на то, что, удаляясь в пустыню, Филипп действительно сложил с себя сан: его отшельничество не было лишь затянувшимся аскетическим уединением. Что-то произошло в Соловках — что-то, перевернувшее временно решение Филиппа. О мотивах его отказа, причинившего столько хлопот монастырю, мы можем только гадать.

Здесь представляются две возможности. Или Филипп с первых же шагов своего игуменства столкнулся с враждебной ему партией, сумевшей вооружить против него (или противопоставить ему) старого игумена. В таком случае мы имели бы в этом эпизоде зародыш того конфликта, который проявился 20 лет спустя во время суда над митрополитом, когда группа соловецких чернецов свидетельствовала против своего бывшего игумена. Составленное в Соловках житие могло обойти неприятную для обители страницу внутренних раздоров.

Но можно признать убедительной и внутреннюю мотивацию, предлагаемую житием. Тогда Филипп слагает с себя бремя власти по аскетическим опасениям. Он сомневается в своих силах, раскаивается в своей согласии, бежит власти. В обоих случаях перед нами не твердый характер, не честолюбивый деятель, знающий меру своих сил и ответственности, — натура скорее робкая, стремящаяся уклониться от власти, в смиренном сознании своей слабости. От себя ли самого или от врагов бежит Филипп, но он бежит. Беглецом мы видели боярского сына, беглецом видим и игумена. *Не борец, а беглец.* Таким мы должны запомнить его, чтобы образ хозяйственного игумена и мужественного исповедника не заслонил в наших глазах его природы, той кроткой и смиренной «немощи», в которой «сила Божия совершается».

II

Если инок Филипп бежал власти по недоверию к своим силам, то эти силы нашлись в нем с избытком, когда бремя власти легло на него. В новом сане Филипп обнаружил редкие административные дарования. Восемнадцать лет его игуменства были эпохой в жизни Соловецкого монастыря. Он по справедливости считается вторым его основателем. До сих пор соловецкие церкви, здания, мастерские, озера и скиты хранят память о кипучей деятельности святого игумена и вместе с сохранившимися документами возмещают отчасти для нас пробелы жития его, особенно скудного в изложении этих лет. Впрочем, самый характер наших источников обуславливает некоторую односторонность сведений. Мы хорошо знаем Филиппа — хо-

зяина и администратора, но совсем не знаем духовного отца обителя, не знаем почти ничего и о собственной его религиозной жизни. В эти годы Филипп повертывается к нам новой стороной, не самой важной, конечно, в экономии его духовных сил, но весьма характерной для древне-русского иночества и, в частности, для северного монастыря. Знакомясь с ней, мы перевертываем одну из замечательных страниц русской церковной культуры.

Филипп-игумен прежде всего строитель, «ктитор» монастыря. Не знаем, в какой мере при игумене Алексее монастырь был восстановлен после пожара 1538 г. Службы в храмах, во всяком случае, совершались. Филипп задумал постепенно заменить деревянное строение каменным. Начал он с теплого (зимнего) собора Успения Божией Матери. Новгородские мастера приступили к кладке в 1552 г., и через пять лет, в праздник Успения 1557 г. собор был уже освящен. Наверху, в одной из глав был устроен придел Усекновения главы Иоанна Предтечи, в честь царского ангела. Под церковью находились хлебопекарные службы в подвалах, а сбоку пристроена огромная трапезная, в 19 сажень длиной, и обширная келарская келья. Над трапезной возвышалась колокольня с боевыми часами.

Через год (1558) Филипп заложил уже летний Преображенский собор, который должен был обширностью и красотой превзойти Успенскую церковь. Братия, которая с радостью взирала на начало строительства, теперь пришла в смущение от смелости игумена. «Отче, говорили ему, недостаток в кинувии и оскудение великое, ибо нет прилежащих городов. Откуда возьмешь злата на сооружение великой церкви?» Средства нашлись. Много помогал и царь. Сам игумен украшал новый храм, не щадя собственных денег, иконами, сосудами, ризами, подсвечниками и лампадами. В этой церкви, с северной стороны, он избрал место своего погребения. Он хотел, чтобы память его в монастыре навсегда соединилась с поминовением его родителей, и этой цели посвящал свои щедрые вклады. В Летописце Соловецком записано: «Филипп Стефанович Колычов, игумен Соловецкого монастыря, просил всего братства, чтобы написать вечный поминок в литию: отца Стефана, да мать его инокиню Варсонофию, да брата Бориса, а как он игумен преставится, то написать и его в литию, а поминовение

отправлять месяца ноября в 7-й день, а дача его, что он дал в монастырь, на 171 рублей, да сверх того иные дачи...»

Филиппу не довелось самому освятить дорогой ему Преображенский собор. Освящен он был 6 августа 1566 г., когда его создатель был только что поставлен на митрополичью кафедру в Москве. Преображенский собор, как и Успенский, строен на подклетьях, и своды его подпираются двумя огромными столпами. Снаружи высокий столпообразный храм имеет вид крепостной твердыни. Его увенчивает уже московское пятиглавие, но средняя, несравненно большая, глава покрыта новгородским шлемом. В храме 6 приделов; по бокам главного алтаря приделы архангелов и соловецких чудотворцев; в главах собора четыре малых придела; двенадцати и семидесяти апостолов и ангелов детей царских, Иоанна Лествичника и Федора Стратилата.

Соборными церквями не ограничивается строительство Филиппа. Он соорудил каменные здания келий, больницу для монахов и богомольцев, «пустыни» в лесах, скит на Заяцком острове и там же «палату», поварню и каменную пристань. Заяцкий остров служил станцией для судов, задержанных на пути в Соловки противными ветрами. В самой гавани Соловецкой Филипп насыпал холмы и поставил на них высокие кресты, которые являлись маяками для пловцов. Наконец, при нем же построены подворья монастыря в Новгороде и Вологде. К новым церквям, взамен старых каменных клепал и бил, отливались медные колокола. Три из них сохранились от времен Филиппа, весом в 173 с половиной, 80 и 30 пудов. Большой называется преподобническим в память святителя. Надписи на них перечисляют имена царей, владык, жертвователей, игуменов, а также и мастеров литейщиков. Все колокола литы «в преименитом и славном граде Пскове».

Страсть к постройкам нередко является благородной формой расточительности, разоряя общезжитие пышными, но не хозяйственными затеями. Для игумена Соловецкого попечение о своих чадах стояло на первом плане. Поучения его к братии не сохранились; не дошел до нас и действовавший при нем устав — вероятно, в основных чертах сохранившийся со времен Зосимы. Дошла лишь часть этого устава, составленная Филиппом (в 1553 г.) книга об одежде иноков. Эта одежда, а еще более продовольствие многочисленной братии должны были

доставлять игумену немало забот. Из грамоты митрополита Филиппа в Соловки (см. Приложение), видно, что в монастыре было 200 человек братии. Кроме монахов, в Соловках жило много «работных людей»; в той же грамоте число их определяется в триста человек; все они «пили, ели и носили монастырское». То же, в еще большей степени, относится к постриженникам. Древняя Русь знала разные типы монастырского общежития; преобладали монастыри «особые», с сохранением частной собственности и даже отдельным столом. Соловки представляли тип строгой киновии, с исключением частного хозяйства. В древнем типике Соловецком монастырский обиход изображен следующим образом: «Игумен и священники и соборные старцы и вся братья едят и пьют в трапезе; ества всем равна, а по келлиям опричь немощной братии отнюдь столы не бывают. Из трапезы выносу естве и питию не бывает. Одежду всякую и обувь дают всем из казны».

Св. Филипп не был поклонником неумеренной аскезы. Он улучшил и трапезу и одежду монашескую, требуя за то от всех неустанного труда. Тунеядцев он не терпел и принимал в монастырь только тех, кто, подобно ему, готов был есть хлеб в поте лица, по слову апостола: «кто не работает, тот да не ест».

Конечно, скудные соловецкие огороды, на которых он сам трудился послушником, не могли прокормить братии. Филипп завел, или, вернее, расширил молочное хозяйство. Препятствием было завещание св. Зосимы, который запретил разводить вблизи обители плодящихся животных (согласно студийскому уставу). Филипп не остановился перед частичным изменением устава св. Зосимы, с разрешения Новгородского владыки. На одном из островов, Муксальском, он устроил большой скотный двор, а в леса соловецкие пустил стада северных оленей. Скотный двор давал удобрение для огорода, но сам требовал сена; леса расчищались под «пожни», сенокосные луга. Лес рубился и в других целях: на дрова для кирпичного завода, изготовлявшего материал для построек. Чтобы спасти лес от нерасчетливого истребления, Филипп следил за правильной порубкой. В лесах легли длинные просеки, сеть дорог изрезала остров во всех направлениях. Одновременно шла осушка болот каналами и плотинами. Гидротехнические работы Филиппа более всего вызывают наше изумление.

Святой Филипп, митрополит Московский

На Соловецком острове, по счету игумена Досифея (в 1836 г.), 97 озер, имеющих особые названия, не считая мелких, безымянных (при величине о-ва 25×16 верст). Под самым монастырем находится обширное Святое озеро (700×200 сажен). В старину никто из богомольцев не входил в монастырь, не искупавшись или не омывшись в его священных водах. Дважды в год в нем совершались водосвятия, больные получали исцеления. Это озеро представляет искусственный водоем, выкопанный при игумене Филиппе; посредством целой сети каналов он собрал в нем воду из пятидесяти двух озер, а для стока прорыл к морю два других канала, один из которых проходит под самым монастырем. Конечно, неизвестно, в таком ли виде существовала эта водная система при св. Филиппе, как в настоящее время. Вернее всего, она расширена впоследствии. В 1568 г. из Москвы, с митрополичьей кафедры, святитель писал в Соловки о продолжении работ по копанию пруда. Но уже сам Филипп мог поставить на канале внутри монастыря мельницу для помола хлеба. (До него мельницы находились в трех верстах от монастыря). «Летописец Соловецкий» приписывает св. Филиппу даже изобретение каких-то машин или орудий. Кроме мельницы, Филипп завел мастерские для выделки меха и сапожных товаров из кожи собственных оленей. Искусные резчики работали предметы церковного обихода из «рыбьего зуба», т. е. моржовой кости. Это искусство всегда процветало в Соловках, распространяясь оттуда по всему поморскому Северу. Начало его восходит ко временам древнее Филипповых. В Успенской церкви до последнего времени стоял запрестольный крест из моржовых зубов с резным изображением распятия и святых. Крест этот вместе с резным Деисусом упоминается еще в описи монастыря 1514 года.

Но вся эта кипучая промышленная деятельность в Соловках не могла прокормить их обитателей. Остров не мог быть, по естественным условиям, самодовлеющим хозяйственным миром. Соловки — лишь центр обширного вотчинного хозяйства, тело которого разбросано по всему западному поморью, захватывая куски и внутренней России. Ко времени Филиппа Соловецкий монастырь является крупнейшим землевладельцем на русском Севере, с которым лишь кое-где сталкивается колониционный поток, направляющийся из Кирилло-Белозерского

монастыря. В руки его постепенно перешли, путем вкладов и прикупок, владения старого новгородского боярства и значительные части государственных земель, освоенных свободными колонистами. Не безынтересно бросить беглый взгляд на размеры и характер соловецкого вотчинного хозяйства, которое подверглось как раз при игумене Филиппе административной регламентации.

Владения монастыря, как прежде новгородского боярства, не занимали сплошных территорий, но были разбросаны островками среди болотистой и лесной пустыни. Заимки поселенцев естественно возникают по берегам многочисленных «морских» рек, текущих в Белое море, и по самому морскому побережью. По природе страны это прежде всего промышленные поселки: звероловные, рыболовные, солеварные. Грамоты полны указаниями на «тони и рыбные ловища, леший лес и лешие озера»; пахотная, «страдамая» или «орамая» земля занимает второе место. Деревеньки немногочисленны; иногда они состоят из 1–2 дворов, являясь скорее хуторами. Земледельческая семья, под защитой крупного вотчинника — быть может, с помощью его капитала, т. е. орудий и продовольственных ссуд, — ведет борьбу, один на один, с обступившей суровой, «лешей» природой. Среди поселенцев мы различаем разные группы: крестьян, бобылей, казаков. Последние представляют кочевое, не осевшее поселение — батраков, сидящих на чужой земле. Но все они лично свободны и всегда вольны, если «по грехам» пожелают, покинуть монастырскую землю, очистив ее от тягла и недоимок. Поселения эти группируются в волости, большею частью связанные течением рек: Сумы, Вирмы, Шижни и т. д. Все эти речки текут по Карельскому и Поморскому, т. е. западному побережью Белого моря. В течение XVI века монастырские владения подвигаются на восток к Онеге, не достигая, однако, этой реки. Отдельными привесками в этом хозяйстве являются немногочисленные в XVI веке вотчины в Двинском и Каргопольском уездах, даже в Бежецком (нынешней Тверской губернии), где боярин Ив. Вас. Полев в 50-х годах отказал Соловецкому монастырю свою вотчину.

Отрывочные документы Соловецкого архива, дошедшие до нас, не дают возможности составить полной картины соловецких владений или подвести им цифровые итоги. Судьба неко-

торых волостей, случайно известных нам, свидетельствует о сильном хозяйственном росте в конце XV–XVI вв. По замечанию Ключевского, Соловецкий монастырь вообще обнаружил «стремление вносить свою деятельность в пустоши, от эксплуатации которых отказались местные поселенцы». Другими словами, монастырь проявлял хозяйственную инициативу, не только кормился с земли, но и кормил зависимое население, являлся активным культурным деятелем в крае.

От времен игуменства Филиппа до нас дошли три «уставных грамоты», данные им вотчинному соловецкому населению и представляющие кодификации действующего вотчинного права. Оставляя в стороне грамоту 1561 г. крестьянам села Пузырева Бежецкого Верха, условия быта которых сильно разнятся от поморских деревень, мы имеем грамоту 1548 г. пяти волостям, во главе с Вирмой, и грамоту 1564 г. Сумской волости. Трудно сказать, что в этой грамоте следует отнести на счет старого обычая и что приписать инициативе игумена. Менее всего об этой инициативе может свидетельствовать ранняя грамота, датированная 17 августа 1548 г., то есть самым днем вступления Филиппа в должность игумена. Главное содержание уставной грамоты 1548 г. — фиксация денежных повинностей разных категорий монастырских людей, — повинностей, идущих на корм вотчинной администрации. Общая тенденция — защита крестьян от произвольных поборов администрации: «А от поруки не давать ничего». «Не дают ничего», «не взять ничего»... проходит через всю грамоту. Монастырь, пользующийся правом суда над своими крестьянами, в случае тяжбы их с чужими людьми (и в случае тяжких преступлений) защищает их перед судом царского волостеля в Выгозере. Доводчик должен сопровождать тяжущихся на волостельский суд «и крестьян на суде беречь накрепко, а от того у крестьянина поминки (подарки), на езд, не имати доводчику ничего». Особенно характерно заключение: «Старец наш приказчик, или доводчик, коего крестьянина, или казака избидит чем-нибудь, или не по сей грамоте что на них возмут, и им от нас быть в ползе и в смиреньи, а кого чем избидят, и нам на них велети доправити вдвое».

Конечно, монастырское хозяйство не благотворительное учреждение. Оно зорко блюдет свои интересы, ограждая их, например, со стороны текучего, плохо поддающегося учету «ка-

зацкого» населения. Монастырь требует, чтобы каждый поселевец заявлял у властей «казака незнаемого», который станет жить на его земле, и не забывал «отъявить» его при уходе. Как заявка, так и отъявка казака сопряжены с уплатой пошлины.

Но уже не одна строгость рачительного хозяина, а и блюде-ние доброй нравственности со стороны духовной власти ска-зывается в строгих мерах против пьянства и игры в кости (зернь). «Какие крестьяне или казаки станут зернью играть, на тех доправить на монастырь полтину, на приказчика 10 алтын, на доводчика 2 гривны, а игроков выбить из волости вон». Этот огромный по тому времени штраф увеличивается вдвое, хотя и без угрозы изгнания, для винопийцев и винокуров. «Какие торговые люди ездят зимой и летом по волостям с ви-ном продажным, прикащику тех людей на подворье не прини-мать и вина у них не покупать ни прикащику, ни крестьянам, ни казакам, и своо не курить». Чтобы вполне оценить смысл по-добной строгости, следует иметь в виду, что, по преданию, св. Зосима совершенно запретил в монастыре употребление вина. Этот запрет был распространен и на монастырских крестьян.

Уставная грамота Сумской волости 1564 г. носит на себе уже несомненную печать личной деятельности игумена Филиппа. Она вводит реформы в управлении и закрепляет другие, имев-шие место в предшествующие годы. В 1548 г. пять волостей управляются из одного центра, из Вирмы. Состав администра-ции не сложен: старец приказчик, келарь и доводчик (судебный пристав), по-видимому, составляют весь административный персонал. В грамоте 1564 г. мы видим уже три административ-ных центра. В Вирме и Колежме живут приказчики (вероятно, с подведомственными им чиновниками), в каждой волости де-сятские, а в Суме главные надо всеми староста и тиун с бирю-чем. Другая реформа, которая собственно и санкционируется грамотой 1564 г., состоит в новом порядке обложения. Мы уз-наем о недовольстве населения старой произвольной системой «разрубов», т. е. раскладки тягла. Отныне разрубы производя-ся не вотчинной властью, а выборными от населения: по 2 от «лучших», от «средних», от «меньших» крестьян и от «казаков». Здесь мы наблюдаем начало того самоуправления на мона-стырских землях, которое для боярских крестьян на Севере на-ступило уже давно: с тех пор, как «извелись» новгородские

бояре, и бывшие их холопы и «дворяне» сделались «государевыми сиротами», т. е. свободными государственными крестьянами. Вместе с тем это явление нельзя не сопоставить с политикой самоуправления и самообложения городских и уездных миров, проводимой в первую половину царствования Грозного.

Из частных статей Сумской грамоты интересны особенно две. Одна из них стремится привлечь к обложению подростков: «А у которых земских людей дети или племянники, и будут поспели промышлять зверей, и птицу, и рыбу ловити, и ягоду и губы (грибы) брати, и вы бы на тех клали против (наравне) казаков, по рассуждению, кто чего достоин». Другая статья касается крестьянского солеварения. «Во всех наших деревнях цреном (сковородой) варили зимой и летом 160 ночей, а дров к црену сечь к зимней и летней вари на год 600 сажен, запасты дров на один год, а вперед на другие годы не запасты; а кто станет лишние ночи варить и лишние дрова сечь, на того полагать пеню, а лишнюю соль и дрова брать на монастырь». Это ограничение крестьянского солеварения, по всей вероятности, имело целью обеспечение интересов вотчинного промысла.

Уже из содержания отдельных статей уставных грамот можно видеть, что интересы земледелия здесь не на первом плане. Деревни монастыря, как и хозяйство его на островах, преимущественно промысловые. Скудная северная почва производит мало хлеба, да и то лишь овес и ячмень. Прокормить местное население может только торговля с хлебобродными южными областями. Важнейшим предметом этой торговли является соль: отсюда солеварение едва ли не главный источник соловецкого богатства. Производство соли и торговля ею в значительной мере централизованы в руках монастыря. Ежегодно караваны судов поднимаются по Двине в Холмогоры, Устюг Великий, Тотьму вплоть до Вологды и возвращаются оттуда, груженные хлебом. Вологда приобрела значение важнейшего складочного пункта в торговле между «Низом» и «Поморьем». Подворье, выстроенное св. Филиппом в Вологде, должно было обслуживать приказчиков и рабочих людей монастыря, занятых соляным торгом. О размерах этой торговли дают понятие следующие цифры. В середине XVI века монастырь продавал 6.000–10.000 пудов соли, в середине XVII века — уже 130.000.

Покупалось монастырем в конце XVI в. до 20 пудов воска и до 8000 четвертей (56000 пудов) ржи. Это количество показывает, что монастырь кормил не только сотни своих иноков и рабочих, но и тысячи крестьян. Кроме хлеба и воска, мы имеем известия, относящиеся как раз ко времени Филиппа, что в монастырь ввозились кожи и сукна. Словом, перед нами вырисовывается картина централизованного хозяйства. Соловецкая вотчина — это не ряд мелких крестьянских хозяйств, объединенных только в целях эксплуатации, как представляет проф. С. Ф. Платонов старинные боярские вотчины новгородские. Если производство остается, в значительной мере, мелким, крестьянским, то хозяйство, несомненно, крепкое и даже построенное на капиталистических началах. Это не простое «кормление» от земли, непосредственная добыча почвенных богатств. Торговля — и при том дальняя, организованная, плановая торговля — является кровеносной системой вотчинного организма. С этим связана денежная форма всех повинностей монастырского населения, исключая представление о «натуральном» хозяйстве. Но если монастырь вовне выступает с чертами капиталиста, то внутри своих владений он остается вотчинником патриархального типа. Он вносит нравственные начала в отношения к зависимому населению. Оно для него является предметом не эксплуатации, а отеческой опеки и воспитания.

Вся эта система не только легла на плечи игумена Филиппа, но в значительной мере является его созданием. Именно на его время падает огромное увеличение монастырских владений и вызванная им кодификация вотчинного права. Св. Филипп, когда-то уклонявшийся от тягот управления, вырос за несколько лет в образцового администратора, повернувшись к нам новой стороной своей личности. Живи он в конце XVI века, ему пришлось бы с качествами хозяина соединить таланты стратега или, по крайней мере, военного инженера. Но оборона Соловков от «каянских немцев», т. е. шведов, начинается только с 70-х годов. Монастырь обнесен своими циклопическими стенами из дикого камня только при Федоре Ивановиче (1584–1594). С конца XVI века Соловки являются уже первоклассной крепостью, обороняющей северные рубежи московского государства. При игумене Филиппе, по счастью, буйные команды

стрельцов и пушкарей не тревожили тишины келий, внося с собой начала разложения уставной киновиной жизни. Ничто не нарушало еще строгой трудовой дисциплины и молитвенного покоя.

О молитвенных подвигах игумена Филиппа мы, к сожалению, знаем много меньше, чем о его хозяйственных предприятиях. Но это случайное обстоятельство не должно для нас искажать его образа. Закончим наше описание Соловецких лет Филиппа немногими известиями, характеризующими его религиозное настроение. Часть этих известий относится, правда, к внешнему благочестию: мы видели его любовь к постройке и украшению храмов, его вклады в монастырь и пр. Особенно подчеркивается его ревность к памяти святых основателей монастыря. Он нашел чудотворный образ Одигитрии, принесенный на остров преп. Савватием и поставил над гробницей святого, а его каменный крест — в часовне, где покоится его сподвижник, св. Герман. Он исправил пришедшую в ветхость псалтырь, принадлежавшую преп. Зосиме, и любил совершать богослужение в его убогих ризах. Велел дополнить житие угодников описанием чудес, совершившихся в его годы при их гробницах. Драгоценнее для нас другое. Мы слышим, что игумен любил уединяться время от времени в пустынную келью для молитвы и созерцания. Пустынь Филиппова в двух с половиной верстах от обители до сих пор напоминает о месте его уединения. Конечно, только молитва могла восстановить равновесие духовной жизни, нарушаемое постоянной тяжестью административных и хозяйственных забот. За мельницами и солеварнями мы не должны проглядеть скромной деревянной пустыньки, спасавшей Филиппа от власти суеты, сохранившей в хозяине монаха и воспитавшей его для последнего мученического подвига.

Между тем, самое служение игуменское, подъятый им хозяйственный труд неведомыми для него самого путями готовил святому мученический венец. Игумен великой северной обители не мог остаться незнакомым царю. Отсюда начало благоволения к нему Грозного, приведшего к трагическому концу.

Мы уже встречались с крупными земельными пожалованиями Ивана Васильевича монастырю. Некоторые из них были безвозмездны, являясь вознаграждением за отнятое у мона-

стыря право беспошлинной торговли солью, или связывались с обязательством для монастыря поднять запущенную и необработанную землю. Но все же нельзя отрицать особой щедрости царя к далекой обители. О ней свидетельствуют, помимо земельных пожалований, и личные вклады царя в монастырь. Особенно крупное пожалование (в 1000 рублей) сделал царь на постройку Преображенского собора. Игумен сам неоднократно просил его помощи в своих обширных строительных работах. Известны и дары государя в монастырскую ризницу: в виде утвари, сосудов, крестов. В монастыре до последнего времени сохранялись три напрестольных креста, подаренные Грозным, — все золотые, украшенные яхонтами, жемчугом и другими камнями, один около трех фунтов весом. Подписи на них указывают время и титул жертвователя. Два из них относятся ко времени Филиппа. Среди подарков царя наше внимание привлекает и одна редкая книга — перевод Иосифа Флавия «Об иудейской войне», показательная, впрочем, не для научных интересов соловецкого игумена, а для «гуманистических» вкусов самого Грозного.

Если Грозный и сохранил с детских лет воспоминание о Федоре Колычове, то соловецкого игумена царь имел случай видеть и оценить в самой Москве. Сохранилось известие о том, что соловецкий игумен был в Москве на соборах 1550 и 1551 гг. Из этих поездок Филипп привозил в Соловки и царские подарки: два атласных лазоревых покрывала на гроб чудотворцев и два облачения из белой камки, унизанные жемчугом.

Для самого Филиппа пребывание в Москве в эти годы не могло пройти бесследно. После тринадцатилетнего отсутствия он снова погрузился в круг московских общественных дел. За Соловецким монастырем опять встала Русь — в один из напряженнейших моментов ее истории. Москва, казалось, переживала эру полного обновления. Готовясь к победоносному завоеванию Казани, накануне небывалого расширения русской мощи на востоке, царь Иван Васильевич в союзе с «избранной радой», руководимой Сильвестром и Адашевым, лихорадочно проводил земские реформы. Отмена кормлений, широкое самоуправление волостей, пересмотр Судебника, реформа финансов и военно-поместной системы следовали одно за другим. Эта напряженная реформаторская работа была проникнута

Святой Филипп, митрополит Московский

высоким моральным пафосом. Царь «бил челом и с бояры своими о своем согрешении». Каясь сам, он требовал покаяния от всей земли, примирения сословий, забвения старых обид, особенно боярских, за время своего малолетства. И, наконец, царь задумал и провел на Стоглавом соборе всестороннюю церковную реформу. Вопросы церковного управления и обряда, всевозможные нестроения в церковной жизни, особенно монастырской, — были поставлены перед собором в вопросных пунктах царя. Ему же царь представил для оценки новый Судебник и Уставные грамоты земского самоуправления. Иван еще не делал разницы между мирским и духовным, царским и святительским. «Рассудите и утвердите по правилам св. апостолов и по прежним законам прародителей наших, чтобы всякие обычаи строились по Боге в нашем царствии». Церковь призывалась освятить дело всенародного обновления.

Соловецкий игумен должен был участвовать в работах Стоглавого собора в 1551 г. в числе других настоятелей, «духовных отцов» и даже «пустынников», собранных царем. Филипп уезжал из Москвы, несомненно обогащенный государственным и церковно-общественным опытом, пройдя краткую, но серьезную школу архипастырства. Будущее представляется безоблачным для современников этой великой эпохи. Ничто не предвещало грозы.

Как ни далек был от Москвы Соловецкий монастырь «на студеное море, край Корельска языка, в Лопи дикой» (слова Курбского), но он находился, как мы уже видели, в постоянных сношениях со столицей. Сюда должны были доходить, хотя с некоторым запозданием, вести о московских делах. Приносили их богомольцы, постриженники, торговые люди монастырские, и, наконец, опальные, заточенные в монастырь по царскому или соборному указу. Из этих ссыльных соловчан нам известны двое лиц в настоятельство Филиппа: Артемий, игумен у Троицы-Сергия, и знаменитый священник Сильвестр.

Игумен Артемий был запутан в дело о ересьх Матфея Башкина и осужден на соборе 1554 г. вместе с другими единомышленниками последнего. Это одна из последних волн того религиозного рационализма, который поднят был на Руси в конце XV века ересью жидовствующих. Артемий, собственно, не был уличен в ереси. Ему удалось опровергнуть показания многих

свидетелей; в вину ему поставлены только нарушения постов и критические суждения, резавшие благочестивые уши. «Артемий говорил о Троице: во Иосифове деи книге Волоцкого написано негораздо, что послал Бога в Содом двух ангелов, сиречь Сына и Святого Духа; да Артемий же для еретиков ноугородских не проклинает, а латын хвалит, и поста не хранит, во всю четырехдесятницу рыбу ел, да на Воздвиженье деи у царя великого князя за столом рыбу ел же», и т. д. За все эти грехи Артемий был лишен сана и сослан в Соловки под надзор «духовного настоятеля игумена Филиппа». Его велено держать в строгом заключении, «в некоей келье молчальне», ни с кем не сообщается, кроме духовника и игумена, который должен его «наказывать и поучать от божественного писания». Обо всем сообщать в Новгород владыке Пимену, который должен отписывать в Москву. Подробная грамота собора соловецкому игумену, содержащая приговор и его мотивы, с показаниями всех свидетелей, сохранилась до нашего времени.

Мы не знаем, как отнесся св. Филипп к ссыльному игумену. Среди иерархов собора был один (Кассиан рязанский), который держал сторону обвиняемых. Среди осужденных и сосланных собором «еретиков» был Феодорит, просветитель лопарей, пострижник Соловецкого монастыря, вскоре прощенный. Один из старцев соловецких Асаф Белобаев дал на соборе показание в пользу Артемия.

Как бы то ни было, охрана соловецкого узника была не слишком строгой. Вскоре ему удалось бежать. Пробравшись в Литву, он выступал в литературе как защитник православия, особенно против Феодосия Косого, тоже московского беглеца, осужденного в связи с тем же процессом Башкина. Это доказывает, что ереси Артемия в Москве были, по меньшей мере, преувеличены.

Лет через шесть после Артемия один из обвинителей его должен был разделить его участь — заточение в Соловецком монастыре. То был знаменитый священник Сильвестр, о котором «Царственная книга» (официальная летопись) пишет, отражая раздражение царя на бывшего любимца: «всею он владел, обеими властями, и святительской и царской, точно царь и святитель, только имени и престола не имел царских, но поповские». Игумен Филипп должен был хорошо знать его в Москве,

как истинного вдохновителя правительства в годы великих реформ. Ссылка его означала крушение столь торжественно ознаменованного единения царя, церкви и земли. Трещина в отношениях между царем и его любимцами, Сильвестром и Адашевым и их «избранной радой» возникла уже давно. Вскоре после завоевания Казани царь во время своей тяжелой болезни с горечью убедился, что его любимцы поддерживают князя Владимира Андреевича, а не его сына, — боясь повторения боярских смут при малолетнем царе. Нелады Сильвестра с царицей, с ее родней, Романовыми, углубили охлаждение. Царь все больше тяготился моральной опекой строгого протопопа. Ему казалось, что «избранная рада» (она же «собацкое собрание») снимает с него всю власть. С бесхарактерностью слабых натур он долго терпел окружение неугодных ему лиц. Коренное расхождение во взглядах на Ливонскую войну (1558) делало сотрудничество невозможным. Царя мучили странные подозрения: бояре вместе с Сильвестром извели жену, «разлучили его с голубицей». Начались опалы, казни: Адашева спасла от палачей его смерть, Сильвестра, по-видимому, судили на соборе, ставя ему в вину отравление царицы. Самая легкость наказания, ссылка в монастырь, показывает, что этим обвинениям никто не верил.

В лице Сильвестра св. Филипп увидел в Соловках человека, который, как никто другой, мог осведомить его о московских делах. Мы можем догадываться, что они едва ли расходились в оценке положения. Филипп должен был вместе с Сильвестром оплакивать нравственное падение царя: разврат, бесчинства, казни, принимавшие характер кровавых оргий. В годы, предшествующие учреждению опричнины, 1560–1564, казни были не часты, но впечатление их на современников было тяжелое. Жертвами падали иногда люди достойные (кн. Репнин), или ни в чем неповинные (родственники Адашева).

Со времени учреждения опричнины (январь 1565 г.) казни принимают массовый характер. О многих убиенных ходили рассказы, рисовавшие их мучениками, почти святыми. Говорили, что Дмитрий Шевырев, посаженный на кол, «воспевал канон из уст Господу нашему Иисусу Христу и пречистой Богородице и акафисты»; молодой Горбачев перед казнью, взяв в руки уже отрубленную голову отца, молился, благодаря Бога, «иже сподобил еси нас неповинным убиенным быти».

Отношение Соловецкого игумена к новому страшному институту было вполне определенным. Скоро предстояло ему защищать свое убеждение всенародно, в самой Москве. Весной 1566 г., когда митрополит Афанасий оставил кафедру, св. Филипп получил царскую грамоту с приглашением в Москву «для духовного совета». Догадывался ли он, что царь предназначает его в преемники ушедшему владыке? Грамота царя могла быть простым приглашением на земский собор, который, как известно, созывался летом 1566 г. К этому вопросу мы вернемся в следующей главе.

Игумен простился с плачущей братией. Впрочем, слезы не у всех были искренними. Кое-кто без сожаления расставался со святым игуменом. В Москву Филипп ехал опять через Новгород, той же дорогой, как пришел в Соловки. Вероятно, он хотел встретиться с архиепископом Пименом, но не застал его в епархии: Пимен был уже в Москве. Говорят, что граждане новгородские вышли ему навстречу за три версты, с хлебом, солью, умоляя его ходатайствовать перед царем за «свое отечество», за великий Новгород, над которым уже навис царский гнев. Возможно, что житие здесь предвосхищает и высокий жребий Филиппа и трагическую участь города, родного ему по крови предков.

Слушая стоны земли и готовясь мужественно предстательствовать за нее перед царем, ехал Филипп в Москву, где ждали его белый клобук и венец мученика.

Глава III

Царь и святитель

1. Св. Филипп — митрополит

КАК СКЛАДЫВАЛИСЬ в Москве отношения между царем и первопрестольным святителем, кафедру которого было предназначено занять Филиппу? Мы оставили дела московской митрополии в тот момент, когда юный Колычов оставил Москву: при митрополите Данииле, учительном и книжном, но угодливом иерархе, правившем из рук великого князя. В малолетство Грозного боярские партии обнаружили еще меньше уважения к церковной власти, чем государи. Даниил был сведен Шуйскими в 1539 г. и сослан в Волоколамский монастырь, где прежде был игуменом. Задним числом его заставили подписать грамоту, в которой он отрекался от кафедры, «рассмотрев разумения свои немошна к таковому делу и мысль свою погрешительну», — унижение, от которого в свое время избавили даже заведомого еретика Зосиму, сведенного с митрополии «по болезни». Та же участь постигла преемника Даниила Иоасафа, поставленного из игуменов Троицко-Сергиева монастыря. О соборном избрании его историк русской церкви, митрополит Макарий, замечает: «Святители немало погрешили в том, что, вероятно, уступая давлению мирской власти, избрали и поставили нового митрополита прежде, нежели прежний отрекся от кафедры». Поставленный Шуйскими, Иоасаф навлек их гнев, перейдя на сторону Бельских. Во время последовавшего переворота, организованного Шуйскими, митрополит подвергся тяжким унижениям и насилиям. Заговорщики окружили его келью, бросая в нее камнями, преследовали его во дворце, оборвали на нем его мантию, едва не убили. Сверженный митрополит скончался в Троицком монастыре.

Время митрополита Макария (1542–1564) в печальной истории церковно-государственных отношений XVI в. является

эпохой счастливой реакции. Давно уже духовная власть на Руси не стояла на такой высоте. Хотя и обязанный своим избранием мятежу Шуйских, испытывавший в первые годы немало обид от боярского самовластия, Макарий сумел удержаться, не гнувшись перед сильными и выступая миротворцем в дворцовых смутах. Заступничая перед боярами за лиц, имевших несчастье возбудить их ненависть (Воронцова), он с равным беспристрастием печаловался за опальных бояр перед государем, который уже свергнул с себя боярскую опеку. Влияние Макария на молодого царя было велико и благотворно. Митрополит был ученым книжником своего времени, десятки лет работавшим над своим огромным трудом, Минеями-Четьями, в которых он задумал собрать все «чтомыя книги, яже в русской земле обретаются». Близкому общению с ним Грозный, без сомнения, обязан своим блестящим образованием, своими широкими историческими идеями. Других учителей у него не было. Моральное и общественное влияние Макария впоследствии было подкреплено несравненно более энергичным и властным влиянием Сильвестра. Достоин замечания, что Сильвестр был одним из новгородских сотрудников Макария, вместе с ним пришедшим в Москву. В лице их, как впоследствии в лице св. Филиппа, культурное и свободное влияние Новгорода благотворно сказалось в деморализованной Москве. Но митрополит Макарий, в отличие от «избранной рады», был не политиком, а человеком кабинетного, или келейного, труда. Он не навязывал царю своих взглядов, а потому сумел сохранить свой моральный авторитет и после падения рады. Его заступничество за опального Сильвестра не имело успеха, но царь до конца его жизни сохранял уважение к владыке. Случалось, что он принимал его ходатайства и оказывал милость своим действительным или мнимым врагам «для отца своего митрополита Макария». В 1556 г. Иван писал казанскому архиепископу Гурю: «О Боже, как бы счастлива была русская земля, если бы владыки были таковы, как преосвященный Макарий да ты». Впрочем, с годами эта благодарная роль ходатая перед потерявшим нравственное равновесие государем становилась все труднее. Люди нетерпеливые, вроде князя Курбского, упрекали митрополита в слабости. Макарий неоднократно помышлял об уходе, как свидетельствует сам в своем духовном завещании, но

оставался, склоняясь на просьбы государя и церкви. Наконец, смерть освободила старца от его трудного служения (31 дек. 1563).

Преемником ему был избран инок Чудовского монастыря Афанасий, духовник государя. Перед избранием его царь пожелал украсить новой честью престол московской митрополии, и собор в феврале 1564 г. определил будущему митрополиту носить белый клобук (вместо черного) «с рясами и херувимом» и печатать грамоты красной печатью, по примеру архиепископа новгородского. Эти внешние отличия были плохим вознаграждением за то падение духовного авторитета, которым отмечено кратковременное (2 г.) правление Афанасия. Раздраженный изменой Курбского, замышляя небывалую расправу с боярством, царь хотел решительно и принципиально сбросить с себя религиозно-моральную узду церкви, прежде всего в лице митрополита. Такой смысл имела трагикомедия отъезда царя в Александровскую слободу, предшествовавшая учреждению опричнины. В грамоте, которую царь прислал из слободы в Москву с изложением причин своего гнева на всю «землю», на все правящие круги, духовенство стоит на первом плане: «Царь и великий князь гнев свой положил на своих богомольцев, на архиепископов, и епископов, и на архимандритов, и на игуменов, на бояр своих, и на их дьяков, и на детей боярских, и на всех приказных людей»... Охарактеризовав своеволие и своекорыстие бояр, царь продолжает: «И в чем он государь бояр своих, и всех приказных людей, также и служилых князей и детей боярских похочет и понаказати и посмотреть; и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, сложась с бояры и с дворяны, и с дьяки, и со всеми приказными людьми, почали по них же государю и великому князю покрывати». Ввиду всего этого царь объявлял, что он «оставил свое государство и поехал, где вселится, идеже его государя Бог наставит».

Церковь была единственной силой, которая могла ограничить произвол царя. Со стороны правящего класса, тем более со стороны народных масс, Грозный не мог ждать противодействия своим кровавым мероприятиям. Право на «опалу», право на казни признавалось за царем всеми. Только церковь если не оспаривала *право*, то указывала царю его долг или взывала к милосердию, которое выше права. Именно для того, чтобы сбросить

с себя эту последнюю докучную узду, Ивану понадобилась комедия с отречением от царства, которая кончилась формальным подтверждением за ним неограниченного права казней.

Епископы во главе с Новгородским Пименом (митрополит остался стеречь Москву) и бояре, от имени всего народа, умолили государя вернуться и править по всей его воле. Это было со стороны церкви отказом от древнего права печалования. Впрочем, мы имеем от следующих лет две записи с подписью митрополита Афанасия и других епископов и бояр за двух опальных вельмож: Ив. Петр. Яковлева и кн. Мих. Ив. Воротынского. Царь жалует, «отдает вины» своих провинившихся слуг «для прошения отца своего Афанасия» (1565–1566 гг.) Это показывает, что и Афанасий не остался вполне равнодушным к разгулу опричнины. Но его добрая воля была сломлена уже капитуляцией в Александровской слободе. Возвращение царя в Москву было ознаменовано небывалыми и утонченными казнями. Церковь безмолвствовала. Но через год силы владыки иссякли. Он оставил митрополию 19 мая 1566 г. «за немощию велию», чтобы вернуться в свой Чудов монастырь. Тогда-то царь призвал Филиппа.

Впрочем, быть может, он сделал еще один опыт. По крайней мере, Курбский сообщает, что ранее Филиппа царь обратился к Герману, архиепископу Казанскому, впоследствии причисленному к лику святых, и умолял его принять избрание. Курбский уверяет даже, что Герман был «собором принужден к сему», т. е. что выбор его уже был проведен в соборе. Нареченный митрополит жил, «как говорят», уже два дня на митрополичьем дворе, все еще не решаясь принять тяжелое бремя, когда между ним и царем произошел разрыв — как раз по поводу опричнины. В беседе с царем наедине святитель «тихими и кроткими словесы» напоминал царю о страшном суде Божьем, взыскающем со всех, «царей яко и простых». Иван вернулся к своим «ласкателям», передал им об этой беседе и встретил с их стороны общее негодование: «Боже сохрани тебя от такого совета. Опять ли хочешь, царь, быть в неволе у того епископа, еще горшей, нежели был ты у Алексея и Сильвестра столько лет?» Алексей Басманов с сыном обнимали даже его колена, умоляя царя не поддаваться на внушения митрополита. Намек на опеку Сильвестра, тягостный для самолюбия царя, возымел

свое действие. Иван велел прогнать Германа из церковных палат со словами: «Еще и на митрополию не возведен, а уж связываешь меня неволей». Курбский заканчивает свой рассказ сообщением о том, что через два дня казанский архиепископ был найден во дворе своем мертвым — одни говорят от яда, другие — от удушения. Здесь Курбский явно ошибается. Архиепископ Герман участвовал 25 июля в поставлении митрополита Филиппа и скончался 6 ноября 1567 г. Эта ошибка набрасывает тень на рассказ Курбского. Впрочем, все русские историки принимают самый факт избрания Германа. Речи «ласкателей» и Грозного психологически очень метки; если и вымышлены, то прекрасно рисуют больное место царя, на котором играют опричники. Переписка Грозного с Курбским говорит о необычайной его чувствительности к попыткам морально «связать» его. Наконец, избрание Филиппа дало место для аналогичных сцен, закрепленных даже в официальном акте.

Летом того же 1566 г. в Москве заседал «земский собор» по вопросу о продолжении Ливонской войны в связи с предложенными польским королем условиями перемирия. В приговоре, поданном 2 июля на первом месте идут имена многочисленных духовных особ, 9 епископов и многих игуменов, даже простых монахов. Первыми подписались Пимен Новгородский и Герман Казанский. Среди игуменов отдаленных, Новгородских и Псковских, монастырей мы встречаем подписи игумена Соловецкого. В это время он должен был находиться по пути к Москве. Духовенство, участвующее в этом земском соборе, совещаясь и подавая свой голос отдельно, всегда могло конституироваться в настоящий церковный собор для избрания митрополита. В это именно время, до или после политического совещания, собор мог избрать Германа. Соображения времени заставляют думать, что игумен Филипп получил приглашение в Москву тогда, когда еще не выдвигалась его кандидатура на митрополичью кафедру. Опоздав на политическое совещание, он прибыл в Москву как раз вовремя, чтобы царь, после ссоры с Германом, остановил на нем свой выбор. Таково наиболее вероятное толкование событий, если мы не желаем совершенно отбросить рассказ Курбского. Принимая его, мы стоим еще перед одной трудностью, на этот раз психологической. Что заставило Грозного обратиться именно к Филиппу, после не-

удачной попытки с Германом? В лице Германа он звал на митрополию святого. Требования, поставленные этим святым, оказались для царя неприемлемыми. Неужели он ожидал, что Филипп будет покладистее? И как мог он столь жестоко обмануться в новом своем избраннике?

Думается, мы совершим несправедливость по отношению к сложному характеру Грозного, объясняя его поступки одними низменными побуждениями. Противоречия внутренних мотивов необычайно характерны для царя, который всегда соединял свои злодеяния со страстной набожностью. Грозный, несомненно, ревновал о чистоте и благолепии церковном — внешнем и внутреннем. Его обличения современных монахов, в своей недоброй иронии, продиктованы тою же ревностью. Он хотел видеть святого пастыря на кафедре Успения Богоматери. Это несомненно. Но столь же несомненно, что он желал сохранить для себя полную свободу действий; желал иметь в святом молитвеннике, не судью своей совести. Вот почему после опыта с Германом он не обращается ни к Пимену, ни к одному из покладистых иерархов, а ищет достойнейшего — и находит его в лице давно знакомого ему игумена Соловецкого.

Избрания митрополитов при Грозном совершались на соборах, т. е. внешне канонически, и, однако, определялись всецело волею царя. Эта царская воля выдвигается на первый план и в необычном официальном акте, составленном при избрании Филиппа. Ввиду исключительной важности этого документа, позволяем себе привести его целиком:

«Лета 7074 (1566) Июля 20, понуждал царь и великий князь Иван Васильевич всея России со архиепископы и епископы и с архимандриты и со всем собором боголепного Преображения Господа нашего Иисуса Христа и великих чудотворцев Зосима и Савватия Соловецких игумена Филиппа на митрополию. И игумен Филипп о том говорил, чтобы царь и великий князь оставил *опришнину*; а не оставит царь и великий князь *опришнины*, и ему в митрополитах быти невозможно; и хотя его и поставят в митрополиты, и ему затем митрополию оставити; а соединил бы воедино, как прежде было. И царю великому князю с архиепископы и епископы в том было слово, архиепископы и епископы царю и великому князю о том били челом о его *царском гневу*; и царь и великий князь гнев свой отложил, а игумену

Филиппу велел молвити свое слово архиепископом и епископом, чтобы игумен Филипп то отложил, а в опришнину и в царский *домовой обиход* не вступался, а на митрополю бы ставился; а по поставленьи бы, что царь и великий князь опришнины не оставил, и в *домовой* ему царский обиход вступаться не велел, и за то бы игумен Филипп митрополю не отставлял, а советовал бы с царем и великим князем, как прежние митрополиты советовали с отцом его великим князем Иваном. И игумен Филипп по царскому слову дал свое слово архиепископом и епископом, что он, по царскому слову и по их благословию на волю дается стати на митрополю, и в опришнину ему и в царский *домовой обиход* не вступатися, а по поставленьи за опришнину и за царский *домовой обиход* митрополю не отставливати. А на утверждение к сему приговору нареченный на митрополю Соловецкий игумен Филипп и архиепископы и епископы руки свои приложили» (Следуют подписи).

Из этой официальной записи видно, что избрание Филиппа сопровождалось бурными сценами. «Царский гнев» вызван тем, что Филипп обусловил свое согласие определенным требованием: отмены опричнины. Мотивировка его показывает прекрасную осведомленность соловецкого игумена в событиях русской жизни последних лет. «Если его и поставят на митрополию, ему придется все равно ее оставить». В этих словах говорит опыт двух или трех последних митрополитов. При опричнине не может быть нормальных отношений между властью святительской и царской; митрополит не сможет нести своего церковно-общественного служения. Царь этого условия не принял, но сделал уступку, скрытую в авторитетной форме «веления»: он разрешил Филиппу «советовать», как прежние митрополиты «советовались с его отцом и дедом». Этим восстановилось право печалования, уничтоженное в 1565 г. со введением опричнины. На таких условиях св. Филипп позволил уговаривать себя иерархам — принял избрание, дав слово «не вступаться в опришнину». Самое составление дошедшего до нас протокола, скрепленного подписями членов собора и нареченного митрополита, имело, конечно, целью закрепить обязательство митрополита перед царем. Этим актом Иван хотел обезопасить себя на будущее от возможных вторжений святителя в ту область, на которую он смотрел как на свой «домо-

вой обиход». Надо думать, что на Филиппа было оказано сильное давление со стороны иерархов, и он уступил ему. Нельзя не обратить, однако же, внимания на то, что среди подписей владык отсутствуют имена двух, которые, по всей вероятности, были в Москве, потому что в начале июля подписались под определением земского собора, а через пять дней, после избрания Филиппа, участвовали в торжественном его поставлении. Эти отсутствующие подписи — Германа Казанского и Елевферия Суздальского. Имя св. Германа, только что мужественно обличавшего царя, позволяет догадываться, что не все епископы склонны были благословить эту капитуляцию избранного митрополита перед царем. Для них, как и для Филиппа, опричнина, вероятно, представлялась слишком серьезным препятствием к миру в царстве и в церкви.

Уступчивость Филиппа можно объяснить, конечно, влиянием большинства иерархов, в которых скромный соловецкий игумен должен был видеть голос русской церкви. Можно объяснить ее и уступчивостью царя. Филипп отказался бороться против опричнины как института, но не отказался бороться против ее злоупотреблений. Возвращенное церкви право печалования давало ему некоторую надежду на смягчение ужасов опричного режима. Так мы вправе истолковать его избирательную капитуляцию.

Но, толкуя ее так, относясь с благоговением к чистоте одушевляющих его намерений, нельзя не остановиться перед этим фактом колебаний, уступок, как бы некоторой слабости, проявленной святителем на пороге его нового служения. Июльские дни его жизни поразительно напоминают первые дни его игуменства в Соловках. Эти драгоценные черточки столь бледно вырисовывающегося его портрета, говорят все о том же: в природе Филиппа не было энергичной властности, уверенности в себе, твердого знания своих целей и средств... Его первое движение — бежать от тяжкого бремени. Но раз приняв его, он несет мужественно и верно. Его силы растут под тяжестью ноши, раскрываются новые, не подозреваемые нами стороны личности: Филипп — хозяин соловецкий кажется совсем другим человеком, чем Филипп — страдалец за всю русскую землю. Но он все тот же. Сила Божия совершилась в немощах и благодать восполнила естественную скудость.

Через четыре дня после подписания избирательной грамоты, 24 июля, состоялось официальное избрание Филиппа царем, со всем освященным собором. «И возведоша его того дня на митрополичь двор». А еще через день, 25 июля, совершилось торжественное поставление нового митрополита в Успенском соборе. До нас дошел чин этого торжественного действия, как оно совершалось в Москве в XVI столетии. Заимствуем подробности в изложении митр. Макария:

«В день, назначенный для поставления митрополита, устроили в Успенском соборе впереди амвона особое возвышение и на нем ставили два седалища, с правой стороны для государя, а с левой для архиепископа (Новгородского, старейшего в русской церкви. — Г. Ф.) и по обе стороны, несколько пониже, ставили длинные седалища для епископов, а перед возвышением на полу начертывали большого орла с распростертыми крыльями. Перед литургией выводили нареченного из алтаря в полном облачении и ставили на орла. По окончании трисвятой песни, рукополагали его в епископа-митрополита, и он уже сам продолжал и оканчивал литургию... По окончании литургии, святители брали нового первосвятителя под руки, вели на возвышение среди церкви и там три раза сажали его на место, произнося: „ис полла эти, деспота“, — после чего митрополит разоблачался, и на него возлагали святители панагию, мантию с источниками и белый клобук и отводили его на его митрополичье место каменное. Тогда приближался к митрополиту государь и вручал ему архипастырский посох (принадлежавший некогда св. Петру Московскому. — Г. Ф.), со словами: „всемогущая и животворящая св. Троица, дарующая нам вся Руси самодержавство Российского царствия, подает тебе сей св. великий престол великого чудотворца Петра архиерейства, митрополю вся России, Российского царства, рукоположением св. отец, архиепископов и епископов русского нашего самодержавного Российского царствия. И жезл пастырства, отче, восприими, и на седалище старейшинства възиди и моли Бога и всех святых о нас и о наших детях и о всем православии, и яже на пользу и всему православному христианству душевне и телесне; и подаст ти Господь Бог здравие и долголетствие во веки века, аминь“. Митрополит отвечает государю так: „Всемогущая и вседержавная десница Вышнего да сохранит Господь Бог по-

ставленное твое Российское царство, самодержавный царю и владыко. Мирно да будет и многолетнее твое государство, и победно со всеми повинующимися тебе пребывает во веки и в век века... Здрав, здрав, здрав, добро творя, животоносен владыко самодержец, многолетен“.

По выходе из храма, митрополит, облаченный в мантию, принимал от протоиерея воздвизальный крест животворящего древа, садился на приготовленное ося и ехал во двор великого князя, чтобы преподать ему благословение; а ося под митрополитом вели конюший великого князя и боярин митрополичий; перед ними шли два хора певчих — певчие государевы и митрополичьи, и пели стихи, пред певчими же шли четыре священосца с пальмами. От государя, точно таким же образом, ехал митрополит в собственный двор, где благословлял святителей и духовенство, потом ехал вокруг кремля и благословлял народ и весь город, снова заезжал к государю и возвращался в свои палаты, где и предлагал трапезу всем участникам торжества; иногда же трапеза эта предлагалась самим государем в его собственных палатах».

Такое торжество происходило в Москве 25 июля 1566 года. Девять архиереев участвовало в нем; на этот раз ни Герман, ни Елевферий не уклонились. Первоприсутствовал Пимен. Св. Филиппу суждено было принять омофор из рук епископа, который сделался его предателем, и посох из рук царя, который убил его. Житие влагает в уста Филиппа назидательную речь к царю, произнесенную им в этот день. Так как она не носит характера подлинности, то мы рассмотрим ее ниже, вместе с другими, в которых можно искать отражения его взглядов.

Торжества окончились, и для св. Филиппа начались труды его нового служения. Казалось, что мрачные предчувствия, владевшие им во время избрания, рассеиваются. Провидению угодно было отсрочить на время его исповедническую жертву. Ужасы опричнины смолкли; в течение полутора лет мы не слышим о казнях в Москве. Конечно, разрушительное учреждение продолжало действовать, отравляя и разлагая все народное тело, но наверху, в непосредственной близости к царю, отдыхали от крови. Несомненно, мужественное выступление одного за другим двух иерархов, двух святых, не могло пройти бесследно на впечатлительную душу царя. Была и другая при-

чина его сдержанности. На земском соборе только что все со- словия выразили одинаковое понимание национальных инте- ресов, одинаковую готовность принести все жертвы для госу- дарства. Ливонская война была одним из самых кровных дел Грозного. Из-за нее он рассорился окончательно с избранной радой. Единение в этом вопросе с народом — или с правящими, руководящими кругами народа — должно было успокоить по- дозрительность царя и смягчить его недоверие к «земщине». В Московском посольстве, которое повезло Сигизмунду-Августу неприемлемые требования царя, на первом месте называется боярин Федор Иванович Умного-Колычов, двоюродный брат митрополита. Назначение его состоялось за несколько дней до поставления Филиппа.

Сохранилось очень мало сведений об административной деятельности св. Филиппа как митрополита Московского. Да- вая общую оценку ее, житие св. Филиппа замечает, что он во всем старался подражать митрополиту Макарию, своему дос- тойному предшественнику. По всему, что мы знаем о круге дел митрополичьего управления, можно сказать с уверенностью, что св. Филипп взял на себя бремя власти не только в Москов- ской епархии, но и во всей русской церкви. Митрополит XV– XVI веков соответствовал патриарху XVII века. Он должен был ставить епископов во все епархии, наблюдать за деятельно- стью их, увещевать и исправлять путем посланий, вызывая их в случае надобности в Москву. Он не мог лишь судить еписко- пов — право, принадлежащее собору. Но на митрополите лежа- ла обязанность созыва соборов, и в XVI в. они созывались весьма часто — как правило, раз в год, иногда и чаще.

Земельные вотчины митрополита еще в начале XVI века бы- ли разбросаны в пятнадцати уездах. В семи из них числилось 531 сел и деревень, 1818 душ крестьян. К середине XVI века владения эти сильно увеличились. Доходы их в конце века Поссевин определяет в 22000 талеров, а Флетчер в 3000 руб- лей (180.000 — 210.000 р. на деньги XIX века). Впрочем, вла- дения и доходы Новгородского архиепископа намного превос- ходили доходы митрополита.

Если управление церковными имуществами требовало хозяй- ственного внимания, то немало времени поглощал и митропо- личий суд. Круг его компетенции обнимал и духовные и свет-

ские дела. Как у простых епископов, у митрополита были свои бояре, свои дьяки, дворецкие и десятичники — словом, целый аппарат управления, построенный по типу удельного княжества.

До нас дошли отрывочные свидетельства о некоторых повседневных актах административной деятельности митрополита Филиппа. Мы видим его посвящающим епископов (Полоцкого, Ростовского), освящающим храмы. Первые месяцы святительства Филиппова были омрачены страшным народным бедствием — чумой. От западных границ, охваченных войной, из армии, эпидемия приближалась к московским уездам. Люди во множестве умирали «от лихого поветрия». Потребовалось вмешательство митрополита для замещения беспоповных приходов: «где попы померли и не было кому и мертвых погребати». 1 сентября болезнь объявилась в Можайске, угрожая самой Москве. Царь установил карантин, «заставу и сторожу» в чумной зоне, не велел никого пропускать оттуда в Москву и обратно. Весною 1567 г. поветрие на время прекратилось. Москву удалось спасти благодаря энергичным мерам правительства.

Едва ли не единственным памятником хозяйственно-административных забот митрополита Филиппа остается жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого на имя митрополита. Грамотой этой все митрополичьи села и монастыри, лежащие в уделе князя, освобождались от пошлин и кормов на удельный двор и от удельного суда, «опричь душегубства и татьбы с поличным». «А судит их отец наш Филипп митрополит всея Руси, или его бояре». Может быть, в этом акте позволительно видеть след старой близости, связывавшей Старицких князей с Кольчовыми. Отец Филиппа был верным слугой князя Андрея. Сын Андрея, влачащий свою жизнь под угрозой царских подозрений, проводивший мать в монастырь накануне собственной гибели, в этой грамоте выразил свою благодарность митрополиту за службу его отца.

Если так скудны памятники административной деятельности митрополита Филиппа, зато мы имеем свидетельства, показывающие, что он в кремлевских своих палатах не забыл о далекой северной обители, воспитавшей его духовную жизнь. Он должен был часто возвращаться мыслью к счастливым трудовым годам в Соловках и молить угодников соловецких о помо-

щи и заступе среди тревог московской жизни. В митрополичьем доме он устроил домовую церковь во имя св. Зосимы и Савватия, которую его далекий преемник и почитатель, патриарх Никон, посвятил апостолу Филиппу, ангелу своего великого предшественника.

В Соловецком архиве сохранились четыре грамоты-письма митрополита Филиппа — три в Соловки, а одна в Новгородское подворье монастыря. Они полны хозяйственных забот и указаний и дышат отеческим чувством игумена к оставленной обители. В первом письме Филипп извещает братию о своем избрании на престол всея Руси и предлагает им избрать игумена по своей воле, об утверждении которого он будет просить царя. Во втором перечисляет посылаемые в монастырь подарки. Тут и иконы, и кресты, и деньги, и «зелье»: перец, шафран и имбирь. Оба эти послания адресованы братии, из которой по имени названы старцы Иона и Паисий. В одном из них имеем право видеть старого учителя и духовника Филиппова, другой — его преемник во игуменстве. Третье письмо в Новгород, старцу Исааку, посвящено условиям передачи в собственность монастыря усадьбы новгородца Тучки с обещанием просить у государя «тот двор и с садом обелити», т. е. освободить от податей. Все эти письма отправлены в первые дни святительства Филиппа. Четвертое письмо — 30 января 1568 г., в тяжелое время начинающейся борьбы с царем. И содержание его тревожно: видимо, добрые отношения между митрополитом и Соловками затуманились. Монахи на владыку «навели скорбь великую на Москве». Он выговаривает им за то, что они, послушавшись его, посылали ему в «поминки» рыбу... Да и рыба-то оказалась «мелка, а средней мало»: т. е. святителю оказали явное невнимание, подчеркивающее официальный характер и без того запрещенных им «поминок». Другое, что огорчает митрополита, это судьба неоконченных при нем на Соловках работ. Он убеждает Паисия с братией очистить выкопанный при нем пруд («святое озеро»). Не надеясь, что братия по собственной охоте будет продолжать начатое им дело, он обещает кормить своим хлебом работников: «а не пожалуете не дадите и так делати, и вы бы ко мне известно ж учинили». Все письмо проникнуто горечью, которой не смягчают и присланные денежные подарки на стол братии. Мы не знаем причин охлаж-

дения к бывшему игумену митрополита: одной ли хозяйственной нерадивостью заслужил он укор Филиппа? Как бы то ни было, письмо святителя должно было уязвить его. Скоро ему представился случай отомстить своему отцу.

Кроме этих писем, единственно дошедшая до нас грамота св. Филиппа адресована в Кириллов-Белозерский монастырь и, вероятно, представляет образчик писем, разосланных во все важнейшие монастыри осенью 1567 г., во время царского похода против Литвы. В нем говорит уже не бывший игумен, а глава русской церкви, в ее неразрывной связи с православным царством. Митрополит просит у иноков молиться за царя с его семейством и за успех литовского похода. «Грех ради наших безбожный крымский хан Девлет-Кирей, со всем своим бесерманством и латинством, и литовский король Жигимонт-Август и поганые немцы во многие различные ереси впади, наипаче в лютерову прелесть, и святые христианские церкви разорили, и святым и честным иконам поругались... И слышав таковая, боговенчаный царь и государь великий князь Иван Васильевич, всея Руси самодержец, зело оскорбился и опечалился за святые церкви и за святые честные иконы... и по нашему благословению и всего священного собора пошел со всем своим воинством на своих недругов, за святые церкви, и за святые честные иконы, и за нашу святую благочестивую христианскую веру греческого закона, и за свое царское отечество и обиду, Богом порученное ему российское царство отстоять не токмо до крови, но и до смерти».

Стиль этого послания митрополита вполне соответствует официальной идеологии военных предприятий Грозного. Царь любил облекать свои политические акты — напр., взятие Полоцка, — в форму священной войны против врагов веры и церкви, во имя торжества православия. Правительственная летопись сохранила нам яркие свидетельства этих настроений. Но начавшийся в столь торжественной обстановке поход Грозного осенью 1567 г. протекал вяло и окончился ничем. Царь, лично принявший в нем участие, вернулся в Александровскую слободу без побед и без славы. Моральная помощь «земщины», декларирования в июле 1566 года, не принесла реальных результатов, на которые царь рассчитывал. Он искал теперь, на ком сорвать свое раздражение.

Опричный террор при Грозном имел свой ритм повышений и понижений. Карамзин насчитывал шесть «эпох казней». Иногда можно установить связь возрастающей волны террора с неудачами внешней политики. Бегство Курбского в Литву и его опустошительный набег на Великолуцкую область были прологом самого учреждения опричнины — «второй эпохи казней» (1565 г.). Неудачная кампания 1567 г. предшествует новой, еще более страшной волне, против которой пытался бороться св. Филипп, и которая улеглась нескоро после его кончины (1568–1571). Эта волна была самой кровавой из всех. Но прежде, чем перейти к событиям, повлекшим трагическое столкновение святителя с царем, уместно нарисовать в самых общих чертах характер опричнины в действии, в ее бытовой обстановке и в ее принципах. Оппозиция св. Филиппа была направлена, как мы увидим, не только против эксцессов этого учреждения, но и против самой системы. Необходимо отдать себе отчет в том, является ли св. Филипп, в своей борьбе против опричнины, выразителем христианской совести и голосом русской земли или, как думают многие в наше время, выразителем «реакционных» стремлений побежденного боярства⁸.

2. Опричнина

В наше время вопрос об опричнине сделался одной из актуальных тем исторической науки. Последнее поколение русских историков заново пересмотрело его с новой точки зрения, отчасти по новым материалам, и, кажется, удовлетворительно решило загадку, мучившую людей XVI–XVII века.

Теперь мы знаем, что это не только система террора, но и система управления. При самом учреждении этого института, в январе 1565 г., Грозный требовал себе от москвичей права «опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки (имущества) имати, и учинити ему на своем государстве опричнину: двор ему себе и на весь свой обиход учинити особойной». По возвращении царя сейчас же начинается эта огромная работа по построению «особого царского обихода». В опричнину берутся сперва 1000, потом до 6000 служилых людей, из низов этого класса, не связанных родством с княжескими и боярскими верхами. Для поселения им отводятся уезды в центре и на севере

государства. Старые помещики выселяются на окраины. Эта переборка и переброска служилых людей длится много лет, составляя постоянный социальный фон для кровавых узоров террора. В Москве в опричнину берется ряд кварталов (на Арбате и соседних улицах) с выселением прежних владельцев. Сам царь оставляет Кремль и переезжает в новый опричный дворец, «у Ризоположенских ворот» на Арбате. Все, не вошедшее в опричнину, официально называется земщиной. Опричная Россия, как и земская, возглавляется своими центральными учреждениями, приказами, имеет свою казну. Государство оказалось разрубленным на две части. Опричная часть, первоначально небольшая, неуклонно росла и охватила половину государства. Во главе земщины осталась старая боярская дума, в том же личном составе, с князьями Бельским и Мстиславским, во главе опричнины — царский двор, с его худородными дворянами (Вяземский здесь единственный князь). Государственный дуализм достиг своего завершения, когда Грозный поставил во главе земщины (1575–7 гг.) крещеного татарского хана Симеона Бекбулатовича с титулом «великого князя всея Руси», а за собой оставил скромное звание «князя Московского». Этот маскарад, правда, длился недолго, но он знаменательно вскрывает политическую идею, лежавшую в основе опричнины.

Ясно, что политический смысл опричнины сводится к созданию нового управления и нового служилого класса, чуждых старым земским традициям, независимых от влияния боярства. Царь чувствует себя бессильным пересоздать старый порядок путем реформ или смены личного состава правящего класса. Он строит новую параллельную государственную организацию на новом месте, из новых людей. Парадокс этой революции в том, что, направленная против остатков удельной традиции, она сама облекается в удельные формы. Самое слово «опричина» взято из удельного быта, означая в древности вдовью долю, отказываемую князем в духовном завещании своей вдове-княгине. Грозный настойчиво, хотя и лицемерно, подчеркивал фикцию, что опричина есть лишь его «домовой обиход», организация его двора, что в государстве, в «земщине», сохраняется старый порядок. «Ивашка», удельный князь Московский, пишет униженные челобития «великому князю всея Руси», прося его «милость ему оказать», «людишек перебрать»...

За мрачным шутовством здесь скрывается психология бессилия: бессилия перед силами традиции, перед вековым укладом, за которым стоят моральные силы народной совести и церкви. В духовном завещании Грозного 1572 г. это ощущение бессилия носит уже маниакальный характер. Царь изображает себя «изгнанным боярами и скитающимся по странам». Его сыновьям как будто бы предстоит еще «доступить свое государство». Словом, Грозный живет если не в обстановке, то в психологии гражданской войны.

Политической задаче опричнины соответствовало и ее социальное содержание. Перемещение больших масс служилых людей из центра на окраины и обратно должно было разорвать хозяйственные и моральные связи между народом, крестьянским людом и потомками удельных «княжат». В старое время, присоединяя уделы и вольные русские земли, московское правительство «выводило» на Москву сотни лучших людей, разрушая аристократическую верхушку местного общества. Эта система «вывода» была применена Грозным почти ко всему составу служилого класса: не к одним лишь «княжатам» и боярам, а к целым уездам московского центра. Это был социальный переворот, захвативший все слои русского общества до самого дна.

Современники свидетельствуют, что операция «вывода» сопровождалась административными жестокостями, придававшими ей характер народного бедствия. Сгоняемым со старых гнезд помещикам «не позволялось брать ничего из движимого имущества». Их просто «выгоняли с женами и детьми на большую дорогу, и они принуждены были иногда брести пешком на новые места, питаясь подаянием». Разорение тысячи помещичьих хозяйств влекло за собой и разорение крестьянства. Новые помещики из бедноты, которые «теперь должны были выезжать в поле с 50, 100 и более коней и не имели в кошельках ни полушки, отнимали у бедных крестьян, отданных им, все, что у них было, в один год столько, сколько бедному крестьянину раньше не приходилось платить и в десять лет. По этой причине столько прекрасных имений было так быстро запущено и разорено, словно через них прошел неприятель».

В общей катастрофе всплыли наверх хищные, бессовестные люди из низов общества, нередко из инородцев, немцев, особенно татар, которые занимали места старого боярства. В этом

заклучался «демократический» смысл царской революции, не укpывшийся от современников. «Было много таких, — пишут немцы Таубе и Крузе, сами служившие в опричнине, — что раньше могли выезжать в поле с 200–300 коней, имели состояние во много тысяч гульденов, а теперь бродили по стране с нищенской клюкой, а другие, их бывшие холопы, не имевшие ни гульдена, теперь посажены на их места, в их поместья». И им вторит другой опричник Штаден: «Теперь с в. князем ходят новодельные господа, которые должны бы быть холопами тем — прежним».

Словом, перед нами настоящая социальная революция — произведенная верховной властью. Впрочем, цель ее только политическая: замена боярства новым служилым классом. Ради этой цели страна была подвергнута на десятилетия режиму террора, разорения, захватившего все слои общества. Хотя царь Иван и объявлял в январе 1565г., что на гостей и купцов и все христианство никакой опалы нет, то на деле борьба с боярством в самом же начале выродилась в борьбу с земщиной. Следует помнить, что в понятие земщины входили все классы общества, вся старая, взятая под подозрение, Русь. До нас дошел (в немецком переводе) текст присяги, которую давал каждый, вступающий в опричный корпус. В ней он клянется «не есть, не пить, и не водить дружбы с земщиной». А немец опричник свидетельствует: «Часто бывало, что, ежели найдут двух таких (т. е. опричника с земским) в разговоре, — убивали обоих, какое бы положение они не занимали». Царь Иван психологически находился в состоянии войны со всей русской землей. Только этой психологией можно объяснить разгром Новгорода, Твери и множества других городов. Все своеобразие этой гражданской войны в том, что она односторонняя: завоевательные походы опричнины почти не встречают сопротивления; война сводится к резне и погромам.

Остановимся на обстановке и деталях этой гражданской войны, как она рисуется современниками. За последние годы русская наука обогатилась новым источником по опричнине, только что найденными записками опричника Генриха Штадена. В общем, эти записки подтверждают давно известные — Таубе и Крузе — в том, что касается функционирования опричной системы. Штаден был одним из палачей русской земли, и

его наивно-циничные повествования о собственных подвигах не могут вызвать подозрений в пристрастности.

По свидетельству этих лиц, земщина получила от государя приказ в делах между земскими и опричными решать в пользу последних: «Судите праведно, наши виноваты не были бы». Существовал ли или нет такой приказ, но так, очевидно, понимали дело в Москве и по всей России. Это была отмена правосудия для половины страны и узаконение разбоя для другой. «Тогда-то из-за этого приказа земские и пали духом. Любой из опричников мог, например, обвинить любого из земских в том, что этот должен ему будто бы некую сумму денег. И хотя бы до того опричник совсем не знал и не видел обвиняемого им земского, земский все же должен был уплатить опричнику, иначе его ежедневно били публично на торгу кнутом или батогами до тех пор, пока не заплатит». Сам Штаден рассказывает, как он применял эту систему вымогательства к своему врагу-немцу, к соседке-торговке, к зажиточному крестьянину. Способ, которым он разоряет женщину, является классическим, по описанию Таубе и Крузе. Его слуга отдает рубашку на хранение в соседний дом и подсовывает золоченый кубок. Потом, в присутствии целовальника, производится обыск, находят рубашку и тащат хозяйку в Судный двор. «Мне стало стыдно, что я клепал напрасно эту женщину: в земщине она была моей близкой соседкой; ее первый муж был иконописец» (второй — торговец).

Этот пример уже показывает, что не одни бояре страдали от опричнины. В рассказах Штадена, как и Таубе, купцы постоянно фигурируют в числе жертв. Иначе и быть не могло, т. к., судя по самому автору, грабеж и накопление были главным бытовым интересом опричника. Штаден мало говорит о казнях, о законном разбое — на каждом шагу. Читая его, можно думать, что даже поход Грозного на Новгород не имел другой цели, кроме исполинского грабежа. Стоит привести его рассказ о новгородской экспедиции. Он показывает, что творилось во время опричного режима во всех уголках страны.

«Когда великий князь со своими опричниками грабил свою собственную землю, города и деревни, душил и побивал на смерть пленных и врагов — вот как это происходило. Было приставлено множество возчиков с лошадьми и санями — сво-

зять в один монастырь, расположенный за городом, все добро, все сундуки и лари из Великого Новгорода. Здесь все сваливалось в кучу и охранялось, чтобы никто не мог унести. Все это должно было быть разделено *по справедливости*, но этого не было. И, когда я это увидел, я решил больше с великим князем не ездить...

Тут начал я брать к себе всякого рода слуг, особенно же тех, которые были наги и босы; одел их. Им это пришлось по вкусу. А дальше я начал свои *собственные походы* и повел своих людей назад, внутрь страны, по другой дороге. За это мои люди остались верны мне. Всякий раз, когда они забирали кого-нибудь в *палон*, то спрашивали честью, где — по монастырям, церквям или подворьям — можно было бы забрать денег и добра, а особенно добрых коней. Если же взятый в плен не хотел добром отвечать, то они пытали его, пока он не признавался. Так добывали они мне деньги и добро.

Как-то однажды мы подошли в одном месте к церкви. Люди мои устремились вовнутрь и начали грабить, забирая иконы и тому подобные глупости. А было это неподалеку от двора одного из земских князей („князь“ у Штадена нередко вместо дворянина. — Г. Ф.), и земских собралось там около 300 человек вооруженных. Эти триста человек гнались за шестью всадниками — те шестеро были опричники, которых гнали земские. Они просили меня о помощи, и я пустился на земских.

Когда те увидели, что из церкви двинулось так много народа, они повернули обратно ко двору. Одного из них я тотчас уложил одним выстрелом наповал; потом прорвался через их толпу и проскочил в ворота. Из окон женской половины на нас посыпались камни. Кликнув с собой моего слугу Тешату, я быстро взбежал вверх по лестнице с топором в руке.

Наверху меня встретила княгиня, хотевшая броситься мне в ноги. Но, испугавшись моего грозного вида, она бросилась назад в палаты, я же всадил ей топор в спину, и она упала на порог. А я перешагнул через труп и познакомился с их девичьей...

Затем мы проехали всю ночь и подошли к большому, незащищенному городу. Здесь я не обижал никого. Я отдыхал...

Когда я выехал с великим князем, у меня была одна лошадь, вернулся же я с 49-ю, из них 28 были запряжены в сани, полные всякого добра».

Рассказ опричника о новгородском походе кончается царским смотром в Старице, во время которого Генриху Штадену было пожаловано право называться «Андреем Володимировичем». «Частица „вич“ означает благородный титул. С этих пор я был уравнен с князьями и боярами. Иначе говоря, этими словами великий князь дал мне понять, что это — рыцарство. В этой стране всякий иноземец занимает лучшее место, если он в течение известного времени умеет держать себя согласно с местными обычаями». Немец Штаден, несомненно, проявил это умение в полной мере.

Многие из опричных подвигов следует отнести на счет своеволия нового «рыцарства». Сам Штаден свидетельствует, что грабеж земщины происходил «без согласия» царя. Многие передевались опричниками для покрытия разбоя. Разнуздав свою армию [стихийно] гражданской войны, царь Иван, естественно, не мог поддержать в ней дисциплину. К тому же, навстречу алчности и жестокости сверху шла классовая злоба и алчность с низов. Еще раз обратимся к перу опричника: «Из-за денег земских оговаривали все: и их слуги, работники и служанки, и простолюдины из опричнины — посадский или крестьянин. Я умалчиваю о том, что позволяли себе слуги и служанки опричных князей и дворян. *В силу указа все считалось правильным*».

Последние слова показывают, что все эксцессы низового террора и простой разбой были санкционированы волей царя — всем духом созданной им системы. Рассказывают же Таубе и Крузе, что простое снисхождение, проявленное опричником к земскому в его личном деле, рассматривалось как измена и могло стоить ему головы.

В этой гражданской войне царя с земщиной наше внимание останавливается на церкви. Монастыри и храмы, по-видимому, особенно привлекали алчность опричнины — и самого царя. Секуляризации церковных имуществ, — в которой правительство могло испытывать потребность во время разорительных войн, — Грозный предпочитал прямой грабеж и разгром храмов. Вот некоторые примеры, заимствованные из того же Штадена: «Великий князь пришел в Тверь и приказал грабить все — и церкви и монастыри. — То же было и в Торжке; здесь не было пощады ни одному монастырю, ни одной церкви».

Особенно ярко эта алчность к церковному имуществу, в соединении со злобой царя к духовенству, сказались во время погрома Великого Новгорода (1571), описанного в местной летописи. Еще до прихода царя опричники из «передового полка» делают все нужные приготовления: «А иные бояре и дети боярские повелением государя разъехашася по монастырям иже около Великого Новгорода, запечаташа монастырския церковные казны, а игуменов и черных попов и дьяков и соборных старцев из всех новгородских монастырей взяша с собою в Великий Новгород, числом до пятисот человек старцев и болши, и всех поставиша на правеж до государева приезда». То же было сделано и с белым городским духовенством. «Повелеша их бити на правежи от утра до вечера, а правити на них числом по 20 рублей новгородских». Аресты были произведены и среди новгородского боярства и купечества, но этих на правеж не ставили. На другой день по приезде своем в Новгород, 7 января, государь повелел всех поставленных на правеж монахов «избивать палицами на смерть, и бив их повел кождо во свой монастырь развозити и погребати». Общий грабеж и казни в Новгороде начались лишь на следующий день. Среди монахов царь ищет свои первые жертвы.

Кн. Курбский посвящает в своей «Истории» особую главу (VIII) «страданию священномучеников». Она, как и другие его главы, не свободна от неточностей. Но многие факты подтверждаются летописями и Синодиком самого Грозного, т. е. помянником его жертв, рассылавшимся царем по разным монастырям. Таков рассказ Курбского об убиении Корнилия, игумена Псковского Печерского монастыря, вместе с его учеником Вассианом Муромцевым: «И глаголют их вкупе во един день орудием мучительским некаким раздавленных: вкупе и тела их преподобно мученическия погребены». Курбский глухо упоминает, не называя его имени, об убиении Леонида арх. Новгородского, преемника Пимена: «повелел убити со двема... игумены великими, або архимандриты». Псковская летопись сообщает подробности неслыханной казни архиепископа: «Опалися царь Иван Васильевич на архиепископа Новгородского Леонида и взя к Москве и сан на нем оборвал и в медведко ошив, собаками затравил». Мы, как и Курбский, не можем проверить известия об убийстве Иваном знаменитого просве-

тителя лопарей Феодорита. По одним слухам, царь утопил его за то, что он ходатайствовал о прощении Курбского, бывшего некогда его духовным сыном. Синодик царя дает нам и другие имена «иноков», «священноиереев» и даже «стариц», которые, вероятно, никогда не будут отождествлены. Но и Синодик далек от полноты: достаточно сказать, что в нем нет имени св. Филиппа.

Казни духовенства могли вызываться алчностью царя или подозрением в соучастии представителей церкви во мнимых преступлениях земщины: в таком случае они составляли подробность опричного режима. Но могли они явиться и мезтью тирана, раздраженного словом увещания, моральной уздой, которую он встречал со стороны хотя бы немногих пастырей. Конечно, в них нельзя видеть выражение антихристианских или антицерковных идей царя. Иван умел совмещать казни священников и даже ненависть к попам с самосознанием ревнителя православия. Он любил богословские прения, особенно с иностранцами, был начетчиком в Св. Писании, уставщиком, ревнителем не только веры, но и благочестия. Однако это благочестие выражалось у него в таких формах, которые были отвратительнее зверств. Иван находил, по-видимому, острую приправу к человеческой крови в литургической красоте, как находил ее иногда в сладострастии. Так как в столкновении митрополита с царем играет некоторую — может показаться, непомерно большую роль — вопрос об опричных скуфьях и одежде самого царя, то мы считаем нужным остановиться на той кощунственной пародии монашеского братства, которую царь создал в недрах опричнины.

Двор царя — он же отборный корпус палачей в Александровской слободе — состоял из 300 человек «братии», во главе которой стоял сам царь в сане игумена, кн. Вяземский — келаря, Малюта Скуратов — экклисиарха. Опричники носили поверх кафтанов черные плащи, а на головах шлыки, напоминая внешним видом монахов: своеобразная идея духовно-полицейского ордена! Церковные службы в слободе занимали не менее 9 часов. Игумен будил братию даже по ночам, заставляя простаивать в церкви от 12 до 3 час. утра. За обедом, довольно роскошным, царь сам читал жития святых. Приказы о казнях, вместе с подробностями пыток, отдаются нередко в церкви.

Встав из-за стола, царь «не пропускает почти ни одного дня, чтобы не пойти в застенок». Зрелище пыток «доставляло ему, по самой природе, особую радость и утешение; никогда он не бывал так весел лицом и в речах, как будучи при пытках и казнях. Казнит он до колокола в восемь часов», который сзывает на вечернюю молитву. Эта строгая упорядоченность церковно-застеночного быта разрушает обычное понимание религиозности Грозного, как состояния резких колебаний между грехом и раскаянием. Не отрицая покаянных настроений царя, нельзя не видеть, что он умел в налаженных бытовых формах совмещать зверство с церковной набожностью, оскверняя самую идею православного царства.

Сказанного достаточно, чтобы убедиться, насколько ошибочно видеть в опричнине целесообразный государственный институт, направленный лишь против мятежного боярства, а в борьбе св. Филиппа против него — голос той же боярской оппозиции.

Русские люди, писавшие об опричнине при Грозном и после него, единодушны в своем возмущении. Не нашлось ни одного голоса в ее защиту. Известный Иван Пересветов, в котором видели идеолога опричнины, писал задолго до нее, и трудно сказать, был ли он доволен формой воплощения своей идеи, если дожил до кровавых лет. Из многих голосов летописцев и хроникеров приведем лишь некоторые свидетельства:

«Попущением Божиим за грехи наши възъярился царь Иван Васильевич *на все православие* по злых людей совету... учинише опричнину, разделение земли и градов... и бысть туга и ненависть на царя в миру и кровопролитие и казни учинишася многия» («Сокращенный Временник»).

Кн. Катырев-Ростовский в «Повести о смутном времени» дает яркую и точную характеристику опричнины: «За умножение грехов всего православного христианства царь Иван Васильевич *сопротивник* обретесе и исполнися гнева и ярости, нача подвластных своих сущих рабов зле и немилосердно гонити и кровь их пролияти и царство свое, порученное ему от Бога, раздели на две части... и заповеда своей части оную часть насилovati и смерти предавати и дома их грабити и воевод, данных ему от Бога, без вины убивати повеле, не устрашися же и святительского чина, оных убивая, оных заточению предавая и

грады краснейшие Новгород и Псков разрушати, и в них православных христиан зле и немилостиве убивати, даже и до ссущих младенцев повеле».

Даже дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника», который старается пройти молчалием «царское безобразие жития» и лишь «в прикосновении словес» решается обнажить «студ венца», выражается об опричнине резко и решительно: «Царь возненавидел грады земли своея», во гневе разделил их и «яко двоеверны сотворил». Все современники, как видим, особенно удручены «разделением» царства — тем, что составляет самую сущность опричнины и против чего еще накануне своего избрания возвысил голос митрополит Филипп.

3. Подвиг св. Филиппа

Зимой 1567–8 гг. царь возвратился из неудачного литовского похода. Над Москвой собиралась гроза. Поводом к казням послужили перехваченные правительством грамоты к московским боярам от короля Сигизмунда и гетмана Хоткевича. Грамоты были адресованы князьям Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему боярину Ивану Петровичу Челяднину. Бояре приглашались оставить государя-тирана и перейти в Литву. Успеха это предложение к измене не имело. Бояре — вероятно, под диктовку царя — составили оскорбительные ответы в Литву, дошедшие до нас. Челяднин пишет королю: «Я уже человек при старости; зрадивши (изменивши) мне государя своего и душу свою зломивши, не много жити; а у тебя будучи, в войсках твоих ходити уже не могу... и машкарством потешать тебя в старости не учен есмы». В письме к гетману он так отзывается о русском государе и своей службе: «А што писал еси, што государь мой хотел надо мною кровопролитство вчинити: ни есть того коли бывало, а ни быти может, што царскому величеству без вины кого карати. Также и того не бывало, што Литве Москва судити».

Эти письма не спасли боярина. Не знаем, почему из всех лиц, которым писал Сигизмунд, казнен был один Челяднин. То, что Бельского и других не тронули, говорит об отсутствии заговора. Челяднину царь, может быть, мстил за старые грехи: за участие в мятеже против Глинских, 21 год тому назад (предполо-

жение Соловьева). Он был уже в преклонных летах и, по словам опричника Штадена, лично знакомого с ним, пользовался репутацией единственного честного судьи в Москве. Один современник-иностранец рассказывает о трагически-шутовской обстановке его убийства. Иван будто бы надел на боярина царскую одежду и венец, посадил на трон и поклонился, величая царем земли Русской. Потом ударил его ножом в сердце. Опричники дорезали старика и выволокли тело из дворца, бросив на площади. Штаден отмечает коротко: «он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму».

Вместе с Челядниним погибла и жена его. Ненависть царя к Челядниним была так велика, что, по единогласным свидетельствам, он перебил их слуг и скот, выжег их усадьбы, стараясь не оставить в них ничего живого. Это было началом новой вспышки террора. Вокруг Челяднина, очевидно, было сострепано изменническое дело, к которому привлечены многие из боярских родов. Тогда погибли князья И. А. Куракин-Булгаков, Д. Ряполовский, трое князей Ростовских. Об одном из них, воеводствевавшем в Нижнем Новгороде, рассказывают, что посланные от царя опричники схватили его в церкви и обезглавили по дороге в Москву. Голова его была доставлена царю. Некоторые из жертв царской опалы думали спасти жизнь, отрекаясь от мира: кн. Щенятев, кн. Турунтай-Пронский. Но монашеская ряса не спасла их. По одному известию, они были забиты батогами до смерти. Курбский пишет, что Пронского царь велел утопить, а Щенятева подвергнуть в монастыре страшным пыткам: «на железной сковороде огнем разженной жещи и за ногти иглы бити. И в сицевых муках скончался». Вместе с боярами погиб и казначей Х. Ю. Тютин, рассеченный на части, если верить немцам-опричникам, самим царским шурином Михаилом Темрюковичем, вместе с женой, двумя малолетними сыновьями и двумя дочерьми. Если не все подробности казней достоверны, то они не заключают в себе ничего невероятного. Политические казни уже превращались в резню.

Одни ли представители знатных родов трепетали в то время царского гнева? Таубе и Крузе описывают эти месяцы террора: «То было жалостное, горестное зрелище резни и убийств. Каждый день опричники, по 10, по 20 человек и более, в панцирях под плащами, с большими топорами, разезжали по ули-

цам и переулкам. Каждый отряд имел свои списки бояр, дьяков, князей и видных купцов; никто не знал ни о какой своей вине, ни о часе смерти, ни о том, что он осужден. Всякий шел, как ни в чем не бывало, по своим обычным делам, в суд или в приказы. Тотчас налетала на них банда убийц на улице, у ворот или на рынке, рубили и душили их без всякой вины и суда и бросали их трупы, и ни один человек не смел их хоронить». Опускаем другие кошмарные и, может быть, преувеличенные подробности этих кровавых дней. Что трупы убитых по несколько дней валялись на улицах, подтверждает и Штаден.

Этот разгул опричного террора падает на зиму и весну 1568 г. Более точная хронология событий невозможна. Тогда-то впервые раздался перед царем укоризненный голос Филиппа.

Житие его повествует, что «неции от первых вельмож и народ» пришли к своему пастырю со слезами, моля его о заступничестве: «смерть пред очима имуще и глаголати не могуще, токмо показующе ему мучение». Святитель не мог дольше молчать при виде стольких злодейств и страданий. Он воспользовался своим правом печалования, признанного самим царем. Первые его беседы с Грозным и увещания царя происходили втайне. Житие Филиппа приводит одну из его бесед с царем. Она драгоценна для нас не как точная запись слов святителя, но как идеальный диалог между святым кормчим церкви и нечестивым царем, закрепленный церковным сознанием московских людей XVI века.

«— О державный, — сказал Филипп, — имея на себе сан превыше всякой чести, почти Господа, давшего тебе сие достоинство, ибо скипетр земной есть только подобие небесного, дабы научил ты человекоев хранить правду. Соблюдай данный тебе от Бога закон, управляй в мире и законно. Земного обладание богатства речным водам уподобляется и мало-помалу иждивается; сохраняется только одно небесное сокровище правды. Если и высок ты саном, но естеством телесным подобен всякому человеку, ибо, хотя и почтен образом Божиим, но и персти причастен. Тот поистине может называться властелином, кто обладает сам собою, не работает страстям и побеждает любовь. Слышно ли когда-либо, чтобы благочестивые цари сами возмущали свою державу? — и в иноплеменниках никогда подобно-го не бывало.

— Что тебе, чернецу, до наших царских советов? Или не знаешь, что мои же хотят меня поглотить.

— Не обманывай себя напрасным страхом. По избранию священного собора и по твоему изволению пастырь я Христовой Церкви, и мы все за одно с тобой, чтобы иметь попечение о благочестии и спасении всего православного христианства.

— Одно лишь повторяю тебе, честный отче, молчи, а нас благослови по нашему изволению.

— Наше молчание налагает грех на твою душу и всенародную наносит смерть. Если один из служителей корабля впадает в искушение, небольшую делает он беду плавающим, но если сам кормчий, то всему кораблю наносит он погибель. Если мы будем следовать воле человеческой, то каким образом скажем в день пришествия Господня: се аз и дети, яже ми дал еси? Не сам ли Господь заповедал в Евангелии: больше сия любви никто же имать, да кто душу свою положит за други своя, и аще в любви моей пребудете, воистину ученицы мои будете; так мы мудрствуем и держим сие крепко.

— Владыко святой, восстали на меня други мои и искренние мои, как некогда скорбел св. Давид, ближние мои отдалече мене стаха и нуждахуся ищущии душу мою.

— Государь, есть люди, говорящие тебе лукавое; приеми благие советы, а не ласкательства; не разделяй свою державу, ибо ты поставлен от Бога судить в правде людей Божиих, а не образ мучителя воспринять на себя; все преходит в мире сем, и слава и честь, бессмертно только одно житие по Боге; обнаженные от всего житейского, воздаем мы слово за свою жизнь; отжени от себя, как гнилые члены, всех клеветников и устрой воедино народ свой, ибо там лишь пребывает Бог, где единой душе и нелицемерная любовь.

— Филипп, не прекословь державе нашей, да не постигнет тебя гнев мой, или остави сан сей.

— Ни моления не простирал я к тебе, ни ходатаев не посылал, ни чьей-либо руки не исполнял мзду, чтобы воспринять власть сию; зачем лишил меня пустыни и св. отцов? Если дерзашь чрез каноны, твори, что хочешь; когда наступит время подвига, не должен я ослабевать».

Таковы были эти беседы с царем наедине.

Они не имели успеха. Можно думать, что Филипп не пользо-

Святой Филипп, митрополит Московский

вался большим влиянием на царя после споров об опричнине, имевших место во время его избрания. Царь явно удалялся от владыки, избегая встреч с ним. В увещаниях митрополита ему почудился все тот же ненавистный голос крамольного боярства. Митрополит постепенно увеличивал энергию и строгость своих слов. По словам Курбского, он «начал перее *молити благовременно, яко апостол великий рече, и безвременно належати*; потом претити страшным судом Христовым, заклинаяще по данной ему от Бога епископской власти».

Только убедившись в бесплодности тайных увещаний, св. Филипп выносит свой великий спор с царем на всенародный суд. Его первое столкновение с Иваном в Успенском соборе произвело такое впечатление на современников, что далекий новгородский летописец отметил в своих скудных записях: «Марта 22 дня, на самое середокрестное недели, учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнине». Об этом знаменитом диалоге святителя с царем в храме мы имеем несколько свидетельств: жития Филипповы и рассказ немцев-опричников, писавших четыре года спустя после событий. Замечательно, что эти источники, столь далекие и независимые друг от друга, столь отличные по стилю и характеру, одинаково передают смысл речей Филиппа: доказательство глубокого впечатления этих речей на московское общество, хранившее их целые десятилетия в устном предании. Карамзин без труда мог слить в своем изложении славянские фразы житий с переводно-немецкими — Таубе-Крузе, и в своей искусной амальгаме создал классическую страницу нашей национальной истории. Все мы помним ее с детства наизусть. К сожалению, слишком многое в этих памятных словах принадлежит красно-речивому перу историка. Мы поступим осторожнее, если передадим отдельно оба варианта.

По рассказу жития, царь пришел в воскресенье в собор, «в черны ризы оболчен», вместе со своей опричной свитой; на головах они носили высокие шлыки, «яко же халдеи». Святой Филипп обрадовался царскому приходу, «исполнися Божественного света». Три раза подходил царь к митрополичьему месту, но святитель не говорил ни слова. Бояре сказали: «Владыко святой! Царь Иван Васильевич требует от тебя благословения». Блаженный же, взглянув на царя, сказал: «Благочести-

вый, кому поревновал ты, изменив так красоту своего лица? Отколь солнце начало сиять на небесах, не слыхано, чтобы благочестивые цари возмущали свою державу. Убойся Божия суда и постыдись своей багряницы. Полагая законы другим, для чего сам делаешь достойное осуждения? Истину сказал богодухновенный летописец: отвращайся лъстивых словес, ибо хищнее вранов нравы ласкателей; враны исторгают только телесные очи, они же ослепляют душевные мысли, похваляя достойное хулы и осуждая достойное похвалы. Престань от такого начинания; благочестивой твоей державе не свойственны такие дела. Сколько страждут православные христиане! Мы, о государь, приносим здесь Господу жертву чистую, бескровную о спасении людей, а за алтарем проливается кровь христианская, и напрасно умирают люди. Или забыл, что и сам ты причастен персти земной и прощения грехов требуешь? Прощай, да и тебе прощено будет, ибо только чрез прощение клеветов наших избегнем мы владычного гнева. Глубоко изучил ты божественное писание; отчего же не поревновать ему? Всякий, не творяй правды и не любяй брата своего, несть от Бога».

Царь вскипел гневом:

«— Филипп, наше ли благодушие хочешь ты испытывать? Лучше бы тебе быть единомышленным с нами.

— Тогда, о государь, тщетна будет для нас вера наша, тщетно и проповедание апостольское, и все божественное предание святых отец и все благие дела христианского учения и самое вочеловечение Господа ради нашего спасения, если мы сами ныне рассыпем то, что даровал Господь для того, чтобы мы непорочно сие соблюли: — да не будет! — Все сие взыщет Господь от руки твоей, ибо все произошло от разделения царства. Не о тех скорблю, которые неповинно проливают кровь свою и кончаются мученически, ибо нынешние временные страдания, по слову апостольскому, ничто в сравнении с тою славою, которая имеет открыться в нас, но я имею попечение о твоём спасении.

Иван ударил жезлом о помост храма и произнес с угрозой:

— Нашей ли державе являешься супротивником? Увидим крепость твою.

— Не могу, государь, повиноваться повелению твоему паче, нежели Божьему. Господня земля и исполнение ея. Я только

пришлец на ней и пресельник, как и отцы мои. Подвигаюсь за истину благочестия, хотя бы и лишился сана и лютейшее пострадал».

Немецкие авторы передают речь митрополита следующим образом: «Всемиловитейший царь и великий князь, доколе ты хочешь лить неповинную кровь твоих верных людей и христиан? Доколе неправда будет царить в русском царстве? Татары и язычники, весь свет говорит, что у всех народов есть закон и правда, а на Руси их нет; во всем свете преступники, которые ищут милосердия у властей, находят его, а на Руси нет милосердия и для невинных и праведных. Подумай о том, что, хотя Бог возвысил тебя в мире, ты все же смертный человек, и Бог взыщет с рук твоих невинную кровь. Камни под ногами твоими, если не живые души, возопиют и будут обвинять тебя и судить; я должен сказать это тебе, по повелению Божию, хотя бы меня за это постигла смерть».

Эти слова, продолжают те же авторы, привели царя в страшный гнев. Он ударил об пол своим жезлом и отвечал: «Доселе я был кроток с тобой, митрополит, с твоими приверженцами и с моим царством. Теперь вы узнаете меня!». И с этой угрозой вышел из церкви.

На следующий день возобновились казни. На этот раз гнев царя упал на бояр и служилых людей митрополичьего двора. Многих из них схватили и подвергли страшным пыткам — вероятно, ища улики против владыки. Клевета, подстрекаемая страхом, уже пыталась жалить святителя. Но об этом позже.

Лето 1568 года Москва жила в страхе. Все современники рассказывают о дикой карательной экспедиции царя по подмосковным селам. Таубе и Крузе указывают день отъезда (9 или 19 июня) и продолжительность (шесть недель) этого похода. Были ли жертвой его поместья одного Челяднина или и других бояр, но опричная рать жгла все постройки, истребляя людей и скот, подвергая женщин неслыханным надругательствам. Если верить немецким авторам, царь захватил в этот поход женщин из домов московских бояр, дьяков и купцов. Надругавшись над ними вместе со своим войском, он велел развозить их по домам к их мужьям. Многие из них лишали себя жизни. Одна подробность этого рассказа, повторяясь в скупых словах Штадена, сообщает и остальному характер вероятности. Все авто-

ры говорят о женщинах и девушках, которых раздевали до нага, заставляя ловить кур на потеху царя и опричников.

Князь Курбский с этим летним походом связывает гибель одного из Колычовых, Ивана Борисовича, племянника митрополита. Рассказ этот способен вызвать недоверие, — сам Курбский говорит о «чуде», но прибавляет, что слышал о нем «от самовидца, притом зрящего». Когда царь палил деревни Ивана Петровича (Челяднина), он велел привязать молодого Колычова «в самых верхних каморах» одного дома. Весь дом, как и другие по соседству, были набиты людьми; под них подкатили несколько бочек пороху и взорвали. Ивана Колычова нашли далеко в поле, с рукой, привязанной к бревну, но живого. Один из опричников отрубил ему голову саблей. Царь приказал зашить ее в кожаный мех и послал к дяде — митрополиту, «заточенному в темнице», со словами: «Се сродного твоего глава. Не помогли ему твои чары». Упоминание о темнице здесь явный анахронизм, Филипп был еще на свободе; в начале своей открытой распри с царем он переехал из митрополичьего дома (в Кремле) в монастырь «Николы Старого». Если не разуместь под темницей этого монастыря, то знаменитую сцену с пересылкой головы Колычова придется отнести, согласно с житием, на несколько месяцев позже, к дням, следующим за отрешением митрополита (8 ноября). Но, может быть, казни Колычовых начались, действительно, уже с лета. Курбский говорит, что их было около десяти — конечно, взрослых и служилых: «и погублены суть всеродне». В Синодике Грозного упоминается четверо Колычовых. Что не все они погибли при опале митрополита, видно из боярского списка, где под 7079 (1571) годом записано: «Выбыл окольниковый Михайло Иванович Колычов».

На время летних неистовств царя падает второе публичное столкновение его с митрополитом, отмеченное в житии. Это было 28 июля, в день апостолов Прохора и Никанора. В тот день Филипп служил в Новодевичьем. Пришел и царь со своими боярами. Совершая крестный ход по стенам монастыря, митрополит дошел до Святых врат, где должен был читать Евангелие. Оглянувшись назад, он увидел одного из приближенных царя, стоявшего в «тафье». Как и в Успенском соборе, эта деталь опричного костюма дает повод к обличению. «Державный царь, — сказал Филипп, — так ли подобает благочести-

вому агарянский закон держать?» т. е. стоять на молитве в шапках, как мусульмане. Царь сказал: «Как так?» Митрополит отвечал: «Вот он, один из ополчения твоего, с тобою пришедший, словно от лика сатанинского». Царь оглянулся, но виновный уже снял шапку. Несмотря на вопросы царя, никто не выдал опричника. Иван пришел в гнев, поносил святителя, ругал его лжецом, мятежником, злодеем.

Эти столкновения были не единственными. По словам жителя, ни одна встреча царя с митрополитом не обходилась без пререканий: «где убо ни сошедшимся, слова мирна не глаголющим». Тогда-то Грозный решил избавиться от непокорного митрополита. Он не смел расправиться с ним так, как расправлялся с боярами. Ему еще не случалось до сих пор убивать епископов. Он искал легального оправдания задуманного насилия. При отце его и при нем самом неугодные царю иерархи сами слагали с себя власть и сан, удаляясь в монастырь. Мужественный Филипп не считал возможным бросить свою паству и возложенное на него служение. Не обязался ли он даже перед царем земным (в 1566 г.) «митропольи не оставливати»? Да, может быть, и раздражение царя теперь было настолько велико, что не могло удовлетвориться добровольным уходом святителя. Царь задумал созвать собор для суда над митрополитом, т. е. облечь насилие в канонические формы. Ему без труда удалось найти среди высшей иерархии людей, которые пошли ему навстречу. Деморализующее действие террора сказалось в этой готовности иерархов покрыть именем церкви готовящееся беззаконие. Настроение церковных оппортунистов, с самого начала недовольных смелыми обличениями Филиппа, ярко характеризует его житие, влагая в уста «угодников» царевых такие речи: «Добро было во всем царя слушати и всяко дело *благословляти без рассуждения*, и волю его творити и не гневати, где было гнев царев утоляти и пременять на милосердие». Из жития св. Филиппа мы узнаем, что среди духовенства была целая партия, враждебная ему: «Злобы пособницы Пимен Новгородский, Пафнутий Суздальский, Филофей Рязанский, сиггел Благовещенский Евстафий». О последнем нам сообщают и причины его вражды к святому. Он подвергся от него запрещению «в духовных винах, духовник бе царев». Можно догадываться, что вина Благовещенского протопопа состояла в преступной снис-

ходительности к грехам его духовного сына. Он и сделался главным подстрекателем и нашептывателем против Филиппа перед царем: «испрестанно яве и тайно нося речи неподобныя царю на св. Филиппа». О причинах вражды епископов к Филиппу мы ничего не знаем. Только об одном Пимене житие говорит, что честолюбивый архиепископ, первый по митрополите иерарх русской церкви, мечтал «восхитить его престол». О большинстве, запуганном и раболепном, можно сказать словами жития «Прочии же ни по Филиппе побораючи, ни по царю, но яко царь восхощет, тако и они».

Какие обвинения были выдвинуты против святого? Таубе и Крузе, хорошо осведомленные о деле Филиппа, говорят, что царь «вызвал ложных свидетелей против папы» (так они называют митрополита), «что он будто бы ведет неподобающую, порочную жизнь». С этим намеком согласуется сцена в Успенском соборе, описываемая житием непосредственно в связи с первой обличительной речью Филиппа. Царь и *епископы* еще были в церкви, когда «анагност» (чтец) соборной церкви, наученный врагами его, начал «износить на блаженного скверная словеса». Епископы же, царю угождающие, Пимен Новгородский и прочие, говорили: «Как ты царя наставляешь, а сам неистовая творишь?» Святой же сказал Пимену: «Хотя ты и творишь человекоугодие и тщишься престол чужой восхитить, но вскоре и со своего низвержен будешь». Чтецу же сказал: «Буди тебе милостив Христос, о любезне».

В поисках лжесвидетелей обратились и в Соловецкий монастырь. На остров была послана следственная комиссия из трех лиц: Суздальского епископа Пафнутия, архимандрита Андрониковского Феодосия и князя Василия Темкина. Комиссия действовала застрашиванием и соблазнами. Мы можем поверить житию, которое, защищая доброе имя монастыря, свидетельствует, что большинство не давало себя ни соблазнить, ни запугать. Но нашлась группа предателей, во главе с самим игуменом Паисием, который недавно еще посылал в Москву митрополиту подарки. Говорят, что Паисию обещали епископский сан. О чем могли показывать соловецкие «свидетели», мы не знаем, но на соборе они сыграли главную роль.

По некоторым намекам Курбского, по словам, которые он влагает в уста Ивану, можно думать, что и здесь не обошлось

без обвинений в чародействе, обычных в политических процессах того времени. Что касается чисто политических обвинений, соучастия в боярских заговорах, напр., то о них мы ничего не слышим: вероятно, ограничились винами церковного характера.

Собор собрался для комедии суда в Москве в начале ноября. По словам Курбского, он происходил в «великой церкви», т. е. в Успенском соборе. Праведного святителя Казанского уже не было в живых. Вместе с Германом ушел из жизни и Елевферий Суздальский, не подписавший когда-то записи Филиппа об опричнине. Ни с чьей стороны нельзя было ждать слова правды. Святому исповеднику выпало испить свою чашу горечи: быть осужденным не произволом тирана, а собором русской церкви и оклеветанным своими духовными детьми. Паисий с соловчанами представили «свитки» своих показаний, которые были прочтены перед собором. Св. Филипп кротко сказал клеветнику: «Благодать Божия да будет на устах твоих, чадо, ибо лъстивыя уста против меня отверзлись. Не слышал ли Божие слово: аще кто речет брату своему „юрюде“, повинен есть геенне огненной? Вспомни и другое изречение Святого Писания: что сеет человек, то пожнет; это слово не мое, а Господне». Последние слова его царю были: «Престань, о государь, от столь нечестивых деяний; вспомяни прежде бывших царей: как творившие добро ублажаемы по смерти, а зло содержавшие царство свое, ныне не с благоговением поминаются. Потщися и ты подражать благим нравам, ибо светлостию сана не умоляется смерть, во все вонзающая несокрушимые свои зубы. Итак, прежде ея немилостивого пришествия, принеси плоды добродетели и собери себе сокровища на небесах, ибо все собранное в мире сем остается на земле, и каждый воздаст слово о житии своем». Так передает его речь житие.

По словам Таубе и Крузе, закончив свое слово, Филипп хотел сложить с себя одежды святительские и удалиться. Но царь заставил его снова надеть их и не слагать сана до приговора суда. Завтра, в Михайлов день, он должен, как законный еще митрополит, служить литургию в соборе. Филипп подчинился. Повидимому, приговор против митрополита был вынесен заочно. Те же авторы пишут, что царь настаивал на смертной казни (сожжении) митрополита, но что духовенство вымолило его

жизнь. Казнь через сожжение опять указывает на обвинение в чародействе. Святитель был осужден на извержение из сана и заточение в монастыре. Ни приговор собора, ни мотивы его не сохранились. Царь — может быть, против воли уступивший жизнь Филиппу — сумел создать для исполнения приговора жестокую и драматическую обстановку.

8 ноября, в праздник Архистратига, св. Филипп стоял перед алтарем, готовясь совершить свою последнюю литургию. В это время в храм вошел Алексей Басманов с толпой опричников. В руках у него был свиток. Он громко прочел соборное определение, лишаящее Филиппа епископского сана. Опричники бросились на святителя и принялись срывать с него ризы. Житие приводит его прощальные пророческие слова потрясенному народу: «О чада, скорбно сие разлучение, но я радуюсь, что сие приобрел ради церкви; настало время ее вдовства, ибо пастыри, как наемники, презираемы будут. Не удержат они здесь своей кафедры и не будут погребены в своей соборной церкви Матери Божией». Между тем опричники одели святителя в грубое монашеское платье, «многoshвенное и раздранное», и, посадив на дровни, повезли из Кремля с бесчестьем, ругаясь и ударяя метлами. Народ в слезах провожал своего пастыря. Святый благословлял на обе стороны. Его привезли в Богоявленский монастырь, «за ветошным торгом», предназначенный быть его первой темницей. Утешая верную паству, он преподавал ей последнее назидание: «Все сие восприял я ради вашего блага, чтобы умиротворилось смятение ваше. Если бы не любовь к вам, ни одного бы дня не хотел я здесь оставаться, но удержало меня слово Божие: пастырь добрый полагает душу свою за овцы своя. Не смущайтесь: вся сия смута от лукавого, но Господь, сие попустивший, нам помощник. Христос с нами, кого убоимся? — Готов я пострадать за вас, и любовь ваша соплетет мне венец в будущем веке; с болезнями сопряжена победа, но молю вас, не теряйте упования: с любовию наказует нас Господь для нашего искупления. Не от чужих раны, но от своих; с радостью переносите от них скорби, ибо Господь велел добро творити ненавидящим нас и за них молитесь. Бог же мира да устроит все на пользу по Своей благости».

Из Богоявленского монастыря святителя вызывали еще раз на собор для торжественного объявления приговора. Через два

дня после низвержения Филиппа, 11 ноября, на митрополичий престол был возведен архимандрит Троице-Сергиева монастыря Кирилл. Честолюбивые надежды Пимена, если он действительно питал их, были обмануты. Спустя еще несколько дней св. Филиппа перевели в Никольский монастырь, где он сидел, как узник, в оковах. Кн. Курбский, рисуя мрачную обстановку его заточения, рассказывает о попытках Грозного погубить святого в первые же дни после суда: «Повелевает его по рукам и ногам и по чреслам тягчащими веригами сковати и вверещи в узкую и мрачную темницу, и оную твердыми заклепы и замки заключить, и к темнице сторожей приставил. Потом аки день или два спустя, советников своих посылает в темницу видети, аще уже умер, и глаголают нецыи, аки бы обрели митрополита от тех тяжких оков избавлена, на псалмопениях воздевше руки стояща, а оковы все кроме (возле) него лежаща. Посланные же плачуще и припадающе к коленам его... и кровоядцу оному (царю) поведаша. Он же рече: „чары, чары сотворил мой изменник“... и медведя лютого, заморивши гладом, повелел к митрополиту в темницу пустити и затворити (сие во истину слышах от самовидца) и наутрие сам прииде и повелел отомкнути темницу — и обретоша его цела, на молитве стояща: зверя же, в кротость овчу преложившись, во едином угле лежаща». Житие Филиппа ничего не сообщает об этих покушениях и чудесах. Таубе-Крузе пишут, что царь велел давать на содержание узника по 4 алтына в день.

В противоречие с Курбским, житие приурочивает к этим дням московского заточения трагический эпизод с присылкой святому отрубленной головы одного из Колычовых. Царь велел сказать страдальцу: «Се твой любимый сродник, не помогли ему твои чары». Филипп взял голову, поклонился ей до земли и, поцеловав, сказал: «Блажени яже избрал и приял еси Господи, память их в род и род». Житие ошибается только, называя ее головой брата Филиппова, Михаила Ивановича. Окольничий М. И. Колычов был казнен только в 1571 г.

Гонимый царем, преданный пастырями, святой страдалец мог находить утешение в любви народной. От ворот Никольского монастыря, места его заточения, не отходила толпа: старались взглянуть на келью узника, передавали друг другу его последние слова. Царь решил убрать своего все еще опасного

врага подальше от Москвы. Местом ссылки был избран Отрочь монастырь в Твери. Переезд в Тверь постарались сделать для старца как можно более тягостным. По словам жития, «святой на пути многу пакость и унижение прият, на мсках (мулах) везения и нужного лишения». Много пришлось потерпеть страдальцу и от приставленного стеречь его «пристава неблагодарна», имя которого история сохранила нам: его звали Степан Кобылин.

Здесь, в Твери, для святого потянулись дни тесного келейного заключения, согреваемые молитвой. Монах, настоятель обители, пастырь и печальник всей русской земли — во всяком сане и поприще он явил себя верным рабом Христовым, и скоро должен был раздаться призывающий голос: «Вниди в радость Господа твоего». Еще год безмолвия был дарован ему для последнего очищения. Все земное и страстное стгорало в непрестанной молитве. Тайну его молитвенного предстояния Богу пытается осветить его житие словами Св. Писания: «Кто ны разлучит от любве Божия, скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день, вменихомся яко же овцы заколения. Буди имя Господне благословенно от ныне и до века».

Между тем над Русью продолжала бушевать гроза. Освобожденный от всякой моральной сдержки со стороны церкви, Иван решился на преступление, политически, может быть, давно для него соблазнительное: убийство двоюродного брата князя Владимира Андреевича Старицкого, с родом которого не раз в XVI столетии сплеталась судьба Колычевых. Князь погиб (был отравлен) с женой и со всем семейством, всего через два месяца после низложения Филиппа (6 января 1569). Новый митрополит безмолвствовал. В довершение бедствий опричнины и войны снова усилилась моровая язва. Народ разбежался из насиженных мест, разоренных опричниной. Села и города пустели. В это время гражданская война царя с народом приняла новые формы. Разгрому и резне предавались целые города. Мы слышим это о Торжке и Коломне. В декабре 1569 г. погрому подверглись все города между Москвой и Новгородом. Это было настоящее военное завоевание в жестокой военной обстановке XVI века, завоевание собственной земли, не помышлявшей ни о восстании, ни о сопротивлении. Повод был дан

доносом на новгородских властей, которые будто бы собирались передаться польскому королю. Но чем провинились Клин, Тверь, Вышний Волочек и другие города на пути царской рати? Выше мы дали описание некоторых сцен этого похода с точки зрения участвовавшего в нем опричника. Грabitельские цели выступают здесь на первый план. Для царя, быть может, дороже была месть неведомым врагам.

Убийства начались уже в Клину. Таубе и Крузе пишут, что в этом городе Иван встретил большую партию — 470 семейств — псковичей, которых гнали по его приказанию в Москву для заселения опустошенных мором местностей. Все они были перебиты заодно с клинчанами. Громящая орда приблизилась к Твери. Иван не вошел в город, а остановился в одном из ближайших монастырей. Войско грабило город по приказу царя, начав с духовенства. Жгли то, чего не могли взять, мучили и убивали людей. Иностранцы особенно отмечают трагическую судьбу литовских пленников, которые были заперты в башнях крепости. Все они были перебиты или утоплены в проруби. В этом кровавом чаду царь вспомнил о тверском узнике и послал к нему в келью Малюту Скуратова: опричник должен был просить у святого благословения на новгородский поход! Естественно предположить, что Малюта имел другой тайный приказ или хорошо угадал царскую мысль. Иначе он, вероятно, не осмелился бы совершить того, что совершил, или не мог остаться безнаказанным.

Рассказывают, что мученик уже три дня предчувствовал свою кончину и предсказал о ней окружающим: «Приблизилось время моего подвига». В самый день смерти он причастился Св. Таин.

23 декабря в его келью вошел царский посланец. Никто не был свидетелем того, что произошло между ними. Житие святого так описывает его кончину. Малюта обратился к нему со словами: «Владыко святой, подай благословение царю идти в великий Новгород». Филипп, прозревая его тайную мысль, ответил: «Делай, как хочешь, друг, за чем пришел», — и простер руки к Богу со словами последней молитвы: «Владыко Господи, Вседержитель, прими с миром дух мой и пошли ангела мирна, от пресвятой славы Твоей, наставляющего меня к Богу, да не будет мне возбранен восход от начальника тьмы; не посрами

меня перед ангелами Твоими и сопричти к лику избранных Твоих, яко благословен еси во веки». Тут бросился к нему «каменносердный» мучитель и задушил подушкой («подглавием»). Выйдя из кельи, он сказал настоятелю и приставникам, что их небрежением умер митрополит — от чрезвычайного угара в келье. На глазах Малюты вырыли могилу за алтарем церкви, где и похоронили мученика.

Житие св. Филиппа заканчивается Божиим отмщением его гонителям. Ранее других кара постигла архиепископа Пимена. О новгородской резне и погроме мы уже имели случай говорить. Пимену царь пощадил жизнь. Надругавшись над ним в его палатах, он сослал его в Веневский монастырь. Эта ссылка, всего лишь несколькими днями отделенная от мученической смерти святого, не стояла в видимой связи с нею. Но житие свидетельствует о позднем раскаянии царя. Иван убедился, «яко лукавством належаша на святого», и подверг клеветников опале. Соловецкий игумен Паисий был заточен на Валаамский остров, десять других соловецких монахов разосланы в разные монастыри, епископ Рязанский Филофей — извержен из сана. Жестоким пристав Филиппов Степан Кобылин пострижен в монахи и сослан в Спасо-Каменный монастырь (на Кубенском озере).

Из опричников старик Басманов, совлекший ризы с Филиппа в Успенском соборе, погиб еще раньше митрополита. Обвиненный в заговоре в пользу князя Владимира Андреевича, он, если верить Курбскому, был, по приказу царя, убит собственным сыном (1569 г.). Другие видные опричники сложили свои головы на плахе в 70-е годы, когда, после татарского сожжения Москвы, произошел перелом во внутренней политике Грозного (с 1572 года). Непосредственному убийце святого суждено было спастись от плахи. Он погиб в Ливонии при осаде одной из крепостей в 1572 г.

Быть может, самая жестокая кара выпала на долю царя. Он видел крушение всех великих дел столь славно начавшегося царствования. Разбитый Стефаном Баторием, он должен был отказаться от Ливонии — самой дорогой своей политической мечты. Россия, разоренная и измученная опричниной, была бессильна продолжать войну. Внутри страны Грозный видел всеобщее обезлюдение и оскудение. Наконец, убийством кн. Владимира Андреевича и старшего сына Ивана он сам подготовил гибель

династии. Терзаемый то бесплодным раскаянием, то припадками звериной жестокости и сладострастия, преждевременно одряхлевший, казалось, он вкусил ад при жизни.

Но был еще один виновный, и наказание его было тяжко. Весь русский народ был не только жертвой царя Ивана, но и соучастником его преступлений. Один из древних историков смуты видел общую народную вину в «безумном молчании» перед царем. Но молчанием не ограничивалось потворство злу. Всеобщая деморализация была последствием опричного режима. На ложных доносах люди строили свое благополучие, обогащаясь имуществом казненных и опальных. Выгоды опричной службы были соблазнительны не только для проходимцев, но и для представителей старого дворянства, даже княжат (Вяземский). И монастыри старались приписываться к опричнине ради материальных благ. Мы видели интриганов-епископов и монахов в деле св. Филиппа. То были преступления отдельных лиц. Но уже вся русская церковь и вся русская земля несла ответственность за собор епископов, осудивший святителя. Вся земля и понесла кару — в годину смуты.

В исторических событиях чрезвычайно редко причинная связь получает нравственное значение. Было бы близоруко смотреть на историю как на судебный и притом непогрешимый процесс. Но иногда моральная оценка событий совпадает — или приближается — к прагматической. Тогда погружение в историю дает нравственное очищение, подобное действию трагедии.

Связь между опричниной и смутой несомненна. Смута была народной революцией, ответившей на революцию Грозного. И хозяйственная, и моральная расшатанность народа при смерти Грозного были таковы, что проникательные иностранцы (Флетчер) прямо предсказывали грядущие потрясения. Такова внешняя прагматика событий.

Для религиозного сознания ясно было и другое. В теократической монархии, какой была или стремилась быть древняя Русь, грех царя падал на весь народ и требовал всенародного искупления.

Но теократический характер московского царства ставит перед нами один важный вопрос. Православный царь, убивающий святителя, стоит ли с ним на одной общей почве? Другими

словами: было ли убиение митрополита личным грехом Грозного или вытекало из его идеи власти, несовместимой с идеей Филиппа? Мы должны выяснить, какой принципиальный, религиозно-общественный конфликт стоял за столкновением исторических лиц. Если бы св. Филипп пал жертвою безумца, ослепленного страстью, подвиг мученика, конечно, не утратил бы своего высокого нравственного значения. Но он становится вдвойне драгоценным для нас, если в нем мы услышим предостерегающий голос Церкви, направленный против извращения теократической идеи православного царства.

4. Православное царство

Конфликт между церковью и государством в лице царя и митрополита, мы видели, назревал в Москве задолго до Грозного. Вместе с ростом самодержавия великих князей умахлялась святительская власть митрополитов всея Руси. Царь Иван Васильевич сумел лишь сообщить трагическую остроту не им впервые созданному противоречию. Царь пролил кровь святителя и этим поколебал самые основы теократического царства.

Царь Иван был не только «мужем кровей», но и ученым книжником, блестящим писателем, умевшим постоять за себя и пером. Потребность в самооправдании была в нем, может быть, сильнее и порывов к раскаянию. Рано, с детских лет, он начал задумываться над божественным характером своей власти. Первый из князей московских, еще в отроческие годы, возложил он на себя царский венец и принял сознательно наследство порфирородных. Когда впоследствии письмо Курбского уязвило его, он взялся за перо и в страстной полемической отповеди дал целую теорию своей богоустановленной власти. Конечно, Грозный не первый в Москве рассуждал о природе самодержавия. Но никто в такой полноте и в такой заостренности не выразил его идеи. Политическая философия Грозного не свободна от противоречий. Голос страсти слишком часто заглушает голос разума. Но ударные, смелые парадоксы его драгоценны: они вскрывают тенденции целой эпохи.

Не будем останавливаться на том, что роднит Грозного со всеми людьми его времени: на идее божественного происхождения царской власти. «Народился есми Божиим изволением

на царство». Это божественное происхождение совпадает с историческим преемственным правом. В разрез с историей, Грозный видит начало «самодержавства» на Руси при Владимире Святом, а отдаленные корни его не только в империи Константина, но и Августа. Свою власть Грозный отказывается отличать от власти Божией. Известный апостольский текст о подчинении властям у него получает такую интерпретацию: «противляйся власти Богу противится; и аще кто Богу противится, сии отступник именуется, еже убо горчайшее согрешение». Вот почему Курбский, изменив ему, «не на человеки возъярлся, но на Бога восстал».

Власть эта, по самой природе своей, не терпит ограничений. «Камо и самодержец наречется, аще не сам строит?» В иных царствах, «у безбожных человеков», иное дело: там подданные, рабы повелевают государем; «а российское самодержавство изначала сами владеют всеми царствами, а не бояре и вельможи». В полемике с Курбским Грозный естественно заострил антибоярское, анти-аристократическое острие самодержавия. По его исторической теории, гибель греческого царства произошла от засилия вельмож — «епархов и синклитов». Для нас интереснее другое: самодержавная идея Грозного вторым острием направлена против священства: точнее, против вмешательства священства в дела царства. Этот своеобразный антиклерикализм царя питается горькими воспоминаниями юности. Он не может забыть, как Сильвестр с боярской радой пытался умалить его власть: «с попом положисте совет, дабы аз словом был государь, а вы бы с попом владели». Об этих временах он говорит с раздражением. Или в том «светлость благочестивая», чтобы «обладатися царству от попа невежи»? Смехотворно — «смеху быти» — «попу повиноватися». И опять у Грозного готова историческая теория: всякое царство разоряется, «еже от попов владомое». Это они, эти попы, «во гречех царствие погубили и туркам повинуются». Теперь уже гибель Византии ставится в вину не епархам, а попам, ограничившим власть императора. Так классическая православная теократия Востока, образец теократии русской, не находит оправдания в глазах царя. Он и в Библии, закрывая глаза на основную идею ветхозаветной теократии, ищет подтверждения своей антиклерикальной идеи. Когда Бог выводил Израиля из Египта, Он

не священника поставил владеть людьми «или многих рядников», «но единого Моисея, яко царя». Священство при Моисее было представлено Аароном. Моисею было запрещено священствовать, Аарону же «творити людское строение». Когда же Аарон пытался взять в свои руки это мирское строение, «тогда и от Бога люди отведе». То же было и во дни Илия, первосвященника, который «взя на ся священство и царство». Он сам и сыновья его погибли злою смертью, и весь Израиль побежден был до дней Давида царя. «Видишь ли, яко священство... не прилично царским владети?»

Читая у Грозного о разделении священства и людского строения между Моисеем и Аароном, можно подумать, что он был сторонником дуалистического разделения властей: священству духовное, царству мирское. Тем самым подрывались бы самые основы теократии. Но эта мысль как нельзя более чужда Грозному. Он сознает себя от Бога поставленным стражем веры и благочестия. «Тщуся со усердием люди на истину и на свет наставить, да познают единого истинного Бога, в Троице славимого, и от Бога данного им государя». Как власть царя догматизируется, поднимаясь до высоты таинственной жизни Божества, так сам царь является здесь апостолом догматов. В этом учительном самосознании Грозный защищал православие в прениях о вере с инославными, с Поссевином и Рокитой, слал гневные послания об упадке строгой жизни в Кириллов монастырь и писал арх. Гурию Казанскому о «данной тебе от Бога и от нас пастве». Пародия монашеской жизни в опричнине могла находиться в связи и с этим церковным сознанием царя. Он притязал на всю полноту власти в государстве и церкви, кроме чисто sacramentalной, отказывая в то же время церкви в праве участия в делах государственных. В этом первая особенность его идеи православного царства.

Отрицая за церковью власть в царстве, признает ли он за нею право морального и религиозного суда над царем? Царь, как сын церкви, должен ли слушать ее голос? Грозный молчит об этом, но все заставляет думать, что он не хотел иметь посредников между собой и Богом. «Божий суд восхищаешь, и прежь Божия суда своим злолукавым самохотным изложением... осуждаешь», пишет он Курбскому, но за ним метит и в Сильвестра: «яко же с своими начальники попом и Алексеем

(Адашевым) изложили есте»... Грозный умышленно обходит вопрос об учительной власти церкви над собой, ограничиваясь гордым заявлением: «Кто убо постави судию и властителя над нами?» С этим вопросом или утверждением прекрасно согласуется его требование, обращенное св. Филиппу в Успенском соборе: «Молчи, а нас благослови по нашему изволению»... «Доселе русские владетели неистязуемы были ни от кого же». Единственное ограничение всевластия царя — в православии, понимаемом в узком смысле правоверия. Только отпадение царя от веры освобождает подданных от повиновения: «Вся божественная писания исповедуют, яко не повелевают чадом отцем противитися и рабом господем, *кроме веры*».

Грозный не закрывает глаза на возможность падений и грехов для царя. Но они его не пугают. Он дерзновенно указывает Курбскому на примере святых: «много бо в них обрящешь падших и восстающих». Это сравнение настолько пришлось ему по вкусу, что он развивает его и в других подробностях: «И яко они тогда от бесов пострадаша, таковая и аз от вас пострадах». Словом, Грозный, равняясь со святыми в своем теократическом сознании, не признает над собой никакого суда на земле. В этом вторая личная черта его теократических воззрений.

Третья — в самом содержании, в самых приемах и задачах царского служения. Грозному не чуждо нравственное понимание своего служения: «Людей на истину наставить... от междоусобных браней и строптивного жития да престанут, которыми царство растлевается». — «Царем подобает обозрительным (рассудительным) быти: овогда кротчайшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение». Но характерно, что слово «правда» не приходит ему на ум в определении царского служения. Он имеет в виду не столько нравственную, сколько воспитательно-полицейскую цель: покровительства добрым и обуздания злых. И отрицательная задача — воспитание страхом — всецело заслоняет положительную. Грозный — пессимист в оценке человеческой природы. Признание естественной свободы («самовольства») человека, в чем он уличает Курбского, для него равносильно возвращению к обрезанию. Все подданные для него, без исключения, рабы. Слово «раб» не сходит у него с языка, говорит ли он о боярах, о «раде» или о попе Сильвестре. Патриархальное отношение ца-

ря к народу, как к детям, «сиротам государевым», уступает место суровому праву рабовладельца над холопами.

Грозный искусно и остроумно доказывает необходимость карающей, принудительной власти государства, ее отличие от власти духовной, необходимость для правителя считаться с суровыми требованиями жизни — с тем, что он называет: «по настоящему времени жити». Но эта практическая государственная мудрость чрезвычайно односторонняя. «Царское правление (требует) страха и запрещения, и обуздания, и конечного запрещения, по безумию злых человек лукавых». Такие уроки он вычитывает и в Св. Писании, и в истории. «Апостол повелевает страхом спасти. Тако же и во благочестивых царей временах много обрящется злейшее мучение». И образцы этого «злейшего мучения» он выискивает с бесовской зоркостью в преступлениях святых государей. «Вспомни же и в царях великого Константина: како, царства ради, сына своего, рожденного от себя, убил есть? Князь Феодор Ростиславич, прародитель наш, в Смоленске на пасху колико крови пролиал есть? И во святых причитаются». Даже царь Давид импонирует ему тем, что «на немощной чади силу свою и гнев показа».

До известных пределов эта грозность царской власти оправдывается если не служением добру, то одолением зла. Но часто преступается и эта тонкая черта (как в примере Константина), и сила становится на место правды, власть приобретает самодовлеющий, языческий характер. «Добрые» превращаются в царских «доброхотов». «Доброхотных своих жалуюм великим всяким жалованием, а иже обрящутся в супротивных, то по своей вине и казнь приемлют». Безнаказанно не проходит и слово «раб», беспрестанно срывающееся с языка. Оно звучит уже не библейски-патриархально, а вотчинно-самовластно, заменяясь привычным бытовым образом «холопа». Тут же нравственное отношение оканчивается, уступая место жестокому юридическому факту. «А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнити вольны же есмя». Нельзя и спрашивать о мотивах господского каприза. Христианская теократическая идея срывается и тонет (как и государственная реформа Грозного) в мелком самодурном обиходе удельного, «опричного» двора.

И, наконец, последнее, с этим связанное: нечувствительная секуляризация в самом обосновании идеи. Идеалом власти

Грозного является язычник — Август, при котором Империя еще не знала разделения. Он заслоняет в его глазах и православных византийских царей, от него, чрез легендарного Пруса, выводит он и свой род Рюриковичей. На современном ему «безбожном» Западе и магометанском Востоке Грозный ищет уроков тирании и без труда находит их в век Ренессанса и зачинающегося абсолютизма: «А в иных землях сам узришь, елико содевается злым злая: там не по здешнему!.. В иных землях изрядец (изменников) не любят: казнят их, да тем утверждаются».

Напрасно исследователь политических идей Грозного (М. А. Дьяконов) находил, что его мнения «слагались по готовым образцам, и ему не пришлось прибавить ничего нового к готовым теориям». Верно то, что эти идеи коренятся в традиционной русско-византийской православной почве. Но Грозный доводит их до абсурда, чеканя их в неправославную и нехристианскую форму. Этому извращению русской теократической идеи противостоял идеал власти св. Филиппа, который воплощал лучшие традиции русской церкви.

Мы сожалеем, что св. Филипп не оставил нам, подобно своему гонителю, начертания того идеала Христовой правды в православном государстве, которому он отдал свою жизнь. Слова жития, влагаемые в его уста несколько десятков лет после его мученической кончины, не могут притязать на подлинность. Однако они показывают, как церковный мир в следующем поколении представлял себе этот идеал царства, под непосредственным впечатлением подвига святителя.

Приведем здесь опущенное нами слово Филиппа, которое он говорит в соборе, только что получив из рук царя митрополичий посох св. Петра: «О благочестивый царь, Богом сотворенное вместилище благой веры, поскольку большей сподобился ты благодати, постольку и должен Ему воздать. Бог просит от нас благотворений, не одной лишь благой беседы, но и приношения благих дел. Поставленный над людьми, высоты ради земного твоего царствия, будь *кроток* к требующим твоей помощи, памятуя высшую над тобой державу горней власти. Отверзай уши твои к нищете страждущей, да и сам обрящешь слух Божий к твоим прошениям, ибо каковы мы бываем к нашим клеветам, таковым обрящем к себе и своего Владыку. Как всегда бодрствует кормчий, так и царский многоочитый ум дол-

жен твердо содержать *правила доброго закона*, иссушая потоки беззакония, да не погрязнет в волнах неправды корабль всемирной жизни. Принимай хотящих *советовать тебе* благое, а не домогающихся только ласкательств, ибо одни радеют воистину о пользе, другие же заботятся только о угождении власти. Паче всякой славы царствия земного, украшает царя венец благочестия; славно показывать силу свою супостатам, покорным же человеколюбие и, побеждая врагов силой оружия, невооруженною любовью быть побежденным от своих. Не возбраняют согрешающим есть только грех, ибо если кто и живет законно, но прилепляется к беззаконным, тот бывает осужден от Бога, как соучастник в злых делах; почитай творящих добро и запрещай делающим зло; твердо и непоколебимо стой за православную веру, отрясая гнилые еретические учения, чтобы содержать то, чему научили нас апостолы, и что предали нам божественные отцы. Так подобает тебе мудрствовать и к той же истине руководить подчиненных тебе людей, не почитая ничего выше и богоугоднее сей царственной заботы».

Легко видеть, что святитель не ограничивает здесь теократической власти царя. Как и Грозный, он видит в царе вместилище веры, сосуд особой благодати, признает за ним вероучительную власть. Но по-иному ставятся здесь все ударения. Чем выше благодать, тем выше и ответственность. Царь не выше правды, но сам подчинен «правилу доброго закона» — конечно, нравственного и религиозного. Он облечен силой на врагов (Грозный любит говорить не о силе, а о «страхе» и «ярости»), но первое слово к нему о кротости и сострадании. Наставление о добрых советниках, конечно, имеет в виду частный вопрос об опричнине и разрыве с боярством, но оно связано с идеалом правды. И здесь за Филиппом, как мы увидим, стоит церковный голос прошлого.

В своих обличительных беседах с царем Филипп не раз имел случай подчеркнуть эти разделяющие их черты. «Соблюдай данный тебе от Бога закон... Ты поставлен от Бога судить в правде людей Божиих, а не образ мучителя воспринять на себя... Не разделяй свою державу... и устрой воедино народ свой, ибо там лишь пребывает Бог, где единоклющие и нелицемерная любовь... Прощай, да и тебе прощено будет... Всякий не творящий правды, и не любящий брата своего, несть от Бога». Правда, о ко-

торой учит святитель, не только право и справедливость, но и любовь. Заповедь прощения, очевидно, может относиться только к виновным — по терминологии Грозного, к злым. Даже злым, вместо ярости, царь должен показать лик любви. Между царем и святителем мы видим противоречие в понимании самых задач государственной власти.

Не менее решительно отрицает святитель и мнимую неподсудность царя наказующему голосу церкви. В этом весь смысл его исповедничества. Об этом он говорит с потрясающей силой. «Наше молчание налагает грех на твою душу и всенародную наносит смерть». На требование царя быть единомышленным с ним, отказавшись от обличения, святой восклицает: «Тогда, о государь, тщетна будет для нас вера наша, — и самое воочеловечение Господа... Я имею попечение о твоём спасении... Если умолчу о истине, да не почтуса в чине епископа».

В словах св. Филиппа, переданных нам его житием, нет особого учения и праве священства на светскую власть. Но если говорить не о власти, а о влиянии или о власти слова, меча духовного, то самый подвиг Филиппа свидетельствует о нераздельности для него царства правды: в государстве, как и в церкви, осуществляется та же правда Христова, и на страже ее поставлен он, епископ, который не смеет «молчать об истине».

Так во всех трех основных пунктах оригинальные идеи Грозного осуждены св. Филиппом, как грех, как неправда, как теократическая ересь. Нам остается показать, что точка зрения Филиппа была не столь «оригинальна», как мысль царя: что она представляла добрую традицию русской церкви.

Здесь мы встречаемся со следующей трудностью. Исследователи церковно-политических идей в древней Руси различают несколько оттенков в понимании православной теократии у русских духовных писателей и святых. При желании, эти оттенки можно свести к нескольким точкам зрения: преобладания церкви, преобладания государства, гармонии властей. Особенно богата развитием политических идей эпоха Ивана III и Василия III, пора ликвидации удельного строя и укрепления самодержавия. В какой же школе, у каких авторов искать канонического ответа?

Эта трудность отчасти рассеивается, когда мы подходим к эпохе Грозного. Она создала ряд светских публицистов, далеко

удаляющихся от традиции. Но не у них, не у Курбского, не у Ивана Пересветова будем мы искать голоса русской церкви. Голос этот звучит не особенно громко, но явственно в устах митрополита Макария, наложившего отпечаток своей личности на целую эпоху, в соборных постановлениях (в «Стоглаве»), в литургическом чине. И здесь этот голос звучит однозначно. Получается впечатление, что борьба взглядов, волновавшая предшествующее поколение, улеглась. Победа досталась Иосифу Волоцкому и его ученикам, поборникам московского самодержавия. Сам Макарий может считаться учеником Иосифа. Но острые формулировки начала века смягчились. Теперь уже можно говорить о церковном каноне, облекшемся даже в литургическую форму. Исходя из него, мы можем возвращаться и к более радикальным основоположникам доктрины: к св. Иосифу и митрополиту Даниилу. В стороне останутся памятники одиночных воззрений: бояро-фильская «Беседа Валаамских чудотворцев» или католическое «Слово кратко», иначе именуемое «О свободе церкви».

Митрополит Макарий с большой вероятностью считается составителем чина царского венчания 1547 г. и вдохновителем Стоглавого собора. В этих памятниках, как и в посланиях самого митрополита, живет одна идея — «симфонии», т. е. согласия властей, царской и священнической, хотя она обычно усваивается во многом отличному от русских книжников Максиму Греку. Нигде ни в чем не ограничивается власть царя в делах церкви, для которой он является «опасным хранителем», «исправителем и утвердителем» веры христианской. Обратной стороной церковной власти царя является участие церкви в делах государства. Тот же Грозный, который отрицал это право церкви в письмах к Курбскому, сам предлагает на рассмотрение и утверждение собора уставные грамоты земского самоуправления, «чтобы всякое дело и всякие обычаи строилися по Бозе в нашем царствии... И мы вашего святительского совета и дела требуем и советовати с вами желаем о Бозе». У русских пастырей нет вкуса к делам мирским. Они не считают участие в государственном деле своим правом, но иногда — своим долгом, как это выражено в одном политическом письме митрополита Макария в Литву. Начав с того, что «мы люди церковные, и нам до того дела нет» (т. е. до посольских дел государевых), владыка

продолжает: «А мы, как пастыри христианские, боговенчанному самодержцу напоминаем, чтоб он с пограничными своими соседями имел мир и тишину».

Это участие церкви в делах мирских естественно потому, что и мир подвластен Христовой правде. В поучении царя в обряде венчания митрополит внушает ему «управити люди в правду», любить «правду и милость и суд правый», и «бояться серпа небесного». С этой идеей правды связана неразрывно идея милости и даже совета: «бояр же своих и вельмож жалуй и бреги по их отечеству, и ко всем же князьям и княжатам, и детям боярским и к всему христоролюбивому воинству буди приступен и милостив и приветен по царьскому своему сану и чину». В полном согласии с этим идеал царя у Максима Грека: «Царь есть образ живой и видимый Царя небесного, но Царь небесный весь естеством благ, весь правда, весь милость, щедр ко всем». Тому же Максиму принадлежит и удачная формула «правды и благозакония», по которым царь должен устроить свое царство. В отличие от Грозного, придавая самодержавию внутренний смысл, он готов считать «истинна и самодержца» только того царя, «который во еже правдою и благозаконием устроить житейская подручников (подданных) прилежит». Конечно, правда царева требует кар для виновных, и Стоглав упоминает о «царской грозе», но эта гроза в концепции идеального царства решительно стоит на втором плане.

Указывать царю на правый путь его служения, обличать его, как и всех мирян, долг пастырей, прежде всего епископов, которые дают обет соблюдать его, не боясь смерти. Митрополит Макарий сознавал это столь же ясно, как и св. Филипп: «Егда рукополагахся... тогда... пред всем народом кляхся судьбы и законы и оправдание наше хранить, елика наша сила, и пред цари за правду не стыдиться; аще и нужна будет ми от самого царя, или от вельмож его, что повелят ми говорити, кроме божественных правил, не послушати ми их, но аще и смертью претят, то никакож ни послушати их». Так пишет Макарий в своем ответе на предложение Грозного об ограничении церковного землевладения, выступая против казавшегося ему несправедливым царского желания. И царь в своей речи пред собором напоминает владыкам эту их архиерейскую клятву, умоляя и сам их противодействовать всякому нарушению «божественных правил»: «Вы о сем не умолкните, аще преслушник буду, воспрети-

те ми без всякого страха, да будет жива душа моя и вси под властью нашею». Внушая царю о его долге, пастыри не только облегчали свою совесть; они рассчитывали, что слова их не окажутся тщетными. В чине венчания митрополит требует от царя, чтобы он оказывал «к нашему смирению, ко всем своим богомольцам о святом Дусе царское свое духовное повиновение». Вопрос о пределах этого повиновения царя не ставился, но вряд ли оно ограничивалось кругом чисто духовных дел.

Священник Сильвестр в поучении Шуйскому, говоря не столько об отношении митрополита к царю, сколько вообще священнического чина к мирскому, так излагает обязанность пастырства: «печаловати, молити и всячески увещевати земных властей о победных и повинных и о обидимых, аще не послушают, ино обличити и запретити».

Принято считать св. Иосифа Волоцкого самым последовательным поборником московского самодержавия. Действительно, Иосифу принадлежит наиболее высокая концепция священной власти царя. Можно условно говорить о подчинении Церкви государству в учении Иосифа. Известно всем его определение: «Царь убо естеством подобен есть всем человекам, властью же подобен вышнему Богу». Но этой высоте власти соответствует и тяжесть ответственности. «Крепких же и сильных крепко истязание ждет». И церковь не может оставить царя под тяжестью грехов перед лицом Бога, «занже за царское согрешение Бог всю землю казнит». Вот почему и повиновение царям имеет границы и служение им отлично от служения Богу: «Подобает тем поклонитися и служити телесне, а не душевне, и воздавати им царскую честь, а не божественную». Как же поступать, если в лице царя восстает грешник и мучитель и потребует повиновения себе? Иосиф смело ставит этот вопрос в 7 слове «Просветителя» и отвечает на него: «Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собою же имать царствующа скверны страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех неверие и хулу, *таковой царь не Божий слуга, но дьявала*, и не царь, но мучитель. И ты убо такового царя, или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучить, аще смертью претит. Сему свидетельствуют пророци и апостоли и вси мученици, иже от нечестивых царей убиени быша и повелению их не по-

коришася». Так Иосиф, создавший учение о богоподобной власти царя, создает и учение о царе-тиране и о законном тираноборстве, давая некоторый повод сопоставлять его с учением западных монархомахов XVI века.

Замечательны указываемые св. Иосифом признаки тирана и законные поводы неповиновения. Для Грозного, мы видели, этот повод только один, выраженный им в словах: «кроме веры». Для Иосифа — весь необъятный круг нравственных преступлений: «нечестие и лукавство». Верный своему учителю, и митр. Даниил, при всем своем практическом оппортунизме, также кладет моральные границы произволу царя: «Князи и владыки над телом имут власть точию, а не над душею... Тем же аще или на убийство или на некая безместная и душевредная дела повелевают нам, не подобает повиноваться им, аще и тело до смерти мучат, Бог бо душу свободну и самовластну сотвори, о ихже аще делает добро и зло».

Если так писал Даниил, то можно смело сказать, так должны были думать все иерархи русской церкви. По человеческой слабости они редко имели мужество следовать этим опасным путем — «до смерти». Св. Филипп сделал то, чему учили св. Иосиф и Макарий. Именно он выразил в жертве своей жизни идею православной теократии. Он не был ни новатором, ниспровергающим традицию самодержавия, ни отсталым поклонником удельно-боярской старины, хотя личные нравственные связи с ней, быть может, воспитали его чуткость и независимость. Он погиб не за умирающий быт, но за живую идею — Христовой правды, которой держалось все русское теократическое царство. Оно жестоко попирало на практике эту идею, но не могло отказаться от нее, не отрекаясь от себя. Столетие, в котором жил св. Филипп, непрестанно расшатывало эту идею, все более удаляясь от идеала заданной «симфонии» мира и Церкви. Смерть мученика могла бы быть искупительной жертвой, спасающей родину, если бы родина приняла ее, участвовала в ней. Этого не случилось. И кровь св. Филиппа переполнила до краев уже полную чашу грехов русской земли. Ее падение сделалось духовно и морально неотвратимо. Каковы бы ни были социальные причины катастрофы, но не может жить общество, повседневно убивающее идею своей жизни. Православное царство без правды есть труп, от которого отлетела душа. «Где труп, там соберутся орлы».

Глава IV

Прославление св. Филиппа

Если убиение митрополита Филиппа было грехом царя и всей русской земли, то прославление его должно быть связано с актом всенародного покаяния. Первыми принесли это покаяние, задолго до всероссийской смуты, монахи Соловецкого монастыря, предавшие своего отца, и сын царя, его убившего.

В 1590 г., через 21 год по кончине святого, соловецкий игумен Иаков явился к царю Федору Ивановичу с просьбой от лица всей братии: «Даруй нам, — сказал он, — пустынного нашего гражданина Филиппа, наветами ученика изгнанного из своего престола и в чуждом ему месте погребенного. От юности своей понес он труды вместе с отцами киновии, и ныне на нас висит клятва за то, что причинили ему ученики. Твое царское разрешение дарует нам опять благословение, которого мы лишились». Царь дал игумену грамоту к тверскому епископу Захарии. Когда раскопали могилу мученика во дворе Отроча монастыря, обрели его мощи нетленными. Тверитяне стекались поклониться угоднику, оставлявшему их город. Игумен Иаков с благоговением перевез речными путями доверенную ему святыню в северный монастырь.

Торжественно встретила братия своего великого святителя, и погребли его под папертью церкви св. Зосимы и Савватия, в месте, избранном для себя при жизни св. Филиппом. Вскоре начали совершаться исцеления и чудеса.

Первое чудо совершено было св. Филиппом над плотником Василием, «пришельцем страны восточной», приготавливавшим бревна для обновления храма. В лесу придавило его упавшим деревом, и три года лежал он калекой, прося об исцелении св. Филиппа. Однажды, в день Рождества, когда близкие ушли в церковь, оставив его одного, он увидел во сне, что стоит в церкви за всенощной и перед ним св. Филипп в епископском облачении с кадилом в руках, весь осиянный светом. Угодник приблизился к больному и сказал: «Возстань, Василий», и, под

няв его за руку, прибавил: «Будь здрав именем Господним и ходи». Проснувшись, Василий увидел себя здоровым, и сам пришел в церковь благодарить святого.

Вскоре затем расслабленный инок Исаия, начальствовавший на поварне, был исцелен у гроба Филиппа. Третьим был кузнец Иван с берега, с реки Варзуги. Долго болея, он увидел однажды во сне святолепного мужа в святительской одежде, который спросил его: «Чем болезнуешь?» Когда больной показал на живот, явившийся перекрестил его и сказал: «Не знаешь ли меня? Я митрополит, что в Соловках». Выздоровевший кузнец пришел в Соловки и рассказал о случившемся с ним. Так распространилась слава о чудотворениях св. Филиппа, и жители Приморья стекались на остров для поклонения ему. В эти же годы неизвестным нам иноком соловецким было составлено и житие святого. Автор не был, по-видимому, очевидцем соловецкой жизни Филиппа. О себе он говорит: «Тем же и аз от инех достоверно поведающих о нем слышах». Зато о московской деятельности митрополита он пишет: «Не от инога слышах, но сам видех». Когда-то, вероятно, уже в начале XVII в. было составлено в Соловках и другое житие св. Филиппа, более подробно изображающее хозяйственные труды Соловецкого игумена и муки его заточения со слов бывшего пристава Кобылина, позже старца Симеона, «заточену ему бывшу на Соловках».

При патриархе Иоасафе I, который сам был из пострижеников соловецких, служба св. Филиппу внесена в печатную Минею 1636 г., и день памяти его праздновался повсеместно 23 декабря. Но только 10 лет спустя были торжественно открыты и перенесены в Преображенский собор мощи святителя. Сохранилось донесение соловецкого игумена Илии патриарху Иоасафу о состоявшемся торжестве.

Через пять лет этот самый Илия был возведен в сан архимандрита, с тех пор оставшийся за настоятелем Соловецкого монастыря, а еще через год (в 1652) состоялось новое перенесение мощей св. Филиппа — в Москву. Это событие произошло в последний год жизни патр. Иосифа, человека слабого и не пользовавшегося большим влиянием на царя Алексея Михайловича. Естественно поэтому видеть инициатора необычайного торжества 1652 г. в Никоне, любимце царском, тогда ми-

трополите Новгородском. Постриженик Анзерского скита в Соловках, Никон, подобно патриарху Иоасафу, имел особое усердие к св. Филиппу, личное желание его прославления. Но то, как были задуманы московские торжества 1652 г., показывает, что у Никона была своя церковно-национальная идея — и именно та, что легла в основание и нашего очерка. Соборным постановлением было определено перенести для погребения в Успенском соборе останки трех московских иерархов: митрополита Филиппа, патриарха Иова, сосланного Лжедмитрием в Старицу и скончавшегося там, и патриарха Гермогена, замученного поляками в Чудовом монастыре. Все три святителя были подвижниками за народное, национальное дело, и пали жертвой тиранической власти. Возвращая святителей в дом Богородицы, в их престольный храм, Москва, и прежде всего царь, приносили покаяние за грехи предков, совершали акт примирения земли с ее почившими героями. В Старицу за гробом Иова был послан Ростовский митрополит Варлаам, с боярином Салтыковым и большой свитой. Сам Никон взял на себя почетнейшее поручение, — он должен был перенести не только останки митрополита, но и мощи прославленного чудотворца. Сопровождал его кн. Хованский со множеством дворян и служилых людей. Боярская свита подчеркивала земский, национальный характер торжества.

11 марта, после молебствия в Успенском соборе, царь отпустил оба посольства — в ближнюю Старицу и далекие Соловки. Уже 5 апреля в Москве встречали останки Иова. Патриарх плакал и говорил царю: «Вот де смотри, государь, каково хорошо за правду стоять: и по смерти слава». Через несколько дней престарелый Иосиф скончался.

Только 3 июня, с поздним освобождением от льдов Белого моря, Никон прибыл в Соловки. Дорогой он получал письма от царя с извещением о смерти патриарха, в преемники которого царь предназначал своего «собиннаго друга», с напутствием к благоговейному и опасливому странствию. В море корабли Никона были разметаны бурей: одно из судов погибло без вести, многие разбились о скалы. Наконец, уцелевшие «от великих морских страстей» достигли пристани. После молебна Никон положил на раку чудотворца два послания — от царя и патриарха. Через три дня, проведенных в посте и молитве, за литургии-

ей Никон громко прочел грамоту царя к св. Филиппу. Хотя и наваянное посланием императора Феодосия к почившему Иоанну Златоусту, с той же мольбой об отпущении греха отца, она замечательна как памятник живой веры и чистой души «тишайшего» царя.

«Христову подражателю, небесному жителю, вышеестественному и плотному ангелу, преизящному и премудрому духовному учителю нашему, пастырю же и молитвеннику, великому господину, отцу отцем, преосвященному Филиппу митрополиту Московскому и всея Руси, по благоволению Вседержателя Христа Бога, царь Алексей, чадо твое, за молитвы святых *ти здравствует*. Ничто же ми тако печаль души творит, пресвятый владыко, яко же быти тебе богохранимого царствующего нашего града Москвы во святей велицей и применитей соборней и апостольской церкви... Второе, молю тя и приидти тебе желаю семо, еже разрешити согрешение прадеда нашего царя и великого князя Иоанна, нанесенное на тя нерассудно завистию и неудержанием ярости, и еже на него твое негодование *аки общника и нас творит злобы его*, яко же пишется: терпчины бо родительные оскомины чадам различные творят...⁹ Аще и неповинен есмь досаждения твоего, но гроб прадедний присно убеждает мя и в жалость приводит... И сего ради *преклоняю сан свой царский* за оногo, иже на тя согрешившего, да оставиши ему согрешения его своим к нам пришествием... Сего ради тя молю о сем, освященная главо и честь моего царства, твоим преклоняю честным мощам и повиную к твоему молению всю мою власть, да пришед простиши, иже ты оскорби понапраснству; раскаялся бо о содеянном, и он тогда, и за того покаяния к тебе и нашего ради прощения, прииди к нам, святой владыка. Исправи бо ся тобой и евангельский глагол, за него же ты пострадала, за еже всяко царство раздельшеся на ся не станет, и несть пререкующего ти глаголати о сведениях Господних, и благодать Божия в твоей пастве, за молитв святых ти, в нашем царстве присно изобилует, и несть уже днесь в твоей пастве никоторого разделения. Аще бы убо было, не бы стояло доселе, разделения ради, но ныне вси единомышленно просим и молим тя, прииди с миром во свояси и свои тя с любовию примут. О священная главо, святой владыко Филипп, пастырю наш! Молим тя, не презри нашего грешного моления, прииди к нам с

миром. Царь Алексей желает видеть тебя и поклониться мощем твоим святым».

По словам Никона, вся церковь рыдала при чтении этой грамоты, и сам он едва мог читать от плача. Архимандрит просил оставить в монастыре частицу св. мощей. «И егда я, богомолец твой, — пишет Никон, — начат имати часть от святых мощей, тогда обоня воня благоухания от святых мощей святого Филиппа не мало, и мнози того благоухания сподобились слышати». Покрывши раку царскими покровами, со свечами и колокольным звоном, понесли ее к ладе. «Мнози же путем от плача и слез изнемогше... валяющиеся семо и овамо, яко обюроевшие, ови от радости, ови же от жалости»... Отъехавши от монастыря на пять верст, два дня стояли у Заяцкого острова, выжидая погоды. Еще через сутки, 11 июня, вошли благополучно в устье Онеги.

Никон подробными письмами с дороги извещает царя об этапах своего путешествия. 20 июня приплыли в Каргополь, оттуда сухим путем двинулись в Кириллов монастырь и по Шексне доехали 25 июня до села Рыбного (Рыбинска) по Волге. 30 июня прибыли в Ярославль. Отсюда опять начинается сухопутное путешествие по великой северной дороге — через Переяславль, Троице-Сергиеву лавру к Москве. Всюду на остановках вносили мощи в храмы и служили при большом стечении народа. Последняя стоянка была в селе Воздвиженском, в 6 верстах от лавры, где Никон выжидал царского приказа. Он не решился внести драгоценные мощи в деревянную церковь села «за многонародное собрание и неискусное свещь поставление», — и стоял с ними «под подвижным кровом — в шатре».

9 июля Москва встречала своего великого святителя. Из Успенского собора вышел крестный ход, предводимый митрополитом Ростовским Варлаамом. За ним шел царь в золотом кафтане, с индийским посохом из слоновой кости, в шапке, усыпанной камнями и жемчугом. Огромные толпы народа заполняли улицы Напрудной слободы, где у часовни царь встретил раку угодника. На этом месте был поставлен дубовый крест, давший название Крестовской заставе. Тут общая радость омрачилась печальным событием. Старец Варлаам не вынес усталости и жары июльского дня; опустившись в кресло, он скоропостижно скончался, у самой раки святого. Но госу-

дарь уже спешил принять на свои плечи святое бремя. Почившего митрополита понесли вслед за св. Филиппом. Дальнейшее шествие и чудеса, совершившиеся в тот день, сам Алексей Михайлович описал в восторженном и взволнованном письме к кн. Н. И. Одоевскому:

«Подаровал нам Бог, великому государю, великого солнца: яко же древле царю Феодосию пресветлого солнца Иоанна Златоустаго возвратити мощи, тако и нам даровал Бог целителя, нового Петра и второго Павла проповедника, и второго Златоуста, великого пресветлого солнца Филиппа митрополита Московского и всея Руси чудотворца возвратити мощи. И мы, великий государь, с богомольцем нашим Никоном, митрополитом Новгородским и Великолуцким, ныне же милостию Божиєю патриархом Московским и всея России, и со всем освященным собором, и с бояры и со всеми православными христианы и с сущими младенцы, встретили у Напрудного и приняли на свои главы с великою честью, а в кой час приняли, и того часу сотворил исцеление бесной и немной жене, и того часу стала говорить и здрава бысть; а как принесли на пожар (Красную площадь) к Лобному месту, тут опять девицу исцелил при посланникех литовских, а они стояли у Лобного места; а как его световы мощи поставили на Лобном месте, все прослезилися; пастырь, гонимый понапраснству, возвращается вспять и грядет на свой престол; а как принесли на площадь против Грановитыя, тут опять слепа исцелил, и якоже древле при Христе во след вопили: Сын Давидов, помилуй! так и в ту пору вопили к нему в след. И таково много множество народно было, от самого Напрудного по соборную апостольскую церковь, не мочно было ни яблоку упасть, а больных тех лежащих и вопиющих к нему свету безмерно много, и от великого плача и вопля безмерной стон был. И стоял десять дней среди церкви для молящих и во всю десять дней беспрестани с утра до вечера звонят; как есть на святой недели, так и те дни радостны были; то меньшее, что человека два или три в сутки, а то пять и шесть и семь исцеление получают; а как патриарха поставили (Никона), и он, свет чудотворец, двух исцелил в тот день, и ныне реки текут чудес. Стефанову жену Вельяминову исцелил: и отходную велела говорить, и забылася в уме своем, и явился ей чудотворец и рек ей: «вели себя нести к моему гробу» (а она

слепа и ушами восемь лет не слышала и головою болела те же лета), и кой час принесли, того часу прозрела и услышала и встала да и пошла здрава; да не токмо осьми лет, и двадцати и тридцати лет целит и кровоточных жен и бесных и всякими недуги исцеляет. А как принесли его света в соборную и апостольскую церковь и поставили на престоле его прежебывшем, кто не подивится сему, кто не прославит и кто не прослезится, изгнанного вспять возвращающаяся и зело с честью приемлемого? Где гонимый, где ложный совет, где обавники (клеветники), где соблазнитель, где мздоослепленные очи, где хотящие власти восприяти гонимого ради? — Не все ли зле погибоша, не все ли исчезоша во веки?»...

И царь заключает молитвенными воззваниями к небесным силам, показывающими, как верно понимал он смысл исповедничества Филиппова и его уроки для русской земли. «О блаженные заповеди Христовы! О блаженна *истина* нелицемерная! О блажен воистину и треблажен, кто исполнил заповеди Христовы и за истину от своих пострадал. Ей, не избраша лучше того, что веселится и радоваться во *истине и правде* и за нее пострадати и люди Божии рассудати в *правде*. А мы, великий государь, ежедневно просим у Создателя, чтобы Господь Бог даровал нам, великому государю, и вам боярам с нами единодушно людей Его световы рассудити в *правду*, всех равно; писано бо есть: суд Божий николи крив не живет... и о всех христианских душах поболение мы имеем, и в вере крепким бы и в *правде и во истине*, якоже столпам стояти твердо и за нее страдати до смерти, во веки и на веки».

Замечательна в этом письме царя ликующая уверенность в уже наступившем торжестве правды, в полном искуплении старых грехов. То же настроение сквозит и в его «молебном послании» св. Филиппу. «Благодать Божия в нашем царстве присно изобилует, и несть уже днесь в твоей пастве никоторого разделения». Если и был в бурной истории русского царства момент достигнутого равновесия, «симфонии» в реализации идеи боговластия, то это именно в середине XVII века. Царь Алексей Михайлович был, может быть, единственным, достойным носить священный венец. Тишайший, благочестивейший, почти святой — он поражает нас силой веры, детской чистотой сердца и жадой правды. И что же? Как посмеялась

история над его святыми надеждами! Всего несколько лет отделяют ликующие слова его письма от нового грозного «разделения». Снова священство и царство столкнулись в мучительной для обоих борьбе — на этот раз не по вине царя. Еще немного лет, и жестокое разделение прошло по всему телу церкви русской, расколов ее во имя разного понимания той самой «веры и истины», стоять за которые до смерти призывал царь Алексей Михайлович. Снова социальные судороги потрясают народное тело: мятеж Разина, стрелецкие бунты. А за ними уже встает исполинский призрак Императора, который нанес смертельный удар святой Руси, ниспровергнув, казалось, все устои, на которых строилось древнее священное царство. Теократия в России окончилась срывом, вместе с крушением национальной культуры. Пышное цветение культа набрасывало покров святости над неправдой, о которой тысячами голосов кричала русская земля. Этой неправды не видел благочестивый царь, как не видел ее и грозный царь, который некогда писал Курбскому: «Украшеньями всякими церкви Божии светятся, всякими благостынями... мучеников же в сие время за веру у нас нет»... Так писал царь, давший русской земле величайшего ее мученика — за правду. Но древняя русская церковь, в лучших ее пастырях и сынах, никогда не отделяла веры от правды и правды от милосердия. И последний патриарх Московский стоял перед новым грозным царем с иконой Богородицы в руках, безмолвным ходатаем, в утро стрелецкой казни...

Об этом служении верного пастыря вспоминает церковь, молитвенно взывая к священномученику:

«Первопрестольников преемниче, столпе православия, истины поборниче, святителю Филиппе, положивый душу за паству свою».

Экскурс

Опричнина в оценке новейших историков

ПРЕДЛАГАЕМОЕ выше освещение опричнины может показаться устарелым и «ненаучным» для читателя, знакомого с новейшей литературой. Оно, действительно, отзывается скорее Карамзиным, чем Виппером. Последние произведения русских историков нередко дают реабилитацию опричнины и вместе с тем правления Грозного, доходящую иногда до апофеоза. Поэтому автор, к тому же не специалист в науке русской истории, чувствует себя обязанным защитить свою несовременную точку зрения.

Конечно, для христианина сложность этой исторической проблемы значительно упрощается. Святой Филипп не был политиком, а лишь защитником «правды» в христианском государстве. Можно условно допустить государственную необходимость опричной революции и суровых мер в борьбе с боярской оппозицией — все равно остается общий характер имморализма, презрение к человеческой справедливости, тираническая, «кровопийственная» жестокость, не оправдываемая никакими государственными соображениями. Для историков социальной школы все это мелкие детали, «эксцессы», не уменьшающие их восхищения перед системой. Для христианина, признающего религиозный суд, нравственное качество деятеля, одушевляющий его «дух» — не вторичное, а первичное, единственно подлежащее суду. Вот почему мы сходимся в оценке Грозного и опричнины с консервативными историками старой школы — Карамзиным и Иловайским, — хотя по-разному оцениваем смысл русского исторического процесса.

Что же, однако: стоим ли мы в данном случае перед трагическим противоречием между религиозной и национально-политической оценкой? Может быть, из злого семени, посеянного Грозным, выросли добрые плоды, и его революция укрепила государство русское, обеспечив ему века могущества и славы? Это противоречие между небесной и земной прагматикой

возможно; оно составляет одно из сильнейших искушений для человека, пытающегося религиозно осмыслить историю. Не будем расширять этой проблемы до пределов исторической теодицеи. Достаточно указать, что в данном случае, в этом важнейшем узле русской истории, такого безвыходного противоречия нет.

Показать это на нескольких страницах «экскурса» можно лишь одним путем: указав на последние выводы, к которым пришла подлинно объективная историческая наука, и вскрыв те основания, на которых покоится «научная» апология опричнины.

Здесь мы встречаемся с одним замечательным фактом. Внимательное изучение весьма скудных материалов по истории опричного режима не дало ничего для оправдания этого института. В основе его благоприятных оценок лежат предвзятые идеи, различные болезни «позитивного» научного ума, вскрытые которые и является долгом религиозного и подлинно объективного историка.

Вопрос об опричнине неизбежно соединяется с общей оценкой Грозного и его места в русской истории.

Реакцию против школы Карамзина и славянофилов (К. Аксакова, Ю. Самарина) начинает С. М. Соловьев. Реакция эта была обоснована, как направленная против личного, психологического и морального подхода к Грозному, оставлявшего без внимания его эпоху и вырождавшегося в дилетантский субъективизм. Соловьев хочет дать «объективную» историю. Но его объективизм выношен в школе Гегеля. Это значит, что он находится в плену идеи о «разумности действительного» и оптимистически рассматривает исторический «процесс» как торжество высшего начала. Этим высшим началом для Соловьева, как известно, является государственность в борьбе с пережитками родового строя. Шестнадцатый век — эпоха окончательной победы государства над родовыми традициями, доживающими в удельных княжествах и боярском праве. В борьбе с боярством Грозный носитель высшей идеи. Этим определяется и оценка историка. За видимой объективностью творится самый несправедливый суд, где обвиняемых, т. е. побежденных, даже не выслушивают. Происходит это таким образом, что историк строит изображение Иоаннова царствования исключительно по *официальным*, т. е. исходящим от правительства, источни-

кам. Отсутствие актов судебного процесса, напр., заставляет Соловьева воздерживаться от рассказа о жертвах террора, о которых говорит множество современников. Получается впечатление почти благообразное и политически приличное. Конечно, Соловьев не закрывает глаза и на отрицательные последствия опричнины. Как «произведение вражды, опричина, разумеется, не могла иметь благого, умиряющего влияния». Говорится о гибельном «удалении главы государства от государства», отказе власти от «собственных орудий», о неизбежных злоупотреблениях «временщиков». Но все же читатель, знакомый с Карамзиным, чувствует себя совершенно в ином мире, обескровленном, лишенном бытовых красок. Что касается материала, то он не обильнее, а даже скуднее, чем у старого историкографа, благодаря отводу иностранцев. Большую часть VI тома Соловьева занимают события внешней истории, которая изображается вне связи с внутренней. Причины поражения в Ливонской войне не ясны. Несколько замечаний об уродливых эксцессах опричнины не вносят ничего в понимание процесса. Можно сказать, что от читателя требуется вера в его разумность, несмотря на явно катастрофический его исход.

Другие современники Соловьева, особенно представители той же «историко-юридической» школы, довели идеализацию Грозного до абсурда. К. Д. Кавелин считал Грозного «великим», предтечей Петра Великого, которого погубила «тупая, бессмысленная» среда. Аналогию с Петром проводил и Бестужев-Рюмин, считавший обоих государей людьми «с одинаковым характером, с одинаковыми целями, с одинаковым почти средством для достижения их». Для западников XIX века аналогия с Петром В. была уже достаточным оправданием. Станным образом забывалось одно: что Петр создал империю, а Иван чуть не разрушил царство, потерпев крушение на всех фронтах. А казалось бы, для историков, чуждых субъективизма, исторический успех должен служить главным мерилom оценки.

Таким образом, для историков этого направления апология Грозного вытекала из предвзятой оптимистической концепции «исторического процесса», связанной с преувеличенной оценкой государственности.

Станным образом эта положительная оценка Грозного просачивалась и в некоторые круги русской интеллигенции, почти

анархически относившиеся к государству. Здесь в пользу Грозного говорил демократический догмат, признанный почти всем без исключения русским обществом. Грозный сломил родовую аристократию и предал управление в руки худородного дворянства. В глазах многих это была заслуга, искупавшая все. Никто не ставил себе вопроса: что действительно выиграла Россия от насильственного истребления старого, культурного, свободолюбивого правящего слоя, связанного с местными мирами и древними национальными традициями, и что она приобрела с революционным вторжением в ряды правящего класса массы проходимцев, татар, казаков и беглых преступников?

В. О. Ключевский соединял демократические симпатии с пониманием государственных задач московского царства. Но его спас от идеализации Грозного великорусский здравый смысл, уловивший противоречия между торжественным пафосом православного царя и капризным самодурством тирана. Ключевский относится к Грозному иронически. Он судит не столько его моральный характер, сколько его прославленный ум. Ключевский не хочет, подобно Карамзину, вызывать кровавых призраков. Он оценивает Грозного как правителя, — и приходит к выводу, что непоследовательность, противоречивость, распушенность, лежащие в основе его характера, оказали губительное влияние на его политическое дело. Этот приговор историка целиком относится и к опричнине.

Быть может, к опричнине Ключевский подходил несколько упрощенно. Он видел в ней «жандармский корпус» для политической борьбы — не более. Заслуга выяснения социального смысла опричнины принадлежит проф. С. Ф. Платонову.

В своих «Очерках по истории смуты» С. Ф. Платонов вскрыл аграрное содержание опричной реформы: массовую переброску служилых людей из уездов в уезды, разрушившую старые связи между боярством и населением, особенно в центральных областях государства. Опричнина впервые представилась как опыт создания нового военно-служилого класса, с целью построения на его основе новой, сильной государственности, освобожденной навсегда уже от удельно-княжеских традиций. Эта работа Платонова продолжалась и продолжается его школой в исследованиях по новым актовым материалам, организации управления в «опричной» или «дворцовой» половине государства.

В результате этих работ выяснилась продуманность, систематичность учреждения, в котором раньше видели лишь судорожную реакцию тирании. Вместе с тем монографические исследования других сторон управления в эпоху Грозного должны были высоко поднять в наших глазах политические способности этого государя. Отсюда, впрочем, далеко еще до положительной оценки этой системы. Сам глава петербургской исторической школы не сделал таких выводов, и не мог их сделать, ибо связывал изучение опричнины с генезисом великой смуты. Только революционная эпоха выдвинула ряд апологетов опричнины и в то же время попытку небывалого апофеоза ее творца.

Последняя попытка принадлежит Р. Ю. Випперу. В своей блестящей, богатой идеями книжечке «Иван Грозный» (Москва, 1922) этот историк, впервые подошедший к русским темам, нарисовал Грозного на фоне европейского и азиатского XVI века, впервые крепко связав внутреннюю политику Москвы с внешней. В этом внимании к международной обстановке действительная заслуга автора. Но в изучение русских дел Виппер не вносит ни новых материалов, ни новых методов. Книга его не исследование, а панегирик. Он насыщен страстью, и за апологетической его внешностью клокочет ненависть, питаемая болью сегодняшнего дня. Виппер пишет свою книгу под мучительным впечатлением гибели русской империи и, вознося Грозного, вымещает свой гнев на либеральных и гуманных людей последнего столетия, охладевших к идее «грозной» власти. Подобно Макиавелли, в патриотической боли своей Виппер ищет тирана — и утешается им ретроспективно, отдыхая в Москве Грозного от Москвы 1917 г. Виппер всегда был материалистом, видел в истории лишь слепую и бессмысленную игру сил. К явлениям духовной жизни он проявлял слепоту феноменальную. Но созерцание могущества торжествующей силы (Рим) было для него источником исторического вдохновения. Впрочем, Виппер не унижается до любования террором Грозного. Он довольствуется его оправданием. Опричнина была напряжением военных сил государства в чрезвычайно тяжелой обстановке войны. Разгром Новгорода должен был (чем?) «исправить поколебленное военное положение», и т. д. Опричнина отражает стремления «демократии» XVI в. Демократический собор 1566, в разрез с прагматикой и здравым смыслом

(см. выше) связывается с учреждением опричнины в 1565 г. Превращение опричнины в «двор» в 1572 г. Виппер понимает, как расширение системы под влиянием новгородской «измены» (кавычки Виппера) и крымского нашествия. Виппер не догадывается (а это выяснилось для всех с опубликованием записок Штадена), что опричная реформа 1572 г. была, на самом деле, реакцией, в которой погибли главные опричные деятели, и что сожжение Москвы ханом показало правительству ненадежность опричного корпуса и значение земской рати. Разумеется, для Виппера остается непонятной и конечная катастрофа Ливонской войны. «Судьба Ивана IV — настоящая трагедия завоевателя, который сорвался на слишком крупной игре, потому что бросил на весы счастья все свое достояние и вместе с потерей новой колониальной добычи глубоко расстроил основы старой империи». Виппер не замечает, что в этом самый жестокий приговор, какой можно произнести над политическим деятелем. Сам автор необыкновенно увлекательно изобразил мощь московского государства, созданную Иваном III. Теперь оказывается, что гениальный Иван IV (сравниваемый с Петром В.) проиграл в азартной игре наследство предков.

Книга Виппера встретила сочувственный прием у русских историков (рецензия А. Преснякова в «Анналах» № 2) благодаря новизне идей и исторических аналогий. Но и в самом духе нашего времени лежит объяснение ее большого успеха. Один из вождей большевизма, историк М. Н. Покровский в разных очерках своей «Русской истории» дает апологию Грозного. Исторический материализм и антиморализм роднят его с Виппером. При различии политических вкусов, это историки одной школы. У Покровского оправдание тиранов — одна из любимых исторических тем; она питается у него общей всему марксизму ненавистью ко всяким формам аристократии и к самой идее свободы. Покровский сделал Грозного вождем демократической революции по тем же мотивам, по которым он пишет апологию «демократа» Павла I и мстит дворянам-декабристам.

Любопытнейшим смешением двух стилей — Виппера и Покровского — является очерк И. И. Полосина, написанный в качестве предисловия к запискам Штадена. На фоне широкой картины международных отношений Московской Руси, Полосин рисует опричнину, как «настоящую социальную революцию»,

без которой «были бы немыслимы блестящие успехи Грозного». Под этой революцией понимается факт усиления мелкопоместного землевладения. Термин «социальной революции» для автора, по-видимому, избавляет от доказательств ее политической ценности. Несколько неожиданно на следующей (41) странице читаем: «Дальнейшее углубление социальной революции грозило бытию государства». Изучение Штадена для автора не прошло даром. «Царь Иван политик нервный, но чуткий — сам же стал во главе реакции», которая оказалась неизбежной после «беспощадных крутых мероприятий революционных лет». Почему же аграрные мероприятия царя неизбежно должны были получать «беспощадный крутой» характер? Ответа нет, если не искать его в психологическом воздействии на автора двух ленинизмов: эпохи военного коммунизма и эпохи «Нэпа».

Через год после книги Виппера вышла брошюра С. Ф. Платонова «Иван Грозный» (Пет. 1923 г.) — только брошюра, но подводящая итоги почти полувековой работы первоклассного специалиста. Каждое слово здесь продумано и взвешено. Вне всякой полемики, автор защищает свое понимание Грозного от увлечений старых моралистов и новейших апологетов. Уверенно и спокойно старый мастер ставит все вещи на свое место.

С. Ф. Платонов остается высокого мнения о политических талантах царя Ивана. Грозный является для него «крупной величиной». Вступительная глава может вызвать даже опасение, что автор задумал еще одну апологию тирана. Однако чем более читатель углубляется в историю царствования, обогащенную научной жатвой последних десятилетий, тем более знакомый образ вырисовывается перед ним: Грозный встает таким, каким его знали консервативные историки XIX века. Автор не имеет «никакого желания приводить подробности гонений и казней», но в своей осторожной характеристике царя признает «ненормальности»: и «чувство страха перед несуществующими опасностями», «начатки мании преследования» и «садизм, т. е. соединение жестокости и разврата», и отсутствие мужества. Но нас интересует оценка опричнины.

Говоря о «внутреннем расстройстве Московской жизни», приведем к поражению в войне с Баторием, С. Ф. Платонов указывает двоякие причины. «Одни заключались в так называемой опричнине Грозного и ее следствиях, другие — в том сти-

хийном явлении, что трудовая масса московского населения пришла в движение и, покидая старую оседлость, стала рассеиваться по направлению от центра к окраинам государства».

Таким образом, опричнина из необходимого орудия трудной войны (Виппер, Полосин) делается причиной поражения. Нарисовав широкую картину аграрно-классового института (не останавливаясь на «экссессах»), автор переходит к его последствиям. — «Во-первых, пересмотр княжеческого землевладения превратился в опричнине в общую земельную мобилизацию, принудительную, тревожную и потому беспорядочную... *Все слои населения*, попадавшие под действие опричнины, терпели в хозяйственном отношении и приводились — вольно или невольно — из оседлого состояния в подвижное, чтобы не сказать — бродячее. Достигнутое государством состояние устойчивости населения было утрачено, и в данном случае по вине самого правительства». «Во-вторых... Грозный считал нужным соединить эту операцию с политическим террором, казнями и опалами отдельных лиц и целых семей, с погромом княжеских хозяйств и целых уездов и городов. С развитием опричнины государство вступило в условия внутренней войны, для которой, однако, *не было причин*. Царь преследовал своих врагов, которые с ним не сражались»... «Результатом этого безумного и *вовсе не нужного* террора было полное расстройство внутренних отношений в стране»... «Не меньшее ожесточение, чем в боярстве, было и в других слоях населения. Опричнина и террор были *всем ненавистны*, кроме разве тех, кто с ними связал свой житейский успех. Они поставили все население против жестокой власти и в то же время внесли разнь и в среду самого общества. По меткому замечанию англичанина Дж. Флетчера, бывшего в Москве вскоре после смерти Грозного, низкая политика и варварские поступки Грозного так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что, по-видимому, это должно было окончиться не иначе, как всеобщим восстанием. Сделанное до смуты, это замечание вполне было оправдано последующими московскими событиями».

Так последнее компетентное слово исторической науки совпадает с единодушной оценкой современников — русских и иностранцев, — и вместе с тем подвиг митрополита оправдывается и перед судом государственного разума.

Приложение

Грамоты митрополита Филиппа в Соловки

Грамота 1

БЛАГОСЛОВЕНИЕ смиренного Филиппа, митрополита всея Руси, старцу Ионе и старцу Паисеи, келарю и казначею, священникам и всей яже о Христе братии. Как вас Бог милует, все ли во спасении здравствуете? А здесь у нас на Москве дал Бог, царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, и благоверная царица, великая княгиня Мария, и его благородные чада, царевич Иван, и царевич Феодор, и благоверный князь Владимир Андреевич, и князи и бояра, и все православные христиане, пречистыя Богородицы молитвами, и великих чудотворцев Петра и Алексея и Ионы и всех святых, дал Бог по здорову. И сталася Божия воля. Царь и великий князь, и царевичи, и архиепископы, и епископы, и князи и бояре принудили мя недостойнаго на сий великий престол всея Руси. И яз вас благословляю, чтобы естя жили в любви яже о Христе, и попеклися бо естя о бессмертных своих душах, и закон монастырский хранили. А о игумену есмя царю государю, великому князю, не вспоминал потому, кое без вашего совета. И будет вам игумен надобен, и вы бы о том по времени посоветовали, да прислали грамоту за руками, кому Бог благословит быти, и вы излюбите. А яз вас благословляю и челом бью. Бога ради, молитесь Господа Бога и пречистую Его Матерь, и великих чудотворцев Зосиму и Савватаея, и всех святых, соборне и келейне, за православного царя государя, великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и за его благоверную царицу, великую княгиню Марию, и за их благородные чада, царевича Ивана и царевича Феодора и за князя Владимира Андреевича, и за христоролюбивое воинство, и за вся православные христиане, да и за нас грешных. Да Бога ради простите мя грешного во всем, старец Иона, и священники, и вся яже о Христе братия, от мала и до велика, и слуги все

от мала и до велика, и христиане все от мала и до велика. Перед всеми есми вами во всем виноват без рассуждения. А вас всех Бог простит. Да послал есми вам на всю братию, фунт перцу, гвоздики гривенка, шафрану гривенка в уху. Прочее здравствуйте о Христе. Мир вам.

Грамота 4

Благословение преосвященного Филиппа, митрополита всея Руси, в пречестную, великую обитель боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и святых преподобных великих чудотворцев Зосимы и Савватаея, в общий Соловецкий монастырь духовному настоятелю, сыну и сослужбнику нашего смирения, игумену Паисею, и священником, и старце Ионе, и келарю и казначею, и всей яже о Христе братии. Как вас Бог милует, все ли в спасении здравствуете? А яз Филипп Божею милостию, государевым царским здравием и вашими святыми молитвами телесно жив. Да спаси Бог вам на рыбе, прислали естя ко мне двадцать рыб просольных, да девять свежих непоротых, а рыба просольная и свежая мелка, и средней мало, да двенадцать вялых, да полбочки сельдей, да прудовых сельдей кадочка ведра в полтора. На сем вам не спаси Бог, навели естя на меня скорбь великую, яз вам приказывал с игуменом с Паисеею и с старцы, и грамоты посылал, чтоб ко мне не присылали ничего поминков, ни рыба, и вы меня не слушаете, навели естя на меня скорбь великую на Москве и в монастыре, и ропты непомерные, душа ваша подынет (?) и не постави вам Господи в грех того. Да послал еси к вам с Махилевым с Степаном два блюда серебряных великих на дору на большую и на меньшую, а стали мне близко тридцати рублей, да ладанницу серебряную ж велику, да чару велику с рукоятми медяну лужену, вода святить, и вы б ко мне то отписали: довели вас те сосуды, или не довел и вы б у него взяли, а ко мне бы естя о том известно учинили. Да послал есми к вам денег десять рублей с слугою с Селюгою на пруд, что за дворцом, и вы б его вычистили на готово, ино пруд будет великой, похвальной, а покинути его ино от Бога будет грех, а от людей сором, а жаль прежних трудов и убытков, а уж готов и плотина сделана, только вычистить, а делать приказал старцу Мисаилу, да слуге Се-

люги, те вам его сделают наготово, и монастырю будет похва-
ла, и рыбу станете сажати, ино рыба держится и приплоду в
нем чайти. Да как поехал яз к Москве, ино у меня осталось в
монастыре три трубы верченых, да столб, а везти было их в
Заяцкие воды для (?) положить, и вы б Бога ради то сделали, а
приказал есми сделати Селюги ж, и как Бог помилует сделает,
вы б его Бога ради и нас ради пожаловали, и нам бы естя о том
известно учинили, как ваша любовь к нам, а не пожалуете не
станете делати игумен Паисия и братия, и яз приказал Мисаилу
и Селюге людей наймовати и хлебом кормити своим, а не по-
жалуете не дадите и так делати, и вы б ко мне известно ж учи-
нили. Да что Герасим издержал денег на проезд до Москвы
едучи с рыбою, и яз ему и те деньги дал, тридцать алтын без
трех, а на Москве ели и пили у меня, и до поезду. Да послал ес-
ми к вам на стол братии, и с квасом, и слугам и детям восемь
рублев, с слугами с Герасимом, да с Селюгою, да послал есми к
вам братии три рубля милостыни, на двести братьов по полуал-
тыну, да детям на триста человек полтора рубля, по деньге. И
ты б игумен Паисея Бога ради стол велел на братию поставити,
и на слуги и на дети с квасом, да за столом бы еси помянул бра-
тию, чтобы молили Бога за благовернаго царя и государя, ве-
ликого князя Ивана Васильевича всея Руси, и за благоверную
царицу великую княгиню Марью, и за благодарованные чада,
царевича Ивана и царевича Феодора, и за христолюбивое во-
инство, и за все православное крестьянство, и меня б грешнаго
во святых молитвах своих поминали. А яз благословляю и мно-
го челом бью, а милость Божия и пречистыя Богородицы и ве-
ликих чудотворцев молитва и благословение, до нашего сми-
ренья благословенья да есть всегда с вашим преподобством во
веки аминь. Писано на Москве лета 7076 (1568) генваря в 30.

До яз вас благословляю и челом бью игумену Паисею и всю
братью, Бога ради живите любовно.

Источники и пособия

Источниками для биографии св. Филиппа служат два жития его, составленные в конце 16 — нач. 17 в. Напечатаны из них лишь отрывки в примечаниях к IX тому Карамзина. По ним составлено краткое славянское житие в печатном «Прологе» (9 января) и подробное переложение *А. Н. Муравьева*: «Жития святых российской церкви». Январь. СПб., 1857.

Кроме того, составителем использованы

Акты исторические. Т. I.

Акты Археографической Экспедиции. Т. I и II.

Собрание Государственных Грамот и Договоров. Т. I и III.

Полное Собрание Русских Летописей. Т. III (Новгородская летопись) и VIII (Воскресенская летопись).

Русская Историческая Библиотека. Т. III («Александро-Невская» летопись).

Грамоты Митр. Филиппа («Душеполезное Чтение», октябрь 1861).

Иосиф Волоцкий. «Просветитель», Казань, 1896.

Максим Грек. Сочинения. Т. II.

Герберштейн. Записки о Московии (лат. изд. 1506 г.).

Кн. Курбский. Сказания, изд. Устрялова (2-е) 1842.

Записка Taube Kruse в Sammlung russischer Geschichte, t. X. Drogat, 1816.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. (Пет.) 1925. (Здесь новейшая библиография).

Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. СПб., 1882.

Барсуков. Источники русской агиографии.

Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Петр., 1916.

Виппер Р. Иван Грозный. М., 1922.

Голубинский Е. История русской церкви. Т. II, I.

Грабарь И. История русского искусства. Вып. 6.

Кн. Долгоруков. Российская Родословная Книга. Ч. IV, СПб., 1857.

Арх. Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1900.

Дьяконов М. Власть московских государей. СПб., 1889.

Жмакин В. Митрополит Даниил и его послания. М., 1881.

Иловайский Д. И. История России. Т. II.

Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. VII, VIII и IX.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых. М., 1871. Курс русской истории. Т. II. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря; Русский рубль XVI–XVIII в. («Опыты и исследования», М., 1912).

Митр. Макарий. История русской церкви. Т. VI, VII и VIII.

Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пет., 1923. Прошлое русского Севера. Берлин, 1924.

Рождественский С. В. Митрополит Филипп («Русский Биограф. Словарь», библиография до 1901 г.).

Садиков П. А. Из истории опричнины царя Ивана Грозного («Дела и Дни» № 2, 1921 г.).

Соловьев С. М. История России. Т. V и VII.

Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868.

Остались недоступными автору: Б.М.Л.Б.К. (барон Боде-Колычов), Боярский род Колычовых (М., 1886); Арх. Досифей, Летописец Соловецкий; «Начертание Жития м. Филиппа» (М., 1860) и «Русские Святые» архиепископа Филарета (Гумилевского).

Приложение

Житие и подвиги, а также рассказ о некоторых чудесах во святых отца нашего и исповедника Филиппа, митрополита Московского и всея России

Те, кто руководствуется Духом Божиим, те сыновьями Божиими нарекутся. Как говорит богоотец Давид: «Будете Богами и все сыновьями Всевышнего». О них же и собезначальное Слово Отчее говорит: «Там, где будет труп, соберутся орлы», и «Многие придут от востока и запада и возлягут в Царстве небесном»¹. Говорит же в полный голос и божественный апостол Павел: «Тех, — говорит, — кого предузнал Он, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал, а кого оправдал, тех и прославил»². Ради этого и богоугодные их жития называются Богом — светом миру: «Вы, — говорит, — свет миру», и: «Не может укрыться град на вершине горы; не зажигают светильника для того, чтобы спрятать его, но ставят на подсвечнике, да светит всем в доме. Так да просветится свет ваш пред людьми, чтобы, видя добрые дела ваши, люди прославляли Отца нашего небесного»³. Подобен же им соработник и ревнитель, священною одеждою светло одетый, первосвященник божественной великой Церкви, собеседник ангелов, сопрестольник апостолов, участник страданий священномучеников, всеми спасительными путями уготованный Богу по имени Филипп. О нем в сердце своем всегда желал я написать, как впрочем настоятель и богобоязненные иноки той великой обители хотели и говорили. Странно пребывать в забвении такому великому светилу, не имея описания пречудного жи-

Житіє ѿ подвижи, і ѿчасті чудєсъ ѿповѣданіе,
ѿже во стѣхъ оца нашего і ѿповѣдника,
Филиппа митрополита Московскаго ѿ всѣхъ Росіи.

Благослови оче./

Слицы оубо дѡмъ Бжїимъ во дїимѣ сѣть. Сїи сїове Бжїи/ нарекутсѣ.
Ико^м рече бго/щїцъ двѣхъ: Бози вѣдете ѿ сїо/ве вышнѣаго всїи. Ѿ нїхъ
же ѿ Го/вѣзначальное слово ѿчєе рече:/ Идѣже вѣдетъ трѣпъ, тѣ вѣ/
дѣтъ і ѿрлїи. И: Мнѡзи прїи/дѣтъ ѿ востокъ ѿ западъ, ѿ возлѡгѣтъ во
Цѣтвїи нѣнѣ^м. / Вопїетъ же велегласно ѿ Бжєствє/ный аплъ Павєлъ:
Ихъ же, рече, /24об./ пронарековѣ Бгѣ ѿзначала мї/рѣ, сїхъ ѿ призва.
И ихъ же / призва, сїхъ і оправдѣ. И ихъ / же оправдѣ сїхъ ѿ прослави.
/ Сего ради ѿ бгѡугоднѣа жи/тїѣ ихъ, свѣтъ мїрови / ѿ Бга про_
нарековѣшесѣ: вы / естє, рече, свѣтъ мїрѣ. И: Не / мѡжетъ градъ
оукрїтисѣ / верхѣ горы столѣ. Ни вжигѣ/ютъ свѣтїлника ѿ по^а спѣ/домъ
покрывѣютъ. Но на / свѣщницѣ поставлѣютъ, / да свѣтитъ всѣмъ ѿже
во / храмїнѣ сѣть. Тако про/ свѣтитсѣ свѣтъ вѣшъ пре^а / члїи, ѿко да
вїдѣтъ вѣша / добраѣ дѣла ѿ прославлѣт^а /25/ ѿца вѣшего ѿже на
нѣсѣхъ. / Ихъ же клеветѣ ѿ ревнїтѣ^а / сїенноу одѣжену свѣтло
пре/одѣланъ, вѣ бжєствєнѣи / велїцѣи цркви первостѣлѣ, агглѡмъ со_
вєсѣдникъ, / аплѡмъ сопрестѡлникъ, сїє/нночїнкѡмъ спострадалє_
ни/цѣ. всѣмѣ спасїтєльными / пѣтьми Бгѣ оутѡванъ / Филиппъ пре_
їменовѣшесѣ. / Егѡ же в срѣци своѣмъ прїо же/лаище настѡлѣ ѿ обїтели
/ толѣ велїкїѣ. Оз ѿже с нїмъ / бгѡвѡзнимыми ѿновки сѣ/лѡ желѣю_
ще ѿ глїтѣ. Ико / нелѣпо єсть беспѣмѣтнѣ пребывѣти такоуѡмѣ вє
/25 об./лїкомѣ свѣтїлѣ. Писанїю / не сѣщѣ ѡ пречїуднемъ житїи / егѡ,

тия. Да и как узнают без описания те, кто не знает о нем ничего? Словно словесный жемчуг, от оболочек своих очищенный, — как же могут красоту его познать, или золото, в нем скрывающееся, кто может блеск его увидеть? Или кто может увидеть солнечный свет, если пресветлые лучи его закрыты многими облаками?

Об этом же и о многом настоятель обители и иноки рассуждали и размышляли неотложно, совещаюсь с великим. Так давние ученики его заставили меня, грубого и несмысленного невежду, рассказать о пречудном и священнопрекрасном житии его — из многого нечто малое. Но поскольку я груб и ленив, и всякой преисполнен скверны, но более всего боясь, что настигнет наказание ленивого раба, повинуюсь вашему повелению, поскольку через вас священноначальствует Христос. Иных же — многославных, премудрых и высочайше разумных и преславных, — их же Святой Дух обучил! Я же, грубый и несмысленный, уповаю на того же Духа Святого, не сам, но научившись из Божественного писания. Пусть и несовершенным языком, но простым наречием, достигая по возможности о превосходящем всех, о священнопрекрасном и пречудном житии, о всегда желанном для вас учусь повествовать — о самом великом первосвятителе Филиппе. Его, осеняемого благодатию Духа, в помощь призываю. Вас же самих, боголюбезные отцы, и всех вместе с вами начальствующих великих отцов на молитву призываю — да благопоспешною помощью того и вашими святыми молитвами благая помощь придет ко мне, начинающему труд! Да не осудит же и меня никто, видя неблагообразное мое невежество, ибо иногда молчание младенца приятнее бывает для отца, нежели любовь к спорам. Поскольку я за это принялся не бесстыдством

како іавленно мѡжетъ / быти бє³ писаніѧ не вѣдѡщи^м / ѡ не знаю-
 щимъ єгѡ. ꙗкоже / глємїи маргарїти ѡ скалѣ (не) / своїхъ непроїзно-
 сімы. Како / мѡгѡтъ добрости ѡхъ ѡ зрѣ/щихъ познавѣми быти. /
 ꙗли златѣ во своїхъ членѡхъ / крїющїѧ, ктѡ мѡжетъ / блєсканїѧ ^{єгѡ}
 ѧвѣ оўзрѣти. / ꙗли слнца свѣтлостъ ктѡ / оўзритъ ѡблакомъ мнѡгн^м
 / спокрївшимъ(сл), прєсвѣт/лымъ лѣчѡ єгѡ. Сїѧ же ѡ ина мнѡ/га на-
 столѣ ѡ бїтели, ѡ с нн^м / сѡщїи ѡноцы рѡзѣжѡнцє. /26/ Помышлѡхѣ
 неѡлѡжно. Аю/бєзно к велїкомѣ совѣщѡвъ/ше с нїмъ, ꙗко прїснїи оўче/
 ницы єгѡ. Принѣдистє менє / грѣбаго ѡ несмыслєнаго невѣ/ждѣ. Ѡ пре-
 чѡднемъ і сїєнно/ лѣпнемъ житїи єгѡ, люבו/повѣствовати. Ѣ мнѡгн^х
 / малѡе нѣчесѡе. Но оўбо ѡще / ѡ ленївѣ єсмь ѡ грѣвѣ, ѡ сквѣрнѣ всѣ-
 кнѣхъ прєиспѡленѣхъ, / ѡбѡче же лѣнїваго рабѡ запре/щєнїѧ оўболѣсл.
 Вѡшемѣ по/велѣнїю повинюсѧ, єже в вѡ / сїєнноначѡлєствѡющѣ Хвн. /
 Но ѡнѣмъ оўбо мнѡгословѣ/щимъ. Прємѡдро же ѡ разѣ/мно, высѡчѡнше
 же ѡ прєслѡ/26об./вно, єліко ѡмъ Дхѣ Стѣи на/оўчїи. ꙗзъ же грѣвнѡ ѡ
 несмы/слєннѡ оўповѡхѣ томѣ же / Дхѣ Стѡмѣ. Не ѡ себѡ оўбо нѡ / ѡ
 Бжєственнаго Писанїѧ на/выкѡхъ. ꙗще ѡ не совершєннѣ, / нѡ прѡстѡна-
 рѣчїємъ єліко / єліко достїжно. Ѡ єже всѣхъ / ѡзрѡднѣе. Ѡ сїєннолѣп-
 номъ і ѡ прєчѡдномъ житїи, / і ѡ прѡжелѡнномъ вѡмъ лю/бо повѣство-
 вати поўчѡ/нєсл. Самѡгѡ тогѡ велїка/го прєвѡстлѡ Філіппѡ, і / ѡсєнлѣ-
 нцѣи тогѡ бл҃годѡ/тъ Дхѡ в пѡмѡщѣ прїзываетѡ. / Вѡсѣ же самѣхъ ѡщї
 бгѡлю/бєзнїи. Соѡже в ѡсѣ начѡлѣ/27/ствѡющимъ велїкимъ ѡщї^м / на
 млѣтвѣ подвизѡмъ. Да бл҃гопѡспѣшнѡ пѡмѡщїи тогѡ, / ѡ вѡшнннѡ стѣ^м
 млѣтвѡми / бл҃гопѡмѡщнѡ бѣдетъ мнѡ / сїє начинѡющѣ. Да не зѡзрїт / же
 мнѡ ѡ сѣмъ ннѡктоже зрѣ / нелѣпѡе моєгѡ ненаоўчєнїѧ. / ꙗбо ѡдѣте ѡ не
 мѡванїє ѡщї^м / прїлѣтно бывѡетъ зѡ лю/бопрєкѣтїє. Не бѡ бє³стѣдѣ/ствѡмъ

дерзостно подвигаемый, но вами принужден был потрудиться. И поскольку никто ничего о нем не написал, то, подобно зодчим, собирающим отовсюду камни, чтобы завершить строительство дома, так и я собирал отовсюду разбросанные слова.

Подобно им, что-то я собирал от знавших его лично, повествовавших о его благородном и благодетельном воспитании, и о возрастании в царских палатах, и о душевной чистоте и телесной, об отвержении мира, о смиренном и благорассудном во всем послушании, и о благостройном по Божьим заповедям, в обители премудром настоятельстве, и о первопрестольном Божиим святительстве в преименитом царствующем городе, и о терпеливом в Боге священнострадальничестве, и ко Господу отшествии, как о том следующее повествование расскажет.

О рождении блаженного отрока и о родителях его

О преблагословенный, над всеми царствующий Царь вечной жизни, Который во Единице и в Троице славословимый, всегда существовавший, премудро создавший разумные существа и все красоты мира, а также первоизданных праотцев наших — прародителей Адама и Еву! Во грядущее семь тысяч пятидесятое лето, во время пресветлого господства над великим княжеством российским венчанного христолюбца и миролюбца, благоверного и смиренномудрого великого государя Василия Ивановича, всея России самодержца, во благодержавном, в преславном, в царствующем городе Москве восседал в царской палате некий благочестивый и знатный муж, мужественный и украшенный многими добродетелями, исполненный ратного духа, исполнявший Божественные заповеди и царские повеления, и весьма люби-

нѣкоймъ самоде/рзостнѣ на сѣè прійдохъ. / Но вами ^{принуженъ} долженъ
сотвори^х. / Понѣже ꙗко никтоже ꙗже / о немъ написавъ намъ о/стави.
Но рачѣлно ѿ того / словесе собравъ подобела /27об./ зодзчѣлмъ, иже
помалѣу ка/меніе собравше, во единого / дома совершеніе собируютъ. /
Тѣм же і азъ ꙗже ѿ инѣхъ / достоверно повѣдающихъ / о немъ слы_
шахъ. Восписѣ/емъ бл҃городственаа егò, / и во бл҃годѣтствѣи воспитá_
/ніе, и въ цр҃кнхъ полатахъ / во^ррастеніе, и въ юности / бл҃гоуравіе, и
дш҃евнѣю чи/стотѣ и тѣлеснѣю. И міра / ѿверженіе, кротостное же / и
смирѣнное, и бл҃гоуразсѣд^н/ное ко всѣмъ послѣшаніе. / И бл҃гостройное во
обителн по Бзѣ прем^рое / настоятельство. И въ прѣиме /28/нитомъ
цр҃твѣющемъ градѣ / первопрестòльное во цр҃кви Бж҃иин / стѣльство. И по
Бзѣ терпѣ/ливое сщ҃еннострадатѣльство. / И ко гд҃у ѿществіе. ꙗко впр^и
/ идыи слово скажетъ.

О роженіи бл҃женнаго отро/ка, і о родителехъ егò.

ѿ превл҃гословеннаго всѣхъ / цр҃твѣющаго Цр҃л вѣчныа / жизни. Иже во
единствѣ, и въ Тр҃ицѣ славословимаго, / прѣносимаго. Прем^ростнаго со_
дѣнства разбмныхъ сщ҃е/ствъ, и все оукрашеннаго ми/ротвореніа. Тѣм
же перво/зданнаго праѿицъ нашихъ все/рòднаго Идама і Еввы. Во
грл/28об./дш҃ее седмыа тысячци, в пл/тонадесѣтне лѣто. Во вре/мл
пресвѣтлаго госпо^аства / великаго кнжества Росінска, / вѣчнанаго хр҃то_
либца и / миролюбца бл҃говѣрнаго / и смирѣнноураго. Великаго / гд҃рл
Васіліа Ивѣновича все/л Росіи самоде^ржца. Въ бл҃го/державномъ в пресла_
вдш҃е^м / в цр҃твѣющемъ градѣ Москвѣ, / пресѣдѣи в полате цр҃евѣ оу/бо
нѣкїи бл҃гочестнѣвъ и добро/рòденъ сщ҃ь. Мѣ^{ст}твенъ же / і оукрашенъ
многими добро/дѣтельми, і исполненъ рá/тнаго дѣха. Велики же
по/оучалел въ Бж҃ественныхъ /29/ заповѣдехъ. И въ цр҃кнхъ и/справлѣ_

мый великим князем. Был он государевой благородной чести справедливо удостоен, величием сановным радостнотворно, непоколебимо всюду сияя, злой же путь до конца отвергая. Звали же его Стефаном, по фамилии Колычев, родился же он в великом Новгороде. Была у него супруга, цветущая и плодовитая лоза, именем Варвара (которой дал Бог в ангельском чине стать инокиней Варсонофией). И жили оба по закону Господнему и по Его святой евангельской заповеди и горячую милость Его многими слезами стяжали. И радовались всякому обильному дару благому и приносили Вседержителю достойные плоды: веру и любовь, милостыню сиротам и великое заступление калекам, источая всегда будто медоточивые потоки. И как многоплодовитая маслина расцветает и распускает бесчисленные ветви, так и они источали многосветлые источники своих добродетелей. Явили цвет славы, благородный плод: родили всегда поминаемого отрока Феодора, о нем же ныне надлежит нам поведать.

Он, по воле Всевышнего, баней бытия омылся, то есть иереем Господним во святой купели был крещен во имя Отца и Сына и Святого Духа — Единосущного Бога, всех Творца. И благодатию Его, Всесильного, стирает искусительную тьму — голову трехглавого проклятого змея⁴. После же этого своими родителями с великой заботой воспитывался. Спустя некоторое время родители повелели его отдать в обучение искусному ремеслу — изучению Божественного Писания. В том же он сердцем с любовью к истине во все дни в благом том училище воз-

нїихъ. Бысть же ѿ великимъ кнѣзѣмъ по премнѡгѡ / любїмъ. І ѿго гдѣвы бл҃гободныи чѣсти войстиннѡ сподобленъ, высотѡю санѡвною / радостнотворно не(по)колѣблемо всюдѡ сїаше. Стрѡпотнаѡ же стезѡ до концѡ / стирѡл. І еже Стефанъ ѿме/нѣемъ, порѣкломъ Колычѣ/въ. Рожѣ_нїе ^{нмѣл} великаго Новагра/да. Нмѣл же сопрѡженѡ ^{сѣбѣ} / мнѡгѡцвѣтѡ_цѡю ѿ плодѡ/внѣтѡ лѡзѡ ѿменемъ Варвара, ѿже ѿ сподоби Бгѡ во аг_гѡл/скїи чїнѡ ѿнокннѡ Варсонѡ/фїл, ѿ живлѣта ѡба в законѣ /29об./ Гнїи. Н по ѿго ^{сѣбѣ} ѿуальстѣи ѿ за/повѣди. Н теплѣ того мнѡ/гими слезѡми млтва сѣбѣ / притворѡущи. Тѣмъ / ѿ во всѡкомъ блѡзѣмъ ѡвнѡ/льствѣ ликовѡхѡ, і ѡ того / приносѡще ѿмѡ Вседержїтелю / плодѡ достѡйны. Вѣрѡ ѿ лю/бѡвь матѣи, к сїрымъ же / ѿ ко оубѡгимъ ве_лїко застѡпѡ/ленїе, ѿко медотѡчнѡ по/тѡки ѿсточѡуще всегда. / Тѣмъ же мнѡгоплодовїтаѡ / мѡсннѡ пѡкнѡ процвѣте. / Н распространї бѣзчїс_леннѡ се/ленїе. І ѿсылаѡтъ мнѡго/свѣтлыи ѿсточнїкѡ ѡ свнѡ / добро_дѣтелїи. Ѹпѡщѡнтѡ /30/ цвѣтѡ славы. Плодѡ бл҃гободѣ. / Родїста сегѡ прїнопѡмѡтнаго / ѡтрока Феѡдора. Ѹ немъ же / намъ ннѣ слово пре_ле_жнѣтѡ.

Ѹеи же бл҃го^{во} лїтельствомъ вы/шнѡго бѡненѡ вытїл ѡмывѡѣтѡ, еже ѿрѣѡмъ Гнїимъ во / сѣбѣи крѣпѣлнѡ крещѡѣтѡ. В высотѡе проповѣданїе вѡ ѿмѡ / Ѹца ѿ Ѹна ѿ Ѹтѡго Дха, во єднїнѡ/сѡщнѡго всѣхѡ содѣтелѡ Бга. / Н Того всесїлнѡго бл҃годѡтїю / тѡ стирѡѣтѡ прелѣстнѡю тмѡ / треглѡв_наго ѡкалннѡго змїл / главѡ. По сѣмъ же ѡ бл҃гободнѡ / своїхѡ с вели_кимъ брѣженїемъ / воспитѣвѡѣтѡ. По време/ни же родїтели ѿго, (ѿ) своїмъ /30об./ ѿзрѡднѡмъ прѣстѡительствѡмъ, / повелѣвѡнтѡ ѿго ^{всѣчїстн} хдѡбѡжно / хнтрѡсти, еже Бжѣтѡвно/мѡ Писанїю. В томъ же ѡнъ / совѣл_кою ^{свѣтн} сѣрдѣчною правѡстїю / повседнѣвно во блѡгѡмъ то / оубѡчїлннѡ про_

растал, «как дерево, посаженное при источниках вод»⁵. Играми же пустяжными, которые присущи детям, не занимался, но более всего благую часть избрал. Его благодать Божия осеяла, и он светло постигал книжное учение. Как говорит песнопесец: «Коль сладки мне слова твои, слаще меда устам моим»⁶. Весьма же возлюбил он кротость и целомудрие и любовь ко всем, более же всего чистоту телесную. Благоизбранные же и вселюбезные чадолюбивые родители его, видя отрока своего озаряемого такою благодатию, великою радостью возрадовались о нем. Веселя его душу и утешая его сердце, окружили его известными своим искусством чистыми отроками, устраивали всякие угощения — повелевали же на избранных и породистых конях скакать с ним часто. Он же ради родителей своих изредка исполнял их желания. Но дела сего, которое навечно начертано, не оставлял, уповая на блага вечные на небесах и всегда о них духом горя. Ко единому Господу, Владыке всех, устремляясь, пристально взирал на ангельское славословие, повторяя: «Прилепилось сердце мое к Тебе, Боже, и ко Святой Церкви Божией!» Не откладывал на потом того благоутешного времени. Тут же со многим вниманием и скоростью внимал Божественному Писанию, дома же всегда изучал благодатные и памятные книги — как жили в прежние времена достоудные мужи в этом временном мире, почерпывая из них навыки духовных подвигов. Также узнал о воинской храбрости, подобно тому, как многотрудная и премудрая пчела собирает с цветов благоуханный и сладостный мед, так и этот юноша исполнялся от книг многой благодати.

стирѣлся, ^{мнѣ} ^{дрѣво} прїи/сходицихъ водъ. На игры же / пѣстошныя ѣакоже
 обычай / ѣсть дѣтемъ, никакоже / оустремляшеся. Но паче / бл҃гю
 часть и звираше. / Егò же ^і бл҃годать Бж҃їа обрѣнѣ/ше, ^і ѣсно вразум_
 ллется / книжномъ оученію. ^ѿ него / же сокровища премъ/рости и ра_
 зума сокровенно веселѣа при/чащается. ^ѿкоже стѣпѣ/31/снѣцѣ вкѣсз.
 Коль сла/ка словеса твоѣ паче мѣда оустомъ / моймъ. Велии же люб_
 лѣше / кротость и цѣломъ/рїе и любовь / ко всѣмъ, наипаче же чисто/тѣ
 тѣлеснѣю. Бл҃гоизвѣр/нии же и вселюбезнии чадолю/бнѣи родители егò.
 Видѣвѣ/ше сицевыми озарѣишася / бл҃годѣтнаго своегò цвѣта. / Зѣлою
 радостію распалающе/ся к немѣ, и веселѣше егò дшѣ, / ^і оупокоевѣюще
 емѣ сердце. При/ставиша к немѣ славокраснѣ/тельными неблазненныа
 ѿ/троцы со вслѣзѣмъ оутѣшеніе^м. / Повелѣваютъ на избранныхъ / ^і
 оурядныхъ конѣхъ създантѣ /31об./ с нимъ почастѣ, онъ же роди/телей
 своихъ радма. Помалѣ / семѣ касашеся по своемѣ шче/ствѣ. Но дѣло сегò
 что вопіе^т / прѣно. Онъ же паче всего оупо/ваніе имѣа вѣчныхъ бл҃гъ /
 свщныхъ на небѣхъ. И к томѣ / всегда дхòмъ горѣ, к семѣ же / ко единомѣ
 Гви всѣхъ влацѣ / тцѣтелно взираа, и на аггль/ское славословіе исправ_
 лѣлся. / Прилпѣ вѣнѣ сердце моє глаше / к тебѣ Бж҃е. И къ стѣнѣ
 Бж҃їи / цркви не залагала никогда же / того бл҃гоутѣшна времени. / Тѣ
 же со многими вниманіе^м / и скоростію послѣшала Бж҃ес/твенаго Писа_
 нїа, в домѣ же всегда /32/ въ бл҃годѣтныа и в пѣмлатнѣ/ныа книги
 взираше, како / быша прѣжнихъ досточю/ныхъ / мѣжъ пребыванїа, в нихъ
 же / и временное прехожденіе. И / ^ѿ того доволно навѣче дхò/внаго
 исправленїа. Та же / вразумлется и войнскою / храбрости, ѣако же
 много/треднаа и прехитраа пчела / шцвѣтѣмъ собираетъ мно/гочю/хан_
 нын сладостныи мѣ. / Тако и сїи юноша исполнися / ^ѿ того многи

От друзей же своих и сверстников уклонялся, от фантазий же юных и от пребывания с единовозрастными удалялся, будто бы от пламени. Стремился же с самыми благими мужами корабль свой в пучину не ввергнуть, процветая во всех добродетелях. Многие же благоразумные люди удивлялись смиренной мудрости и благонравию его. И докатилась молва до величества — великого князя всея Руси Василия Ивановича.

О преставлении великого князя Василия

Застигнув врасплох, сокрылась ввысь к праведному солнцу — Христу в вечное сияние от наших глаз светозарная звезда, кротко чудный и пресветлый в добродетелях великий государь и великий князь всея Руси Василий Иванович, нареченный во ангельском образе Варламом⁷. Исполнил общий смертный долг, мрак и могила сокрыли его любодаровитые очи. О таких богоотец Давид радостно восклицает: «Праведники наследуют землю»⁸ и «если есть потомство у человека мирного», то «семя его благословится»⁹. Два прекрасных цветка ввел он здесь, на земле, в отчее и деднее наследие — две ветви своего благочестивого царского корня — величайшего Ивана Васильевича всея Руси и юнейшего Георгия Васильевича всея Руси. А вскоре воспринял царский скипетр — отчее наследие, преславный князь Иван Васильевич всея Руси. Но и тогда Феодор за многие свои добродетели боговенчанным царем и самодержцем был любим. И с прочими благородными юношами был взят для услужения царю. Как

бл҃годати. / Др҃гѡв же і обычныхъ свон¹ / ѿтерзася, ѡныхъ же мѡ/д-
рованіа и со пребываніа / единовозрастныхъ оудалл² /32об./мса ѿ ннхъ
ѣко ѿ п'амени. / Ѿ самѣми же бл҃гими мѡжь/ми тѣшася корабль
гלבн/нѣ не предади. И во всѣхъ / бл҃гнхъ цвѣтѡцѡхъ емѡ. / Мнѡзи же
бл҃гообразнии / людїе двлахѡса ѡ смиренїи / мѡдрости. И ѡ бл҃гоуравїи /
его. И доиде слава до величє/ства великаго кнѣза Васн/ліа Иванѡвича
всеа Росіи. /

Ѿ преставленїи великаго / кнѣза Васнліа. /

Предварившася же свѣтѡз'орнаа звѣзда ѿ нашего / зрѣнїа сокрываѣтсѧ
вы/спрь. К праведномѡ / слнцѡ ХѢ в вѣчныа сіяніа. /33/ Крѡтко чюд-
нын и в добродѣ/телехъ пресвѣтлын. Вели/кин (кнѣзь) ¹ гдѣрь и великин
кнѣзь / Васнлей Иванѡвичь всеа Ро/сіи, во аггльскомъ образѣ / Варламъ.
Изводитъ ѡбь/щїи долгъ смѣртнын. Ѧбла/кѡ и грѡбъ покрываѣетъ емѡ /
любодаровитыа очн. Ѿ сн/цевыхъ Бгѡѡцѡхъ оубо двѡдъ / радостнымъ (гла-
сомъ) ² воскн/цал гласомъ: Праведницы / наследатъ землю. І ѣко /
ѣсть ѡстанѡкъ члѡкѡ мирнѡ, / и сѣмѧ его во бл҃гословенїи / ебдетъ. Два
оубо прекрасна / цвѣта свѡа ѡнъ возводн^т заѣ / во ѡчєе и дѣданєе пре-
быванїе /33об./ наследїе, бл҃гочестиваго своєго цр҃каго корени двѣ ѡрасн
/ ѡставлѣетъ. Величанша/го Иванна Васнльевича всеа / Росіи. І юнѣи-
шаго Георгїа / Васнльевича всеа Росіи. И по/малѣ времени воспрїа цр҃кїе
/ скипетры ѡчєе наследїе до/стоухвалнын кнѣзь Иваннъ / Васнльевичь
всеа Росіи но / и тогда Феѡдоръ за премно/гѡю его добродѣтель, бл҃го/
вѣнчаннымъ цр҃емъ и само/дѣржыцѣмъ любнмъ быва/етъ, и со прочнми
бл҃горѡд/ными ѡноши въ слѡженїе / цр҃ьское оучинлѣтсѧ. Ико же / рече

¹ Слово, поставленное нами в скобки, в рукописи зачеркнуто.

² Это слово тоже зачеркнуто.

говорит Писание: «Мягкую одежду носящие — в домах царя находятся»¹⁰. И хотя он был почтен славою этого мира, но еще более украшался смиренной мудростью, нимало не изменив свой благой нрав. Царь же, видя его мудрое благочестие и верное служение, еще более возлюбил его. Феодор же, как верный раб, держался двух вещей: всегда соблюдал Божии заповеди и точно исполнял царские повеления, неправую веру искореняя. Памятуя, что мучение бывает учителем благочестия.

Когда же исполнилось ему тринадцать лет, по обычаю пришел он в храм на славословие Божие. И по некоему Божественному усмотрению, позаботившемуся о нем, во время божественной литургии читал иерей святое Евангелие: «Невозможно человеку одним оком на землю глядеть, а другим на небо. Ни служить двум господам — либо одного возлюбит, а другого возненавидит, или одному будет служить, а о другом нерадеть»¹¹. Глубоко поразили сердце Феодора эти слова, будто были ему сказаны. И начал он усердно размышлять, как бы не лишиться вечной радости, а святое прикосновение вечных тех Христовых слов в мыслях своих утвердить. И вспомнил он о лавре преподобных и богоносных отцов наших Зосимы и Савватия, ибо слышал от многих истинных свидетелей о Соловецком острове, находящемся в удалении от людей, на краю вселенной, в северной стороне, в океанской пучине. Будто бы там слышен шум празднующих и голос радости под кровом обители праведных тех мужей Зосимы и Савватия. Где шумит густая листва и прекрасные ветви духовного сада расцветают и разносится негибнущий аромат от Божественных писаний и к Богу направляют иноки ангелообразные свои мысли. И многие к то-

истинна. Малкаа носѣ/34/щей в домѣхъ црковъ сътъ. / Яще ѿ міра
 сегò почтенъ / славою но призлиха смире/номъдріемъ оукрашаша, /
 блгін во свой нравъ никако/же ѿзмѣни. Видѣ же / црѣ м'ростное егò
 блгочестіе, / ѿ к себѣ правое служеніе, / призлиха нача егò любви. /
 Феодоръ же ѿко вѣрнын ра/бъ оное хранаше, Бжїа за/повѣди соблюдалъ
 прѣно. И / црковое повелѣніе доверѣ стрò/лше, словѣрїе же ѿскоре/ни ѿстер_
 залъ бываецъ са/днтель блгочестїа. Егда же / приспѣ^ѣ тридесать лѣтъ /
 совершеніе вòзраста своегò. /34об./ Яко же естъ обычан отрокъ / при_
 ходити на славо^ю віе Бжїе / въ црковь. Во єдинъ оубо ѿ днѣи / вшедшъ
 емъ в црковь. Бжє/ственномъ нѣкоемъ смотренїи / призрѣвшъ на нь. Во
 время / Бжєстvenaго гласованїа чтѣ/щъ іерѣю на литургїи стòе / еѡліе.
 Не мощно оубо члкъ єдн/немъ окомъ на землю зрѣти, / а дрòгнмъ на
 нѣо. Ни двема / гдїнома работати. Двоє єдн/наго возлюбитъ, а дрòгаго /
 возненавидитъ. Или єдинаго / держител, а о дрòзѣмъ же не / радѣти
 начнетъ. Обаче оубо / оуѣзвнса срдцемъ премьдрын / Феодоръ ѿко к
 немъ се речеса, /35/ ѿ нача оусердно размышлѣти / во оумѣ своемъ.
 Како бы вѣчь/ныа радости не погрѣшити, / ѿ стѣхъ же оскєненїемъ
 превѣ/чныхъ тѣхъ хвѣхъ словесъ, / тѣ в мысли своей вселїти. / Воспо_
 минаецъ о лаврѣ прѣвнѣ / ѿ Бгòносныхъ ѡцѣ нашинъ Зо/сімы ѿ
 Саватїа. Занеже слы/шалъ ѿзвѣстно ѿ мнòгихъ / нелòжныхъ
 ѿзыкъ, о словѣ/цкомъ томъ отòцѣ. И еже / вѣ во оудаленїи ѿ людєи
 ѿ в сѣве/рной странѣ, край вселенныа / во ѡклнстѣи пòчинѣ. Блше /
 же оубо тамо шѣмъ празандю/щнхъ. И гласъ радованенъ въ / кровѣ
 праведныхъ тѣхъ мѣ^{мъ} /35об./ Зосімы ѿ Саватїа. Идѣ же / дхòвнаго
 сада добраствїа / ѿ краснїи ѡрасн, восцвѣтá/ютъ ѿ негїблющнхъ
 арама^т / еже ѿ Бжєстvenныхъ Писанїи. / И о Бзѣ ѿсправлѣютъ агглоу/

му шумящему садами и обильному месту с верою притекают, дабы спасти свои едиnorodные и бессмертные души. Не только иноки, но и мирские люди там вырывают греховное терние и просвещаются душою изобильно и обогащаются мысленным елеем, ввысь ко Господу взирая. Итак он, Феодор, острым и скорым благоумным зрением и в сердечной правде к Вышнему Царю воззрев, в том богоспасаемом царствующем городе Москве подобающее поклонение сотворив в иных святых местах, жалостными слезами обливаясь и к чудотворным ракам припадая, обнимает их и, молебное прошение исполнив, подкрепившись надеждою и сотворив ко Творцу Господу молитву, так сказал:

«Господи, Боже, Просветитель и Спаситель мой и защитник жизни моей! Настави меня на путь Твой и пойду во истине Твоей!» И прочее. И оставляет пресветлое царское окружение, родителей же и всех родственников. И, попросту говоря, ревностно отвергнув всю земную мудрость, и, скрывшись ото всех, только захватив необходимую одежду, один с Единым пастырем своим — Христом — уединяется. И словно феникс простирает светломысленные свои крылья, так и он возжелал поселиться в кедрах духовных, среди благоуханных ароматов, имея сопричастником всюду следующего за ним от Бога дарованного ангела-хранителя. Не знал он точно — из-за огромного расстояния до места — точного пути и пришел в область Великого Новгорода. Есть там большое озеро, называемое Онего, а по краям его расположены деревни. И пришел он в одно село, называемое Кижы, и остановился у одного из жителей, по прозвищу Суббота. Доблестный же Феодор сердечную веру воплощая в делах, как

вразное своѣ воображеніе. И/же мно́зи к томѹ допроса^ано/мѹ и неза_
вѣстномѹ селѹ с вѣ/рою притѣкаю́тъ, (и) на испра/вленіе своимъ (...)
едино́родны^а / и безсмер́нымъ дшамъ. Не / токмо ищюцы но и мирстін
/ людіе, тѣ же всако истерза́ютъ терніе грѣхѹвное, и / дшєю просвѣ_
щаю́тсѧ. Изо/бѣило и богато мысленымъ / маслом и изра́дно выспрь_
ко /36/ Гдѹ визи́раю́тъ. Таже онъ Фе/одо́ръ ботрымъ и ско́рымъ блго/_
оумнымъ зрѣніемъ, и срочною / правостію к вы́шнемѹ Црю во/зрѣвъ в
бгоспаса́емомъ томъ / црѣвдую́щемъ градѣ Москвѣ. / Ключи́мое поклоненіе
сотвори^ѣ. / В мѣстѣхъ ѡнѣхъ стѣихъ / жалостными слезами обли/ва_
сѧ. И к чудотворнымъ ра/камъ припа́дала обзѣмла цѣ/луетъ. И моле_
ное прощѣніе со/верши́въ, и оупованіемъ крѣ/плшесѧ. И сотвори́въ к со_
тво/ршемѹ Гви млтвѹ гл҃а сн҃це: / Ги Бже просвѣтителью и спаси/телю
мои и защитителю жи/вотѹ моемѹ наста́ви мѧ на /36об./ пѣть Твоѣю,
и по́ндѹ во и/стиннѣ Твоѣи, и прочее. И о/ставля́етъ пресвѣтлое
црѣ/ское приближеніе. Сщество же / и все срѣство, и спроста рещи / вса
зѣмская мдарованіа со / всацѣмъ оусердіемъ во мѣ/ты / вмѣни́въ, и
оутанвсѧ ѿ всѣхъ / нбжными покрыва́лы то́чию / одѣлвсѧ, и еди́нъ ко
еди́номѹ / пастырю своѣмѹ Хѹ оуеди́ннсѧ. / Въ слѣдъ простира́етъ
свѣТло/мыслении свои крылѣ ꙗко Фини/ксы. Желал вселитсѧ в ке́дрн /
тѣ дхѹвныхъ блгооуханнѹхъ / арама́тъ. Соприча́тника и мѣл себѣ
вослѣдствдуща / ѿ Бга дарованнаго аг҃ла храни/37/телл. И долготы ра́дн
раствол/ниа мѣста не право зна́лше пѹ/ти. Приходитъ оубо во ѡбла/сть
великаго Новаграда. Есть / оубо ѣзеро велико гл҃емо Онѣго. / Воскрай е́го
вѣси мно́ги. И тамо / дости́заетъ во еди́нѹ, и мл/нбемо Книжи, и при_
лѣписѧ ко / еди́номѹ ѿ жителей тол вѣси, / зовомыи Свѣота. Довліи
же / Феодо́ръ срочною вѣрѹ дѣлы и/сполнѧ. ꙗко же и вы́ше назна/

и прежде, Божественным заповедям повиновался: ни мешка не имея, ни двух одежд, ни денег в поясе, ничего другого, необходимого на потребу. Обогащался же только верою и добродетелями. И ради этого, по словам апостола, все считая как прах, приносит плод любовью к труду, исполняя многие ручные работы. Рассмотрением же ума, прилежа не столько к этому, но и ко всякой добродетели. И был на этом основании столь благоприлежен, что господин его, видя благонравие отрока, поручает ему пасти овец. С веселием же принимает юноша это: Господь Бог дал знак ему — пусть прежде бессловесных пасет¹². И так немало дней трудился он, желаемого не забывая.

Родители же его великий розыск учинили. Искали его и в царствующем городе повсюду, и по окрестным городам и селам. И не найдя, плакали о нем, как о мертвом. Доблестный же отрок, хранимый Богом, к желаемому стремился и вскоре достиг его: благополучно прошел землю и море и увидел благообразную красоту — островное селение вселенских молитвенников и чудотворцев Зосимы и Савватия. И, увидев пречудный этот дом, возрадовался весьма неизреченною радостью. И припал к чудотворному тому ковчегу, умильно его жалостнотворными и в то же время радостными душевными и сердечными слезами многие часы омывая, испрашивая помощи и заступления ради своего совершенствования. Принят же был игуменом того монастыря и иноками и был поселен среди живущих там. Настоятель же, игумен Алексей, так его звали, повелел ему трудиться вместе с другими приходящими и трудящимися на монастырских послушаниях. Он же, страхом Божиим ограждая себя, в послушании, со тщанием и смирением, в сердечной простоте

менахъ. Бжественнымъ повнѣнъмъ заповѣдемъ, ни мѣ/щца и мѣлше,
 ни двоѣ ^{мзѣ}, ни при / полѣ мѣдн. Ни иного нѣсого / иже на потребѣ,
 вѣрю же тѣ/кмо и добродѣтели обогачьса, /37об./ и сего ради по
 аплѣ вса оумѣты / вмѣни. Даетъ оубо плодъ свѣ / луботрѣдемъ
 мнѣгмъ. / Дѣло^м оубо рѣчнымъ і оумара³/смотрѣнемъ. И блше не
 тѣ/кмо к тѣмъ блгоклчымъ. / Но^и ко всакой добродѣте/ли блгопрѣ-
 лѣженъ сын, на / основаніи такоемъ нача / здати. Чтѣ оубо господи^и /
 егѣ видѣл произволѣніе отро/ка овецъ паствѣ рѣчатъ. / Веселъ же са
 пріемлетъ ино/ша ГѢ Бѣ прозрѣвшѣ о немъ. / Да прѣжде словесныѣ
 безсловѣ/сныа добре оупасетъ. И тѣ/ко пребывъ немало днѣи к же/лаемо-
 мѣ влечашеся. /38/ Родителе^м же егѣ взысканіи (бы)/ великѣ бывшѣ о
 немъ. По искѣ/вше егѣ въ цѣтвѣющемъ градѣ всюдѣ / и по окрѣстнымъ
 градомъ / и всемъ и не обрѣтше, и пла/кашася аки по мѣртвомъ. /
 Предобли иже отрокъ Бгѣмъ на/едимъ на предѣла простираа/са. И не по
 мнѣзѣ же времени / желаемого не^мгрѣши. Блгопо/лчно прѣходитъ
 зѣмлю и мѣ/ре. И достигаетъ во блгодѣра/зну тѣ красотѣ. Во оточ/ное
 селѣніе вселѣнскихъ мѣтве/никовъ и чудотѣйствениковъ / Зосімы и
 Саватіа. И се^{внла} прѣчн/дныи той дѣмъ свѣло возра(д)о/вася и неизре-
 ченною радостію. /38об./ И чудотворныѣ тѣхъ ковчегъ / оумильно припадѣ
 жалостно/творными и радостными / вкѣпѣ дшѣвными и срѣчными /
 слезами обливашася на мнѣ/гъ часъ. Помощи и застѣплѣ/ніа просѣ къ
 своѣмѣ исправлѣ/нію. Пріятъ же бываеъ / (і) игѣменомъ мнѣтрѣ того і
 и/нокн, и со^ттамъ и со живѣ/щими тѣ. Настолн же игѣ/менъ Алек-
 сѣй тако еѣ емѣ / и м. Трѣжатися емѣ пове/лѣ в мнѣтѣрскихъ слѣж-
 бахъ. / Со и нѣми приходѣщими и трѣ/жащимися. Онъ же страхомъ /
 бжѣимъ огражаася, со тѣца/ніемъ и смиреніемъ послаша /39/ в

все исполнял. Размышляя сам в себе о том, как Господь и Бог наш облекся в смиренный и рабский облик, оставив славу неизреченную, тебе и нам подобен был. Бесчестие и поругание, и уничижение ради нас претерпел и был осужден на позорную смерть. О распинающих Его Он молился и до сих пор не оставляет нас Своей любовью, но милость Свою всегда нам подает.

Все это Феодор себе доблестно напоминал, внимая настоятелю, заповеди его с горячностью соблюдая, ко всем питая любовь и всем со смирением в Господе покоряясь. И трудился со всяким усердием, как ему повелевали. И многие скорби и труды перенес, словно раб, трудясь год и еще полгода и больше. И было странно видеть, как сын таких славных родителей, воспитанный в сытости и довольстве, занимался таким тяжким трудом: рубил дрова, копал огород, таскал камни, и на рыбной ловле тяжким трудом не гнушался и все иное со старанием исполняя. Неоднократно навоз на своих плечах таскал, удобряя овощи, и на мельнице со всяким усердием трудился, неоднократно же неразумными людьми был уничижаем и даже бит, но он, нравом подражая своему Владыке Христу, унижаем был — не гневался, били его — радовался, терпел все со смиренной мудростью. И никто не знал — кто он и откуда. Но сам он, удивительный юноша, смотрел на монастырь и как в нем иноки живут и как заботятся о своих бессмертных и едиnorodных душах, как целомудрием облакаются и правдою опоясываются, как совершают постнический путь, как веселятся, умерщвляя плотскую свою похоть, как с великой любовью пьют

простотѣ срѣца, разбѣмнѣ / вслѣ творѣше. Помышлѣла бо / в себѣ како Гѣ
 нашь і Бгѣ в рабѣи / и смиренныи образъ облечѣса, / ѿ славы неізре-
 ченныа и заіавъ / себѣ, и намъ подобенъ бывъ, / бѣ³чѣстїе и порубганїе і
 оуничижѣ/нїе насъ ради претерпѣ, и конѣ/чнѣ поноснѣю смѣртъ, і о
 ра/спинающихъ єго молѣшеся. / И по снхъ же не остави єже к на^м /
 любѣ, но мѣть свою всегда / намъ подаѣ. Сїл оубо Феодо/ръ обрацїал во
 оумѣ доверора/збмно к настоѣтелю творѣ. / Любѣю к немѣ теплѣ
 заповѣ/ди єго соблюдал. Любѣ же ко / всѣмъ имѣл и всѣмъ покарѣ-
 /39об./шеся со смиренїемъ о Гѣ. И трд/жался со вслѣцѣмъ оусердїемъ,
 / а може повелѣно бываше, и / мнѣи скорби и трдѣи подѣл, / їако
 бѣ³скѣпныи работал лѣто / и полъ и вѣщѣше. И бѣ оудн/влѣнно ви-
 дѣти. Їако тако/вѣ родителю (и) чѣстнѣ чѣдо и / славно, и в мѣхкостї и
 в по/кѣи воспитанъ, таковыи мъ / жестокимъ дѣламъ себѣ вѣ/давалъше.
 Дрова оубо сѣкїи, и / зѣмлю копѣл во оградѣ. И кѣ/менїе преносѣ, и в
 рыбныхъ ло/вїтвахъ вслѣкѣ талготѣ полѣ. / і їна вслѣ таковал со
 тцїанїемъ / дѣлаше. Мнѣи же и гнѣ / на плещѣ своѣи носѣ, и на
 оустро/сїи /40/ зѣмлю полагаше. И на мѣль/ницы со вслѣкимъ тцїанїемъ /
 работаше. Мнѣи же / ѿ неразбѣмныхъ члѣкѣ оу/ничижаемъ и бїемъ,
 но / правомъ всѣмъ подражал / влѣки своєго Хѣ. Оуничижа/емъ не
 гнѣвашеся, бїемъ / радовашеся, со смиреномѣ/дрїемъ вслѣ терпѣше. И не
 / бѣ знаемъ ни ѿ когѣ же, / ктѣ и ѿкѣдѣ єсть. Но па/че же онъ
 пречїудныи отро/кѣ разсмѣтрѣше мнѣрѣ / того. Како в немъ їноцы /
 живѣтъ і имѣютъ попе/чѣнїе ѿ еди^нродныхъ и без/смѣртныхъ своихъ
 дшѣхъ /40об./ і їже цѣломѣрїемъ облѣцаютсѣ / и правдою преполсѣют-
 сѣ, і / исправлѣютъ пѣстническоє / течѣнїе. Веселѣтъ же сѣ оу/мерщїе-
 нїемъ плѣскїа своѣл / похоти, и сѣбною любѣю / пїютъ чѣшѣ стѣю

от Чаши — Святую кровь Христову, от которой вечную жизнь принимают.

И все это премудрого этого мужа — то, что он сам достоверно увидел, нежели то, что он ранее слышал, — в неизреченное удивление ввело. Навсегда отсекает он мирские мудрования и, ревнуя, решил духовными чернилами одежды свои обагрить, более же того — душу свою просветить. И зажегся он божественным огнем Утешителя, которым насытиться невозможно. И с радостной душой, с духовными слезами припадает он к ногам пастыря пречестной той лавры и молит его, а с ним и во Христе избранную братию, чтобы и его присоединили к богоизбранной их крепости. Всечестной же той лавры настоятель Алексей и все во Христе братья возрадовались этому благому желанию, видя мужественное и трудолюбное его усердие. Зная, что он не только в миру все благие порядки исполнял, но и чернеческое житие постиг с помощью Господа Бога. И постригают его в ангельский образ. Он же с момента отрезания волос с головы своей отсекает и плотскую мудрость и все, что в мире. И вместо Феодора дают ему новое имя — Филипп. И для возведения к благоустроению отдается в послушание учиться иночеству и благочинию монастырскому одному предивному мужу, ради Одного Бога живущего — иеромонаху Ионе, который вторым управлял тем монастырем и был сопричастник преподобному отцу Александру Свирскому¹³. Богомудрый же Филипп проживал с тем честным старцем во многом благочинии. У него в душевном смирении всем заповедям и всем добродетелям на деле научился — днем в трудах и постах, ночью же, часто без сна пребывая, молился. Предсказал же о нем дарованным от Бога пророчеством старец его: «Этот будет, — сказал, — настоятелем во святой обители этой».

Так и было. Вновь же в поварню пастырь Филиппа

крѡвь Хвѣ. / ѿ немъ же живѡтъ вѣчныи / пріемлютъ. И се велеоумнаго / мѡжа сегѡ достовѣрно видѣ/ніе паче слѡха оубѣрлютъ. / В неизреченно оудивленіе ввѡдѡтъ. И до конца ѡсѣкаетъ / мирскѡмъ мѡдрованію со всею / славою. И ревнѡл поревновѡ / дѡхѡвнымъ черниломъ ризы / своѡ обѡгрѣ_
ти. Но и паче же / дшѡ своѡ просвѣтити. /41/ И к семѡ разжегса не_
сытно оутѣ/шителевымъ Бжественнымъ / огнемъ. И радостною дшєю / пречтѡнымъ толъ лѡвры к пѡсты/ревнымъ ногѡмъ, со дѡхѡвными / слезѡми припадаетъ. И мѡлитъ с нимъ ^{вн} ѡ Хѣ братіи, / ѡако да и ѡнъ ѡ нихъ тѡмо со/четанъ бѡдетъ, къ вѡнз/бранномъ ихъ ѡгражденію, / всечтѡнымъ же толъ лѡвры на/столи і Іакобѣи, и всѡ ѡ Хѣ / братіа возрадовашася сегѡ / блѡгомъ произволенію. Видѡще мѡжественое и трдѡмѡ/бное егѡ тцѡніе. И прозрѡще / еже ^{ѡнъ} не токмо в мѡрѣ мирскѡмъ / блѡгамъ исправ_
ленію творѡше, /41об./ но и чернеческомъ правнѡ на/выкша. Гѡ Бгѡ поспѣшествѡ/ищѡемъ, постригѡша егѡ во / аггльскіи образѣ. ѡнъ со ѡл/тѡемъ власъ главы своѡл вкѡ/пѣ ѡлагаетъ и плотьскѡмъ / мѡдро_
ванію, и всѡ ѡаже в мѡрѣ. И в Феѡдора мѣсто нарѣ/кѡша ѡмѡ емѡ Филиппъ. / И на исправленіе предаетса в / послѡшаніе и внимѡти чер_
нѣ/чествѡ и блѡчинію мнѡты/рскомъ, нѣкоемъ дивнѡ мѡ/жѡ едѡномъ ^{Бгѡ} живѡщѡ ѡменѡ / ермоначѡ Іѡнѣ. Иже вторѡмъ / правѡше мнѡтрѡ того, иже / и бысть сопричастникъ пре/подобномъ ѡцѡ Іакобѡ дрѡ свѣ/42/рск_
комъ. Бгѡмѡдрин же Филипъ живѡше оу того чтѡнаго / старца во блѡчиніи мнѡзѣ. / ѿ него же всѡкѡ заповѣдъ, / и всѡкѡмъ добродѣ_
тель во сми/реніи дшѡ дѣлы наоучивса. / Вѡ дни оубѡ в трдѡхъ и по_
сѣѣ. / В нѡщѡи же мнѡгаци бѣ снѡ пре/бывѡмъ молѡшеся. Проречѣ /
же ѡ немъ ѡ Бгѡ дарованнымъ / прѡбѡчествомъ старецъ егѡ: / Сѣи бѡ_
детъ, речѣ, настоѡтель / во стѡи обитѡли сѣи. Ёже и / бысть. Паки же в

посылает и там, в молчании, с послушанием, ради братии трудился. Разводя огонь и рубя дрова, он размышлял о геенском огне. Все делал он со смиренномудрием и немало дней провел в трудах. Затем переводят его в пекарню. Но и там он не предается лени, умерщвляя телесные похотения — дрова на плечах своих нося и воду таская, недосыпая и на земле отдыхая, ведая, что болезни в молодости значительно облегчают борьбу с плотью. В храме же бывал постоянно, памятуя псаломские слова царя Давида: «Увидь смирение мое и отпусти все грехи мои»¹⁴. И в других чернеческих трудах преуспел — и в соборном пении и в послушании всегда был первым. Верша труды свои, всеми был любим, и почитаем, и хвалили его. Он же, не желая из-за земной славы будущего царствия лишиться, с великим усердием и после основательного размышления, горя желанием безмолвия, покидает киновию и на том же острове начинает пустынножителство. Желание к желанию прилагая, и желая всегда с Богом пребывать, крайне жестокое начинает житие: известным вниманием отовсюду чувства обуздав, ум же к Богу возвысив, упражнялся в молитве и размышлял о Боге. Так свою жизнь устроил, что все бесовские козни Божиим посохом державно победил. И всенощными стояньями и слезными источниками очистив сосуд избранный, — свою душу, — достиг дарований духовных, прожив немало лет в затворе. И вот возвращается в монастырь. Терпеливо проходя киновийное житие в послушании, страдания преодолевая смиренномудрием и украшаясь многим безмолвием, и вразумляемый Божественным размышлением — каждый день представлял все краше. Увидел же

магерницѣ / Філіппъ пастыремъ послылаетсѧ. И тамо с молчаніемъ / в послышаніи на братію трѣды полагаетъ. Огнь оубо /42об./ возгнѣшасѧ и дрова сѣкии. Геонкаго бытіе огнь во оумѣ / си помышласѧ. И всел со смиренномудріемъ проходил. Дни / же тамо пребывъ немало, / и в пекорницѣ ѡходитъ. / Ни тамо бо разлѣненіе пріемлетъ. Тѣлесн же и тѣлѣснаго похотѣніа и звѣстное / оумерщивеніе. Дрова оубо на / рамѣ своемъ влекіи и водѣ / носѧ, в дѣніемъ же и на землѣи леганіемъ за возрастъ / младюи болѣзни облегчавѧ. / Трѣды оубо оудрѣчашесѧ собога же не ѡдѣчашесѧ. На пѧмти имѣѧ псаломское / Дѣдово слово. Вниждь смиреніе/43^{ше} мое и трѣдъ мой и ѡпѣсти всел / грѣхѣи мол и прочее же в дѣлѣхъ чернеческихъ блгоискѣствѣтъ. В соборномъ пѣніи и в трѣдѣхъ первын обрѣташесѧ. По совершеніи же послѣдніи. И бысть всѣми людемъ и почитаемъ и хвалѧ. / Он же не хотѧ славою земною / вѣдѣшасѧ славы лишитисѧ, / с потцаніемъ великимъ и с надежнымъ мрваніемъ, и желаніемъ безмолвіа ѡкиновѧ / исходитъ, того же острова селеніе пустыню любзаетъ. / И желаніе к желанію рѣно прилагѧ, и бѣи спрєбывати всегда жадѧ. Крайнемъ жесто/43об./комъ житію себѣ вдавѧ. И / вниманіемъ оубо и звѣстны^хм / ѡвсюдѣ чюства опрѣтавѧ. / В бѣдѣ же оумъ возвысивъ вѧ / млтвѣ оупражнѧшесѧ, и / бжественнымъ поученіе твоѣмъ. И житіе расчѣтъ добрѣ. / Бѣсовскіи бранни, бжїимъ / пособіемъ державнѣ повѣдѧ. И всенщными столѣми и источниками слезными / дшѣ очистиѧ. Сосѣдъ избрѧнъ дарованіи дхѣвныхъ бысть. Житіе же высоко немала лѣта препроводѧ, / в киновию пакн возвращае/тсѧ. Терпѣливо оубо послышаніемъ киновінскѧ /44/ страбы смиренномудріемъ проходилъ. И безмолвіемъ мнѣгымъ оукрашасѧ, и оумѧ / размотреніемъ оудобрѣнъ / на всѧкъ днь гавласѧ.

игумен Алексей, как он превосходит всех в подвигах — удивителен разумом и рассудителен и многим украшен смирением, мужествен в делах добродетели, — и радовался о нем весьма, и помощником и соратником сделал его во многих служениях. И повелел ему заботиться о послушаниях послушников. Он же, страхом Господним ограждаясь, горячею к нему любовью разгорался, усердно исполняя его повеления. И поскольку, как сказали, во всем имел Алексей помощником блаженного Филиппа, стал он для отца настоящею рукою, посохом, старость его поддерживающим, облегчая болезнь и всякую злую печаль от него отгоняя. Отягощал тело свое церковными трудами и службами, душу же умащал учением — вниманием к Божественным словам. Воспитывал и украшал себя благими нравами. Служил же так Филипп благоразумно и богоугодно девять лет, отеческими молитвами и благословениями насыщаясь. Но Алексей, видя его совершенства, дивился и понимал, что жизнь его превосходит жизнь многих. И начал его убеждать и многих других в том, что достойно и похвально ему вместо себя игуменство принять и наставлять братий. И убеждал и умолял его, сам же из-за старости и многих трудов хотел сложить игуменство и пожить в уединении. Ибо понимал, что собралось много братии в монастыре, и потому заботился, чтобы избрали они более достойного наставника. Но дивный Филипп во всем смирением украшался — не желал начальства принимать, отказывался от власти, как от тяжести великой, — желая более повиноваться, нежели наставлять иных. Знал блаженный, что легче и удобнее для спасения быть иными наставляемым, нежели самому

Видѣ же єго и҃г҃уменѣ Алексеѣи / тако превосходѣца подви҃ги. / И чюда на смыслоу и раѣсуднѣ/телна свѣца и смиреніемѣ оу/крашена мноугимѣ. И мѣ/жествена в дѣланіихѣ до/бродѣтельныхѣ, радоваше/сѣ о немѣ свѣло. И с помѣощни/ка и содѣвника имѣше єго. / Во мноугихѣ слѣжєніихѣ и по/печєніихѣ о начѣлныѣ слѣжбахѣ / оустраити ємѣ повелѣ. / Онѣ же страхомѣ Гниѣмѣ о҃гра/44об./жаѣсѣ теплѣ к немѣ любовію / раѣгарашеѣ заповѣди єго / творѣ оуѣсєрдно. И понєже / ѣако же рѣхомѣ во всємѣ имѣ/лше Алексєѣи споспѣшника / блѣннаго Філіппа. И тако / вєсь бысть ѡцѣ рѣка истаѣ. / И жєзѣлѣ стѣрѣсть подѣемѣ/щии. Болѣзни обѣлѣаѣ и всѣ/кѣю лютаго бывѣющѣю ѡсѣ/кѣ/кѣѣ печѣль. Тѣло оуѣко своє / отагчѣваѣ црѣковными трѣ/дѣи и слѣжбѣми. Дшѣ же оу/маціѣлѣ поуѣчєніемѣ Бжѣствє/нныѣхѣ глѣзѣ вниманіемѣ. И / бл҃гнѣхѣ нравѣзѣ оудобрєніемѣ / оукрашѣѣлѣ прилѣжно. Слѣ/жащѣ же єнцє Філіппѣ бл҃го/45/ раздѣмѣ же и єгоуѣгоднѣ / дѣбѣлѣ лѣтѣ. Млѣтѣ ^{мѣ} / и бл҃гословєніѣ ѡчѣ насыціѣ/лѣ. Но оуѣко Алексєѣи тако / єго превосходѣца видѣ. / Превєлію нѣкѣю вєшь сєгѣ / житіє прораздѣмѣваѣлѣ дн/валѣшеѣ. И начѣстє ємѣ / глѣше і инѣмѣ мноугимѣ / сє ѣѣвѣ творѣше. Ыако до/стѣино и бл҃гохѣвало ємѣ / в сєкє мѣсто и҃г҃уменѣтѣво / прїѣти. И наставѣлѣти / вратію. И словєсы наказѣлѣ / єго и молѣше на сїє прнѣводѣ. / Самоѣмѣ оуѣже врємени радн / стѣрѣсти и трѣдѣвѣзѣ мноугнѣ сєгѣ ѡрннѣ/щѣсѣ, и хотѣлѣ/45об./щѣ осѣбѣ жити. Видѣше же / и мноугѣ вратію зєвнѣющѣ/сѣ. Тѣгѣ радн печѣшєсѣ да / долѣєншаго наставника и/звєрѣтѣ. Но чюдныи Фн/ліппѣ во всѣхѣ смиреніемѣ / оукрашѣѣлѣ. Не хотѣше на/чѣлѣство воспрїѣти, и влѣ/сти ѡвращѣшєсѣ, ѣако тѣл/готѣ велѣкѣѣ. И покинѣвѣ/тисѣ хотѣше, нєже на/стѣ/влѣти иныѣхѣ. Свѣдѣшє / вѣ блѣнныи ѣако легчѣише, / и оудѣбнєише ко спасєнію на/ставѣлѣтисѣ ѡ инѣхѣ. Пѣ/чє нєже самоѣмѣ

других наставлять. Изначала установлено — более всего таким мужам, живущим добродетельно, подобает начальствовать — многого искусства, и целомудрия, и разума требует должность эта. Если мы видим иноков, стремящихся к воздержанию, видим их благие поступки и слышим благие слова — то представляем себе их успехи. Настоятелю же подобает не только видимые, но и мысленные подвиги, внутри души совершаемые и в тайне ото всех творимые, знать. И исправлять злых, ибо, умножаясь, могут натворить немало вреда. Об этом блаженный размышляя, отказывался начальствовать, словно говоря: «Не помышляю даже недовольным быть этим святым! Разве только высшее начальство, управляющее нами, скажет обо мне, что я более других способен к этому делу?»

Но хотя и не желал чести и последним желал быть, по Божьей благодати и вопреки собственному желанию предана была ему власть. Алексей созвал иноков и поведал им, что старостию отягощен и болезнями одержим и спросил их, кого они хотят настоятелем избрать после него, чтобы он жизнью их верно руководил. Ибо ведал добрый муж, что никого иного, но Филиппа выберут. И словно все одним голосом сказали: «Нет лучше наставника, нежели Филипп, — и в жизни духовной, и разумом он богаче и во всех вещах искусен». Услышал Алексей, что все согласны, и без отлагательств передает ему власть. После всего этого блаженный Филипп уже не знал, как ему отказаться, и принимает власть. Они же возвеселились единомушно. Некие же из братии решили пойти с ним в Великий Новгород, украшавшему тогда престол премудрости слова Божия, к архиепископу Фео-

наставляти. / Ико же и ѿ дѣвниихъ оуставлено бысть. Но и паче же та/46/ковымъ мѣжемъ иже в добродѣтели живѣщихъ во мнѣзѣ / чюствѣ начальствовати / подобаетъ. И мнѣга искѣства и цѣломудрїа и разума / требуетъ. Мы оубо аще о / воздержанїи тѣшася иноки вѣдимъ, и дѣла и словеса / ихъ блгаа в предспѣланїе полагаемъ. Истину же не токмо / сїа но и мысленнымъ подвигомъ, / иже вѣдѣши бываемы / и в сокровне творимы, подобаетъ прѣстателю испытовати, и исправляти. / Сїа оубо зѣла аще оумнѣжатсѣ, болше мѣгутъ пако/сть сотворити. Сїа же оубо /46об./ величество блженн(ыи) размышляа. Начальства ѿрицаше/сѣ, іако же рѣхомъ, не мнѣти же недовольна сѣща к семѣ / стѣго. Ико и вышше сего доброе начальство правл. впре / идыи слово обьявїтъ. Ктѣ / бо ѣного вѣще тогда к таково/мѣ дѣлѣ. Но понеже не хотѣ/ше кснѣтисѣ чести, и в послѣднихъ изволаше быти. / Бжїею же блгодатїю и не хотѣ/щѣ емѣ предана бываетъ вла/сть. Всѣ оубо Алексѣи иноки / созва старостїю пре(к)лонѣна, / и недѣгомъ одержима себѣ по/вѣда. И вопрошаетъ ихъ, / когѣ и зволатъ настояте/ла /47/ себѣ по немъ. И ктѣ житїе / ихъ блгоуправлено окормля/летъ, свѣдѣше бо доб(ь)/лїи іако не на иного когѣ но / на Филиппа избранїе возло/жатъ. И іако оубо едїнемъ / глагомъ всїи рѣша, не быти / лѣвши Филиппа к наставлянїю. Иже житїемъ и раздѣломъ преишша. И о всѣхъ / веще искѣсна сѣща. Слыша/в же оубо Алексѣи іако всїи / согласїшасѣ на сѣ. И нимало ѿложївъ прочее порѣчѣ/етъ емѣ вла/сть. Сїм же / всѣмъ не имѣа како прѣтї/витисѣ блженнымъ Филиппѣ, / и нехотѣа прїемлетъ вла/сть. /47об./ Онї же возве(селїша)сѣ едїно/дшно. Нѣцыи же ѿ вратїи / потѣшасѣ ' ннї. В великїи / Новогрѣдѣ. Оукрашающѣ / бо тогда прѣболѣ прѣмѣдр/сти бжїа слова

досию. Христовую же благодатию безбедно прошли через моря и реки и достигли Великого Новгорода. Посланные же иноки пришли к архиепископу и отдали ему послание игумена и братии и говорят: «Владыка святой! Молит тебя собор Соловецкой обители, да поставишь нам игумена, посланного с нами монаха Филиппа». Архиепископ же спросил: «Почему его не вижу?» А он и прежде, чем увидел его, знал, каков он. Святой же пришел, сподобился святительского благословения и был собеседником божественных слов. И на вопросы благо разумно все по порядку отвечал. Святитель же, видя, что он во всем искусен и может пасти словесное стадо, во время Божественного таинства освятил его саном игумена и передал братии, сказав: «Это отец ваш! Храните его как образ Христов! И со всяким послушанием повинуйтесь ему!» Одарил же и отпустил их с миром. Так же и многие христоролюбцы дали монастырю богатую милостыню.

Итак, изобилуя всем, возвратились в монастырь. Узнали же в монастыре о прибытии его. Бывший игумен Алексей и все иноки вышли навстречу ему и честно восприняли от него благословение и вошли в храм и сотворили ектенью за православного царя. И чтобы все было прекрасно, подает им послание архиепископа и был возведен на место игуменское и, довольно поучив их, повелел иереям и диаконам готовится к Божественной службе. Сам Таинство совершает и причащается Тела и Крови Христа, Бога нашего. Также и вся братия причащается из рук его. И видели лицо его, словно лик ангела. Преподобный же Филипп, хотя и принял старейшинство, но еще более предавался духовным подвигам и обременял себя многими телесными трудами, стремясь к лучшему.

архієппъ / Феодосію. Хвѣю же бл҃года/тїю стрѡннѣ шествова(Т)хъ / пѣть
 по морю и по рѣкѣмъ. / И достигаютъ великаго Но/ваграда. Посланіи же
 ино/цы пришѣдше ко архієппъ. / И вѣдѣи и҃гѣменские / и братїи писаніе. И
 рекѡша: / Влѣико ст҃ын мѡлитъ тѣ со/боръ Воловецкіа обїтели. / Да
 поставиши намъ и҃гѣме/на, посланнаго с нами мо/наха Філіппа.
 Архієппъ же /48/ рече: Почтѡ егѡ не виждь. Бѣ / вѡ емъ і прѣже при_
 шествїа егѡ / вѣдомо какѡвъ бѣ. Отѡмъ / же пришѣдшъ, бл҃гословенїю /
 ст҃льскомъ сподоблетсѣ, / и советѣдникъ Бж҃ественъ / словесъ вываѣтъ.
 И по во/прошенїю бл҃гора³сѣдне по/радъ всѣ сказаѣтъ. Отъ / же видѣ
 егѡ іако и҃скѣсна сѣ/ща и могѣща пѣствїти сло/сное стадо. И вѡ время
 Бж҃е/ственаго тѣинства. Отїи / егѡ сїенїа и҃гѣменства сѣ/номъ. И
 предаѣтъ егѡ бра/тїи и рече: Се ѡцъ вашъ. / Имѣйте егѡ во хвѣз
 образъ, / и со всѣкимъ послѣшанїемъ /48об./ покарайтесѣ емъ. Одарив
 же / егѡ и ѡпѣсти с мирѡмъ. Тѣже / и мнѡзи хрїтолюбцы даша /
 мїтрью доволнъ мл҃твнн. / И тѣко обїаиѣиши всѣмъ / в мїтрьь воз_
 врацаѣтсѣ. / Оувѣдѣвшѣ же в мїтрьѣ при/шествїе егѡ бывшїи же
 и҃гѣ/менъ Алексѣй и вси иноцы. / Изыдѡша во стрѣтенїе егѡ. / И
 честнѣ воспрїемлѣтъ ѡ / негѡ бл҃гословенїе. И внидѡ/ша во цр҃ковь, и со_
 творивъ / ектенїю за православнаго цр҃я, / и іако же лѣпо. И даѣтъ имъ
 / писанїе ѡ архієппа. И возве/денъ быѣтъ на мѣсто и҃гѣ/менское. И по_
 оучивъ ихъ /49/ доволно и повелѣвъ іерѣѡмъ / и дїакономъ гѡтовитисѣ
 къ / Бж҃ественнѣй слъжбѣ. И сѣ/мъ тѣинствъ касѣтсѣ. / И причастї_
 сѣ тѣлъ и кровї / Хѣ Бг҃а нашего. Тѣже и всѣ бра/тїа причастїшасѣ ѡ
 рѣкѣ егѡ, / и видѣша лицѣ егѡ іако лицѣ / аг҃глово. Прпѣвныи же Фи_
 ли/ппъ аще и старѣишинство / прїемъ. Но воля простира/ла на дхѡв_
 ныи подвигъ. И / мнѡжаѣ тѣлеснымъ себѣ вз/даваше трудѡмъ, подвї_

И так прошло немало лет, и он преуспел в стяжании добродетелей. И видя, как его почитают и восхваляют, он все это почитал за тщету, от юных лет украшаясь смирением и любя безмолвие. Задумал он вновь предаться безмолвию, нежели человеческими похвалами услаждаться. И оставляет игуменство, сложив с себя все обязанности. Как говорит псалмопевец Давид: «Далеко удалился бы я, и оставался бы в пустыне, поспешил бы укрыться от вихря, от бури»¹⁵. Братия же, собравшись на совет, возводит прежнего игумена Алексея на игуменство. Алексей же против свой воли повинуется братии и по благословению святителя принимает старейшинство.

Блаженный же Филипп, желая совершенно уединиться, посетил древний храм и ушел в пустыню, словно любовник возлюбя безмолвие. В монастырь же приходил лишь в тех случаях, когда желал причаститься Тела и Крови Христа, Бога нашего. Алексей же, управляя монастырем полтора года, тяжело заболел по Божьему усмотрению. Призывает же всю во Христе братию и повелевает и Филиппу из пустыни придти и говорит им о своем отхождении ко Господу. «Я, — говорит, — о чада, путем отцев своих иду. Вы же изберите себе отца по вашему желанию». И преподав всем мир, в руки Божии дух свой предает. Дивный Филипп и весь сонм священного притча, сотворив над телом отца положенные псалмы, с песнопениями и со многими свечами к могиле проводив, честно погребли его рядом с отцами обители. И все иноки, созвав благой совет, начали умолять Филиппа, чтобы он старейшинствовал над ними и руководил их жизнью. Он же, не посмея послушаться их молений, нехотя повинуется и по благословению святителя принимает начальство-

зѣ/лса на лѣчшее. И тако пре/минѣ лѣта немѣла, мѣра / добродѣте_
 лемъ гвѣнса нескѣ/сна. И сего ради хвалѣма. /49об./ И почитѣема ^{свѣ} ѿ
 всѣхъ видѣ. / И сѣл себе вмѣнѣше тщетѣ. / ѿ юности во смиреніемъ
 оу/крашенъ, и безмолвіе любѣ. / Лѣчше быти помысли в снхъ / на_
 слаждѣтиса, неже члѣче/скими взимѣтиса хвала/ми. И тако игуменовство
 о/ставлѣтъ. Оупраздните / во са рече и разумѣйте. По / ѿаллопѣвцѣ
 двѣдѣ: Се оудѣли/хса вѣгѣл и водворѣхса в пѣ/стыни, чѣлхъ Бѣга
 спасающѣ / мѣ. Братѣа же совѣтъ со/творше. Прѣже бывшаго / игумена
 Алексѣа возводѣ^т / на игуменовство. Алексѣи же / и не хотѣшѣ повинѣ_
 етса братѣи. /50/ И по бѣгословенію стѣла воспріе/млетъ старѣишиньство. /
 Блѣженныи же Филиппъ единый / единомѣ оудинѣтиса возжде/лѣ.
 Древнѣаго селенѣа постѣ/щеніе сотвори. В пѣ/стыню / ѿхѣодитъ, ѣако лю_
 бовенъ / безмолвіе любѣ. В мнѣтырь / оубо приходѣ егда хотѣше / ком_
 кѣти тѣла и кровнѣ Хѣ Бѣга / нашего. Алексѣю же началъ/ствѣвцѣ лѣто
 единомѣ и полъ, / и по Бѣжю сѣдѣ впадѣ в тѣлесны / недѣгъ. Призываетъ
 же / всю о Хѣ братѣю. И повелѣ/вѣетъ и Филиппѣ не пѣсты/ни прѣити.
 И исповѣдаетъ / имъ своѣ ко Гѣ ѿхожденіе. /50об./ И зъ оубо, рече, ѿ
 чѣда в пѣть ѿцѣ / своихъ градѣ. Вы же избе/рите ^{свѣ} ѿца когѣ хочете.
 И / мѣрѣ всѣмъ давъ. И в рѣце / Бѣжю дхъ своѣ предастъ. / Сотвори
 оубо над тѣломъ / ѿца днѣвныи Филиппъ. И вѣ / сонмъ сѣеннаго
 причта, / законенѣа. И со ѿалмы / и пѣсньми и со свѣщѣами / мнѣ_
 гими ко гробѣ проводѣ/ша чѣтнѣ и погребѣша егѣ со / ѿцы. Таже иновцы
 всѣ со/творѣша совѣтъ блѣгъ. На/чѣша молѣти Филиппа да / старѣи_
 шиньствѣетъ над / нимѣи. И оформлетъ добре / живѣтъ ихъ. Онъ же не
 мо/51/гѣи ослабшатиса моленѣа ихъ. / И нехотѣа повинѣетсѣа. И по /
 стѣльскомѣ бѣгословенію начѣ/льствѣ касѣетса. Начѣль/ство оубо чюдныи

вание. Принял дивный муж начальствование и еще большие подвиги показал, всем себя являя как образец для подражания. Еще больших и совершеннейших добродетелей достиг, как я выше говорил. Вооружился постом, чтобы страсти плотские духу молитвою покорить. Каждый день собеседником Богу был. Более же всего смирение стяжал. Добродетели и немалое трудолюбие являл им каждый день. Иноки, видя его таковым, радовались и великую хвалу Христу Богу воссылали — что такого благодатного пастыря Бог им даровал. Богомудрый же Филипп немало лет управлял ими.

Так же совещается с иноками о деле благом — чтобы выстроить каменный храм драгоценного Успения Пречистой Богородицы. Они же отвечали ему: «О отче! Вдохновивший на это дело Бог может и в строительстве помочь. Истинная весть способна сердца на дело подвигнуть. А мы желанию твоему покоряемся. Не может неправда исходить от Бога, но Сам Он на сердца взирает и то, что просят, — подает». Он же, услышав совет их, радостию исполнился, поскольку надежда не подводит, но более всего Бога на помощь призывая и Его Родившую Заступницу всего мира, а также угодников и ктиторов этой киновии — преподобных отцов Зосиму и Савватия. Вызвали мастеров из Новгорода, искусно созидающих храмы, — сам в этом на деле убедился с братиею, — прекрасный воздвигли храм в похвалу Божией Матери, рядом же с ним и святому Иоанну Предтече храм пристроил. Присоединил же и огромную трапезную — внутри двенадцать сажень и одностолпную. Особо же и другие многие строения, имеющие благостройный вид, воздвиг для монастырских нужд. Словно трудолюбивая пчела, собирая с различных цветов нектар и наполняя свои многочислен-

пріемъ. / Болшая подвиги покажетъ. / Всѣмъ образъ себѣ полагаеъ. /
 На болшая ѿ совершенныхъ до/бродѣтелей восходитъ. / Ико же ѿ выше
 знаменахъ. / Постомъ бо водружился. / Да страсти плотскія дхѣ/ви
 покоритъ. Млтвою же / на всѣхъ днѣхъ собеседникъ / Бгѣ бываеъ. Сми_
 реніемъ же / презанха превосходѣ. До/бродѣтели же ѿ трудо/любіемъ
 мнѡгимъ на всѣхъ / 51об. / днѣхъ являлся. Видяхъ же / его ѿншцы
 сице пребывающа / радовахъся съло. Хвалѣ / Хъ Бгѣ во/сылающе. Ико
 та/кова блгодѣтна пастыря / имъ дарова. Бгѡмѡдрын / же Филиппъ
 тако правѣ / лета немала препроводи. / Таже ^{совѣщавае} совѣтъ блгѣ со
 ѿноки. / Еже поставити цркви ка/меннѣ пречтыа Бцы чтна/го елѣ оу_
 пеніа. Онѣ же швѣ/щаша глахъ: ѿ шче ѿже ти / ѿзвѣстивыи о
 семъ Бгѣ. / Можеть тѣ ѿ на дѣло оубѣ/дити. Вѣсть оубо войсти/ннѣ
 вѣсть оуготованна / срѣца на дѣло его мы оубо бо/52/ли твоѣи
 покарѣмса. Чтѡ оубо / е(г)да неправда ш Бга нѡ нѣсть. / Самъ бо на
 срѣце зрѣтъ. Сѣмъ ѿ / прошленіе даеъ. Онъ же слыша / совѣтъ ихъ, ра_
 дости исполни/са, еже надежи непогрѣши. / Обаче же Бга вѣ помѡщѣ
 призываа, / ѿ его рѡждышнхъ всего міра застѣ/пницѣ. Паки же ѿ оубѡ_
 никъ ихъ / ктигоръ киновіи сѣа прѣбны / шцѣхъ Зосимѣ ѿ Саватіа.
 Мстє/ровъ оубо ш Новгородѣ пріемъ. / Хитре зиждущихъ цркви. /
 Самъ бо на дѣло оубѣдился н³ / братію. Краснѣ воздвиге / цркви в
 похвалѣ Бжїи мѣри. / Тѣ же ѿ стѡмѣ прѣтчи Иѡаннѣ / храмъ приградѣ.
 Присовокѣ/52об./пѣ же ѿ трапѣзѣ велікѣ ѿмѣщ(ѣ) / внѣтрѣ ѿдѣ сажены
 вѣ единѡ/стѡпнѣ же сщѣ. Осѡбъ же ѿ / ѿны мнѡгѣа слѣжбы ш
 основа/ніа ѿмѣще, блгостройны / бо блхѣ вѣ потребѣ мѣтрѣскѣи. / Ико
 же трудолюбива пчела / ш различныхъ цвѣтовъ со/бирала сладость, оукра_
 шала / ѿ наполвала своѣ мнѡгочѣ/сленыа камѣры. Не тѣ не бо / пода_

ные кладовые. Но не для тех, кто хотел бы полакомиться сладостью сотов, не для тех, кто не возлюбил чернеческого труда, стремясь примкнуть к пастве пастыря сего, не для тех, кто хотел только брать. Но для тех, кто хотел со отцом страдать, уподобляясь тем чернецам, которые в поте лица своего едят хлеб. Вспоминая слова блаженного апостола Павла, напоминал: «Ни хлеба даром не ели ни у кого, но в труде и изнурении ночью и днем работали, чтобы не обременить кого из вас»¹⁶.

Захотел он, чтобы остров этот трудами его украсился. А если мы о трудах его умолчим, то они сами объявят о себе — ибо горы великие прокопал, долины избороздил, воду из озера в озеро направил, к двадцати озерам пятьдесят озер и два ручья присоединил и под монастырь в озеро из озера воду провел, водопровод в обители устроил, жернова и мельницу для удобства братии соорудил. А в самом расширяющемся монастыре для хозяйственных нужд палаты построил с двухскатными и трехскатными кровлями для хранения монастырских запасов. Поскольку боголюбивая душа — отец добродетелям, пустынный ктитор не желал без подвига жить. А если наступало оскудение, то уповал всегда на милость Божию и Пречистой Его Матери, призывая в помощь начальников Зосиму и Савватия, чтобы помогли делу — воздвигнуть величайший храм из кирпича во имя Преображения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа в том месте, где увидал луч светлого сияния Божества, наставник и отец, водитель и чудотворец, преподобный Зосима. И открыл братьям замысел свой от Бога о воздвижении храма. Они же, услышав, пребывали в недоумении, но не смели препятствовать благой его заботе. Тихо ответствовали и кротко говорили, приводя слово из самого Писания:

вѣла хотѣшемъ взлѣти / сладость сота. Нижѣ пѣть / чернечества трудѣ
 не возимъ/бывшимъ, к пѣствѣ пѣ/стырѣ сегò привѣгати. / Не тѣ не бò
 приходѣша прѣ/имаше. Но ꙗко спострадати /53/ ѿцѣ хотѣше, снхъ ѿ
 чернечесТВѣ / сподобаше. Тако бò всегда / в поѣтѣ лица своѣгò смѣдѣше
 / хлѣбъ свой. Поминѣ же бла/женнаго апла Павла глѣща: / Тѣ не
 хлѣба не ѣдохъ. Но рѣ/це мòн послѣдѣште мнѣ ѿ сѣщи^м / со мнòн. Дѣ-
 лати бò рѣкама / своимѣ самъ восхотѣ. Самын / бò отòкъ краснѣл ѣгò
 трудѣ. ꙗще мы оумолчимъ, тò / дѣла ѣгò ^{ивлѣны} творѣтъ. Горы бò /
 великіа прокопа, і юдолѣа ѿзера/зди, ѿ водѣ теши ѿ ѣзера во ѣ/зеро
 претвори. К' двадесѣты^м / бò пѣдесѣтъ ѣзеромъ число / ѿ двѣ истòч-
 ника сотвори, ѿ по^а / мнѣтырѣ во ѣзеро приведѣ. ѿ ѣзера^м /53об./ водѣ
 испѣсти. Внѣтрѣ кино/винъ проведѣ. Толчѣю же ѿ мелѣ^н / ко оупокòенію
 братьскомъ со/твори. Мнѣтрю оубо распросъ/транѣщѣса ѿзобѣлство^м / по-
 трѣбнымъ. Полѣты блго/стройны содѣла. Двоє кров'ны ѿ троекровны, в
 свѣдѣ/ніе мнѣтырски^х потребъ. / Чтò оубо бгòлюбѣвал дша она. / ꙗже
 добродѣтелемъ ѿцѣ кти/торѣ пѣстынныи. Не хотѣ / бѣ^з спòдвигѣ
 быти. ꙗще искѣ/дѣніе ѿмѣши. Но на мѣть Бжїю / оуповѣа ѿ прѣчтыа
 ѣгò мѣре. / Призывѣаетъ же в по̀мощь на/чѣльниковъ Зосїмъ ѿ Саватїа,
 / ѣже посòбѣствовати на дѣло. /54/ ꙗко воздвїгнѣти величїишѣю /
 цркви планѣтворнѣ, бгò/лѣпноє преòбразженїе Гѣ Бгѣ ѿ / Сїса нашего
 їса Хѣ. Идѣже вѣ/дѣ лѣчю пресвѣтлаго осѣлїа / Бжества рѣководнѣтель і
 ѿцѣ, / наставникъ же і чудотворѣцъ прѣвныи Зосїма. і ѿ/крывѣаетъ
 ко братїи слово / ѣже мысли своѣа къ Бгѣ. О / воздвїженїи цркви. Онѣ
 / же слышавше, недòумѣніе^м / покровѣни быша. Но не смѣа/хѣ преплѣ-
 ти добраго ѣгò ра/ченїа. Тнхò простирающе / вѣсѣдѣ кротце глѣхѣ. Самъ
 мыа / истинны приводеще глѣще / слово. ꙗще хоѣтетъ ктò стò^{лпѣ}

«Ибо кто из вас, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек : может ли он довести до конца? Чтобы, когда он положит основание и не будет в силах завершить, все видящие не стали бы смеяться над ним»¹⁷. О, отче, в обители мало средств и великое оскудение, городов рядом нет, откуда возьмешь золото для возведения храма?» Он же, отвечая, сказал: «О братья! Твердо следует уповать нам на Бога. Если угодно будет Ему начинание наше, невидимо подаст нам от неисчерпаемых Своих сокровищ для построения дома Святого имени Его». Они же, правда нехотя, но покорились наставнику своему и просили прощения за обвинения свои и говорили: «Все, чего не попросишь у Бога, даст тебе Бог».

Он же вновь обратился к делу, собрал искусных мастеров¹⁸ и сам руководил и руками своими участвовал в возведении храма, братьям во всем пример показывая, искусные дела творя¹⁹. Прекрасный храм во славу Христа Бога нашего воздвиг, присоединил и другой — во имя преподобных отцов Зосимы и Савватия и архистратига Михаила с одной стороны и еще других четыре на верху храма воздвиг²⁰ — посвященные двенадцати и семидесяти апостолам, а также преподобному Иоанну Лествичнику и Феодору Стратилату. Храмы же иконами украсил и книгами. Словно невесту, ризами, паволоками и дорогами сосудами и златоконными подсвечниками и паникадилами, которые и до сих пор можно увидеть. На северной же стороне того храма и место для себя избрал, где позже почивали честные его мощи, перенесенные сюда после заточения. В то же время благодатиею Божией вера христианская весьма расцветала во всяком благочинии и распространялась больше прежнего. Тогда покорил Господь благородному нашему царю противников

/540б./ ЗДѢТН СѦ НЕ ПРѢЖДЕ ЛИ СѢДѢ / РАЗОЧТѢТЪ ИМѢН(И)ІА. І АЩЕ /
 ИМАТЬ ѢЖЕ ЁСТЬ НА СОВЕРШЕНІЕ. / Да не егда положитъ основаніе, / (и не)
 возможетъ совершити. / И вси видящеи начнутъ рѣ/гѣтисѦ. ѿ ѿче,
 недостат'/комъ в кинови сѣще. І оскѣ/дѣнію великѣ. Градовѣмъ / не
 прилежащимъ. ѿждѣ / и маши злато на воздвѣже/ніе великіа цркви.
 онъ же / ѿвѣщавъ глѣ: ѿ братіе. / Твёрдо бо ёсть ёже оуповати / на
 бгѣ. Аще оугодно емѣ вѣ/детъ дѣло се. Невидимо и/мать намъ подати
 ѿ неоскѣ/дныхъ егѣ сокровищъ. Ёже /55/ на воздвѣженіе домы сѣаго
 и/мени егѣ. Они же аще и не хотѣ/ще. Но покарѣющесѦ настѣв/никѣ
 своёмѣ и проценіа просл/ще преплѣтїю своёмѣ, и глѣхѣ. / всѣ бо ёже
 просиши оѣ бгѣ дастъ / ти бгѣ. онъ же пакн дѣлѣ / касаетсѦ. Масте_
 ровъ оубо / соврѣ худѣжныѣ имѣщихъ рѣ/зѣмъ. влѣшал же собоу на_
 ве/ршѣл. И касатисѦ длѣнма / своима здѣнію исполнѣше. / Братїи же
 во всѣмъ собоу ѣ/бразъ показовѣше, и дѣлѣ / худѣжны сотворѣл. Красѣ
 / бо в слѣвѣ хѣ бгѣ нашего храмъ / воздвѣже. Присовокѣпн же / і инѣ
 цркви во има прѣбныхъ /550б./ ѿцѣ Зосимы и Саватїа. І архи/стра_
 тигѣ Михайлѣ ѣв онѣ сѣра/нѣ. І иныхъ четыре на высо/тѣ храма
 соградн. Два^{на} десл/тнмъ бо аплѣмъ, и седми/деслѣтнмъ. Прѣбномѣ же
 дѣствѣннѣ і/ѣаннѣ. И стратилѣтѣ Феѣ/дорѣ. Икѣнами же оѣкрасн и /
 кнїгами іако невѣстѣ. Рїза/ми же и пѣво^{ка}ло^{ка} ми драгнми. / Сосѣ_
 дами и посѣвѣшники злато/ковѣнными и кандѣлы. Иако / же и во ѣтїю
^{нашеи} ннѣ зрїтсѣ. ѿ / страны же сѣверныхъ толъ же / цркви. И грѣвъ
 себѣ возан/бн, и дѣже лежали чтнны / егѣ мѣщи, ѿ затѣненїа пре/не_
 сены. В та же время на блѣго/56/дѣтїю бжїею вѣра хрѣтїлсѣмъ / сѣло
 цвѣтѣщи во всѣкомъ / блѣгочїнїи всѣдѣ. И распро/странѣшесѦ свѣше_
 прѣж/наго. Тогда оубо покорн / гдѣ блѣгородномѣ црїю наше/мѣ прѣтнвныа

его и от страха оцепенели иноземцы, а цари их и князья припадали с молением. И многие царства подчинил он себе²¹. Тогда правящий на престоле русской патриархии блаженный и приснопоминаемый митрополит Макарий²² достиг преклонных лет и преложился ко отцам своим в вечное блаженство. Царь же и весь народ весьма печалились о нем, а на место его возвели митрополита всея Руси Афанасия и заповедали ему пасти и блюсти Церковь по Христовым заповедям и согласно правилам Святых отцов. Он же, пробыв на престоле только год, сам оставляет его. Благородный же царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич немало размышлял — как на такое великое начальство, на апостольский престол возвести непорочного и праведного архиерея. И не могли обрести такового, а если некоторые и покушались на это место, то не благоволил к ним Бог.

О возведении на святительский престол Филиппа

Благодатию же Агнца Божия, Который соблаговолил Церковь Свою утвердить и от мятежей соблюсти, дарует Ей такого пастыря. Вразумляется православный царь и великий князь всея России Иван Васильевич и обретает в дальних местах, на краю вселенной, в предреченной Соловецкой обители блаженного и приснопамятного игумена Филиппа. Держит благой совет со всем Освященным Собором и со своим царским синклитом. И всем угодно было такое царское избрание, но более — Божие изволение, как говорит Божественное Писание: «Сердце царя в руке Божией»²³. Благоразумный совет свой, подвигаемый Богом, царь вскоре украшает и делом — достигает Соловков издалека любовными крыльями-

сопоста Ты. / И иноязычницы ѿ страха о/цепенѣша, а царь их и кня/зи с молѣніемъ припадѡша. / И мнѡгіа црѣтва по^а свою де/ржавѣ приведѣ. Правлщѣ / оубо прѣтолз рѣскіа патріа/рхіа, блженномѣ и рѣнопо/минмомѣ митрополитѣ / Макарію, старости мастн/ти достигшѣ. И преложиса / ко ѡцемъ своимъ в вѣчное /560б./ блженство. Блгочестиво/мѣ же црѣи о немъ жалостнѣ / слезашѣ, и всемѣ народѣ. / И на егѡ мѣсто збжїем по/моцию во^зведѣ митрополн/та всея Росіи Ифанасіа. И ³⁴/повѣдаемѣ пастри и блсгтн / црѣквѣ по Хвѣ заповѣди, / и по правномъ стѣхѣ ѡцѣ. / Ономѣ же бывшѣ едино лѣ/то. І остави (са)мѣ епѣсство. / О семъ оубо блгороднаго црѣа / и великаго князѣ Иванна / Васильевича всея Росіи вы/вшѣ взыскаію мнѡгѣ, / еже бы в таковоѣ великоѣ на/чальство на апльскіи прѣ/толз, возвестн архїерѣа /57/ непорочна и праведна. И н(а)нка/коже обрѣтоша. ^{И аще кто оумл и похвшахѣсѣ, но не блго/воли бгѣ.}

О воз(а)ведѣніи / на столз стльскіи Фил^{ант}па. /

Блгодатїю же агнца бжїа и/же блговоли свою црѣквѣ оутвердїти и немлтежнѣ / совлостн. Той (...) такова/го блгодатнаго пастыря да/рѣетъ. Вразумлетсѣ пра/вославнын црѣи и великїи князь / Иванъ Васильевичъ всея Росіи. / Ище и в дальныхъ мѣстѣхъ / край вселенныа прѣреченыа / Воловецкіа обители. Блже/ннаго и рѣнопаматнаго и/гѣмена Філіппа. Совѣтѣ / блгѣ совѣщеваетъ со всемъ /570б./ оцѣеннымъ соборомъ, и з своимъ црѣскимъ синкїтамъ. / И в семъ годѣ выстѣ тако/во црѣкоѣ избранїе. Но и паче / же бжїе изволенїе. Ико же рече бжѣственное Писанїе. Срѣцѣ / црѣво в рѣцѣ бжїи. Той же / бгѣомъ подвиземъ, блгора/збмыи совѣтѣ своіи вскѡ/рѣ црѣи оукрашаетъ и дѣле/сы совершаетъ. Издалѣча / любовными крплы дослзлет. / Вскѡрѣ на

ми. Посылает свое царское послание с великим утешительством игумену Филиппу — повелевает ему прибыть вскоре в свой царствующий город ради духовного совета, дабы все благоустроить. И как только блаженный получил послание, собрал всех иноков и поведал им о царском послании и о своем ко царствующему городу отшествии. Братия же, услышав все это, пребывала в великой скорби, поскольку внезапно лишались пастыря и благодатного питателя. Он же утешал их, говоря, что и сам жалостию снедаем, не хочет разлучаться с ними. Но и царского повеления не в силах преступить, сказал: «Возверзите на Господа печаль свою и на Пречистую Богородицу — те будут питать вас. И на помощь призывайте преподобных и богоносных отцов наших — Зосиму и Савватия». И поучив их немало о душевном спасении и о монастырском предании, отслужил Божественную литургию. Причастившись Тела и Крови Христа Бога нашего, также и всю братию причастив, после обильной трапезы отправился в царствующий город Москву. Когда же он подошел к великому Новгороду за три поприща, граждане, узнав о его приходе, вышли с младенцами ему навстречу, словно победителю принеся дары. С умилением припадая к нему, просили его: «Блаженный! Ходатайствуй перед царем о городе и о нас! Защити свое отечество, поскольку достиг нас слух, что царь гневается на город наш»²⁴. Когда же он вошел в город, то был любезно принят управителем. Пробыв же в Новгороде немного, отправляется к царствующему городу.

Достигает вскоре царствующего города Москвы. Быстро было возвещено благоверному царю о его прибытии. Царь же повелел его встречать с великими почестями. Блаженный же Филипп царем благочестно был

Соловкѣ посылаеть / своє црѣкое писаніе, с велики^м / оутѣшительствомъ
 и гдѣ/менѣ Филіппѣ. Повелѣва/еть емѣ быти въскорѣ къ ^{сво}/емѣ црѣтвѣ-
 щемѣ градѣ, дѣовна(го) /58/ ради совѣта ко исправленію. И / тако же
 посланіе блженныи пріе^м. / Собираеть иншкѣ всѣ и повѣ/даетъ имъ
 црѣкое писаніе, и / своє къ црѣтвѣщемѣ градѣ / шествіе. Братіа же
 слыша/ше, в скорби велицѣ быв/ше. Пастыря и блгодѣтна / пита-
 ла внезапѣ шати / бывше. Он же оутѣшаше ихъ / гл. Сам же жа-
 лостію снѣда/шеся, раздѣчнтся не хотѣ/ше, црѣкаго же повелѣніа / ос-
 лѣшатся не можаше. Возвѣрзите рече на Гда печаль / свою и на
 пречтѣю Бцѣ, тѣм / препитаеть васъ. И на по/мощь призывайте
 прѣбны^х /58об./ и вѣносныхъ шцѣ нашихъ Зосіму и Саватіа. И по-
 оучивъ / ихъ доволно ѡ дшѣвномѣ спа/сеніи. І ѡ мнѣтырскомѣ пре/да-
 ніи. Антоніа же самъ / бжѣственнѣ слѣжедъ, и при/частися тѣлѣ и
 крові Хѣ Бга / нашего. Тако же и всю брѣ/тню причастіи. И после тра-
 пѣзнаго насыщеніа. Начи/наеть пѣть шествовати / къ црѣтвѣщемѣ градѣ
 Москвѣ. / Достизающѣ же емѣ Великѣи / Новгградъ за три поприща. /
 Граждѣне же оувѣдѣвшѣ / приходъ егѣ, и со младѣнцы / во срѣтеніе
 и зыдоша, тако / повѣдѣтелю дары носѣще. /59/ Омѣлане припадающе
 глаголахѣ. / Ходѣтайствѣи блженне ко / црѣю, ѣ граде і ѡ насъ. Застѣ/_
 пѣи своє шчество. Оуже во слѣ/хѣ належащѣ, тако црѣ гнѣвъ / держитъ
 на градъ тѣй. При/шедшѣ же емѣ во градъ. И вгѣ/стѣемъ лѣбезно
 прѣлтъ / выаеть. Превы в же в немъ / днѣ мало, пакѣ къ црѣтвѣщѣ-
 емѣ ^{градѣ} пѣтѣ емлется. Достизаетъ оубо црѣтвѣщаго гра/да Москвы
 стрѣнно. И возве/щено бысть ѣ приходѣ егѣ / блговѣрномѣ црѣю. Црѣ же
 по/вѣлѣ егѣ срѣсти с великою по/честію. Блженныи же Филі/ппъ црѣемъ
 блгѣчнтѣ пріе^м ле^м/59об./ выаеть. І егѣ црѣстѣи Тра/пѣзѣ советѣдникъ

принят и собеседником приглашен на царскую трапезу и многими дарами был обогащен. Царь же, обрадованный его светлым пришествием, начинает после трапезы мысли свои о его звании высказывать и любезными словами увещевать. И говорит словами Божественного Писания: «Вдовствующая соборная Церковь Русской митрополии нуждается в утешном пастыре и наставнике, а такого не обретает. И ныне, по нашему совету, более же всего — Священного собора — благодатию Божиею избран ты!» Голос царя единодушно поддержал весь Освященный собор, и князья, и бояре: «Достоин, — говорили, — украшать престол Соборной и апостольской Церкви царствующего города Москвы!» Услышав это, исполнились очи его слез, и сказал блаженный Филипп: «О благой царь! Да не оставлю я малопустынную жизнь и да не возьмусь за дело, которое не по силам! Отпусти меня, ради Господа, отпусти! Разве можно малой ладье великое бремя поручить!» Сказав же это, в сокрушении сердца слезы из очей изливал. «Недостойн, — говорил, — подъять я такого начатка тяготы». Бояре же и архиереи стали говорить с ним, приводя примеры из Божественного Писания, утоляя утешительными словами скорбь его душевную. Умоляли его не противиться святой благодати и царю: «Неужели не знаешь, что недостойно данный тебе талант зарывать в землю! Но более достойно принять священный ярем и пасти порученное тебе стадо!» Так ему говорили. Многими же словами превозмогли непобедимого и нехотя повиновался царскому повелению.

Благочестивый же царь вскоре повелел свой царский указ разослать по всем городам: да соберутся епископы в царствующем граде Москве на поставление первопрес-

оучиняетсѧ, / и дарошєніємъ многимъ о/богащаетсѧ. Црїи же о при/_
шєствїи єго свѣтаѣ бываю/щѸ. Потомъ нача ємѸ совѣ/тъ своѣ о єго
званїи ѡкрыва/ти, і єго любїтельными сло/вєсы оувѣщєвати. И воспрїа
/ гл҃ы ѡ Бжєствєнаго Писанїа. / Чтò соборнаѧ цркви рѣсїа ми/тропó_
лїа вдовствѹщи, пá/стырѧ оутѣшна и наставни/ка бл҃гополѹчна не
обрѣтае^т. / И ннѣ по нашємѸ совѣтѸ. Пá/че же всего ^{сїннаг} собора. Та
(в)л҃годá/ть Бжїа токòу дѣйствєма / да бѣдетъ. И за црєвымъ
гла/бо/сомъ всїи вкѹпѣ єдинодшно / весь оцїєнный соборъ, и кнзи / и
благє, достòиннъ єсїи гл҃а/хѸ оукрашати прѣтолъ со/борныѧ і апл҃скїа
цркви, / црѣвѹщаго града Москвы. / Сїа же слышавъ абїє слєзъ и/с_
пòлни ѡчи бл҃женныи Филип/ппъ и рече: ѿ бл҃гїи црїи / да не бѣдетъ
мнѣ оставити / малопѣстынное пребыванїє. / И в дѣло внїти пáче моєѧ
сї/лы сщє. ѿпѣстїи мѧ Гѧ рá/ди ѡпѣстїи. Понєже лодїи / малѣ, врѣмѧ
велїко врѣчїи / не твѣрдо єсть. Сїа же ємѸ / гл҃ищѸ, слєзныи истòч_
ни^к / в сокрѹшенїи срца ѡ очїю жá/бооб./лостнѣ свождашє. Не достò/и_
на сєбє гл҃а, по/лѣти такова/го начáтка тл҃готѸ. Болл/ре же и престòлни_
цы вєсѣдѸ / нѣкѹю ѡ Бжєствєныхъ Пи/санїи принесòша ємѸ. И сло/вє_
сы оутѣшительными скó/рєвє єго дшєвнѹю оутòлѹщє. / Не прекослòвн_
ти стáго бл҃го/дáти. И црїи и звѣстѹщє. / Недостòитъ бò ти дáнным
со/хранїти талантъ. Нò пáче / сцїєнїа прїлѣти гарємъ, и / Бжїє порѹчен_
ное ти стáдо пá/стїи гл҃ахѸ. МногѸ же гл҃а/нїю бывшѸ, премогòша непо/_
бѣднмаго. ТомѸ ^и не хотл/щѸ, возмогòша повинѣти /61/ (оумїлиє
припадающе глаго) ¹ цркомѸ повелѣнїю. Бл҃гоче/стївыи же црѣ вскорѣ
повє/лѣ своѧ цркал писанїа по / градòмъ всѣмъ розслáти. / Да
собрѣтсѧ єппи въ црѣвѹ/щїи градъ МосквѸ, на по/ставленїє перво_

¹ Фраза, взятая нами в скобки, в рукописи зачеркнута.

тольника. Вскоре наступил назначенный день. Царь, епископы и весь Освященный собор и синклит собрались в соборной церкви честного и славного Успения Пречистой Богородицы. И принял от паствы своей служение божественный Филипп, первопрестольник русской митрополии. И совершив с ними Божественную службу, принес чистую жертву хваления Богу за православного царя и за благородных его детей, и за всех православных христиан²⁵.

Когда же Божественное завершилось таинство, вышел богоносный Филипп и, исполнившись обильно благодатью Духа Святого, поучает благородного царя и его царских детей из Священного Писания и говорит: «О, благой веры Богом сотворенное общество! Царь святой! Поскольку великого блага от Бога сподобился, гораздо большим должен ты воздать Ему! Отдав Благодарителю долг благохваления, приемлющему долг как дар. Не благодатью за благодать воздавая, поскольку извечно Он дарами владеет, как должный благодать воздавать. Благохваления же просит Он от нас, не слов благой беседы, но неизменно приношения — благих дел. Ради высоты земного царства будь кроток к требующим удела — ради горней власти. Отверзай уши к страждущим в нищете. Также, как кормчий, который всегда бодрствует, так и твой многоочитый царский ум — держись твердо доброго закона, крепко иссушая потоки беззакония, да корабль всемирной жизни не погрязнет в волнах неправды. Принимай благих, желающих подать совет, а не льстецов. Благие всегда воистину стремятся для общей пользы потрудиться, а другие лишь стремятся властям угодить.

прѣ́то́лника. / Помалѣ́ же вре́мѣни соше́дъ/шнмѣя стѣлемъ. Дню́ же /
 и зѣра́ннѣ същѣ, цр҃ю і́ / е́ппомъ и все́мѣ осѣ́енномѣ / собо́рѣ и сн_
 клѣтѣ совра́в'шѣся в собо́рнѣю цр҃ковѣ пре/чѣ́тыя Б҃цы, чѣ́тнаго и сла́в'наго
 е́л оуспѣ́нїа. И́ тако сѣ́е/ніе пріе́млетъ Бж́е́ственныи / Фили́ппъ, перво_
 прѣ́то́лникъ /61об./ рѣ́скїа митропо́ліа рѣ́кою / па́стыи своѣ́л. И́ совер_
 шѣ́въ с нѣ́ми сла́жѣвъ Бж́е́стве/ныа та́йны. Же́ртѣ хва/ленїа чѣ́тъ
 все́хъ Б҃гѣ́ прине/се́, за правосла́внаго цр҃л, / и́ за бл҃го́родныа е́го дѣ́ти.
 / И́ за все́ правосла́ное хр҃тїа́/ство. Бж́е́ственомѣ / же сконча́вшѣся
 та́инствѣ́. / И́зыде Фили́ппъ б҃гоно́сенъ / весь, і́ о́бнѣ́нейши О́таго Дх҃а
 / сподо́вися бл҃года́ти. Пооу/ча́етъ же бл҃го́роднаго цр҃л, / ѿ Бж́е́ственаго
 Писа́нїа, і́ е́го / цр҃кїа дѣ́ти. И́ рече́: ѿ бл҃гїа / вѣ́ры Б҃гомъ со́творенное
 / тѣ́ло цр҃ю стѣ́и. И́ко вели́/62/кимъ сподо́вилѣя е́си ѿ Б҃га / бл҃гимъ,
 томѣ́и бо́лшаа до́/лженъ е́си возда́ти е́мѣ. Тѣ́/мъ ѿда́ждь бл҃года́телю
 до́лгъ / бл҃гохваленїа, пріе́манцемѣ́ / до́лгъ а́ки да́ръ. Не бл҃года́ть / за
 бл҃года́ть возда́л е́мѣ. / То́и бо прѣ́но да́рни владе́/етъ, і́ако до́лже́^и сын
 бл҃го/да́ть возда́етъ. Бл҃гохва/ленїа же прѣ́ситъ ѿ на́съ. / Не рѣ́чию бл҃гїа
 все́гда, но́ / дѣ́лы бл҃гїи прїно́шенїа. / Непрїло́женъ е́си чл҃кѣ́мъ
 вы́со/ты ра́ди зе́мнаго цр҃ствїа. / Кро́токъ же вѣ́ди тре́вѣю/цимъ держа́вы
 ра́ди го́рнїа / вла́сти. І́ ѿверза́и оу́ши /62об./ в ни́цетѣ́
 стра́ждущимъ, ^{і́ако да о́бращеши Бж́їи́ слѣ́х ѿвѣ́ртъ ко тво́имъ прїше́нїемъ. И́ко вы́ бо бывае́я}
 клеветѣ́мъ на́шимъ, тако́/ва і́ о́ нас ѿвѣ́рцѣ́ма вл҃кѣ́. / И́акоже и ко́рмычїи бо́дрствѣ́/етъ
 все́гда. Та́ко и цр҃кїи́ / мно́го^{оты́тымъ} оу́мъ, соде́ржа́и Тѣ́/рдо до́браго
 зако́на пра́ви/ло, і́ и́сѣ́шаа крѣ́пко бе́^зза/ко́нїа пото́ки. До ко́рабль /
 всемі́рнаа жи́зни не погрл́/знетъ волна́ми непра́вды. / Пріе́ман бл҃гїа
 совѣ́щевати / хотѣ́шаа, а́ не ласка́нїе тво́рїти все́гда тѣ́ща́лѣя. /
 Ѹ́ви́и бо по́лезное во́истиннѣ́ / соблюда́ютъ, дрѣ́зїи́ же на / оу́гожде́нїе вла_

Более всей славы царствия украшает царя венец доброты — тогда обрящешь Божий слух отверстым для твоих прошений. Слишком часто бываем сбиты с истинного пути слугами нашими. Такого для нас обрящем владыку, царство которого покоится на честности, который непорочным являет силу, покорных же принимает человеколюбиво и побеждает не силой оружия, но сам любовью побеждается. Если же не возбранять согрешающим, то, если кто и жил по закону, пристаёт к тем, кто живет беззаконно. Содельник же злого Богом осуждается! Если же хочешь крепко обоих испытать, то творящих добро — почитай, а творящих зло запрещай. За Православную веру стой твердо и непоколебимо. Еретических же гнилых учений отвращайся. Апостолы и божественные отцы учат, чего нам надлежит держаться и как подобает мудрствовать. В таком же подлинном мудровании наставляй и своих приближенных. Никто тогда такого тщания и прилежания не похитит!»

Благочестивый же царь, выслушав от святителя такое благоутешительное поучение, с душевною правотою повиновался ему. Также поучил и Богом дарованное стадо и все православное христианство. На царской же светлой трапезе, устроенной блаженным царем, благочестно был принят и во время трапезы был собеседником, как и все благородные архиереи и бояре. И радовались, хвалу Христу Богу воссылая о таком отце и учителе, благоволившем пасти словесное стадо. По насыщении же на трапезе в патриархию²⁶ возвратился. Более всего беспокоился блаженный Филипп о благоверном управлении всего православного христианства, моля Всесильного Бога и Пречистую Богородицу и их благих угодников, подражая в этом прежде упомянутому боголюбивому митрополиту Макарию. Стремился усердно следовать по его честным стопам. В те времена было в царствующем городе Моск-

дѣлюшимъ въ/зирѣютъ. Паче всел славы / цѣтвіа добротѣстїе ^{цѣ} вѣнечъ /
 оукрашається. Чѣтно єсть /63/ в правдѣ ваше цѣтвіе, тако / рѣчнымъ пока-
 зѣтъ влѣ/сть. Покорнѣвымъ же даєтъ / члѣколюбїе. И повѣждающе /
 онѣхъ силою оръжемъ. Не / вооруженномъ любовїю ѿ свонѣ / повѣждаетъ-
 ся. Точно грѣхѣ / еже не возбранѣти согрѣшѣ/нцы^м. Яще бо кто жи-
 вѣтъ / законно. Пристаєтъ же жи/вѣщимъ бѣззаконно, содѣлѣнїѣ /
 злымъ ѿ Бѣга оубѣждается. / Яще ли хощеши добръ оубо / иискѣсїти. И
 добро творѣ/щаа чтї, а зло творѣ/щи^и / запрещай. За православною /
 вѣрѣю столати твердо и непо/колебимо. Еретическая гни^{ла} /63об./ оученїа
 оудобно ѿтрѣсающе. / Держати же еже апѣли наоучи/ша, и Бѣжественн
 ѿцы пре/даша. Оице подобаетъ мѣрѣ/ствовати. В тои же исти/нны
 мѣрованїи рѣководїти / и поѣ тобою вчинѣныхъ. Ни/чтоже таковога тѣа-
 нїа / и прилѣжанїа нещевати / чѣтнѣйше. Блѣгочестнѣвыи ^м / црѣ, прї-
 лѣтъ ѿ стѣла таковоє / блѣгоутѣшительное поучѣ/нїе. О правостїю дѣшевною
 / во всемъ повинѣлася ємѣ. / Такоже поучивъ и Бѣгомъ / порѣченное ємѣ
 стадо, и все / православноє хрїтїанство. / Црѣстѣн же трапѣзѣ свѣ/64/т-
 лѣ сотворѣемѣ. Блѣженныи ^м / црѣмъ блѣгочестнѣ прїлѣтъ / вываєтъ, и на
 трапѣзѣ со/бесѣдникъ оучинѣется. Та/коже и всї престѣлнїцы, /
 блѣгороднїи же всї и колѣре. И / радѣнїцеса хвалѣ Хѣ Бѣгѣ во/сы/лающе о
 таковоемъ ѿцы і оучѣтлн. Словесное єго и зволн/вшѣ пѣсти стадо. По
 насы/щенїи же трапѣзнѣмъ, в па/трїархїю возвѣщається. / Пакн же
 блѣженномъ Філіппѣ / прилѣжающѣ о оуправленїи / блѣговѣрїа всего пра-
 восла/внаго хрїтїанства. Шла / всесильнаго Бѣга, и прѣчѣю / Бїцю и ихъ
 оугѣдникѣ. Блѣгїи /64об./ сеи нравъ подражалъ прѣже по/манѣтаго вѣлю-
 бнѣваго Па/карїа митрополита. Оусѣрдно подѣсѣа послѣдовати / чест-
 нымъ стопамъ єго. / И в та времена бысть оубо / въ цѣтвѣющеимъ

ве и во всех местах великое благочиние и все славили Вседержителя Бога и Пречистую Богородицу, даровавших такого искусного пастыря. Всему же этому способствовало то, что православный царь питал любовь к своему богомольцу и отцу, так что было отрадно видеть и дивиться этому. И кто может поведать о тех любовных наставлениях по апостольскому слову: «Там, где нелицемерная духовная любовь — там преизобилует спасительная благодать Божия». Осиротел блаженный и вдаль переселился от отцов, но, горя духом, словно вместе с ними пребывая, часто говорил самому себе: «Что случилось, убогий Филипп? Не достаточно ли было для тебя начальства в этом мире — не тешилось ли тщеславие твое, когда ты был отцом в киновии? Зачем исхитил ты себя от такого покоя и предался таким трудам? От такой тишины в такую пучину устремился корабль твоей души?» Так он умильно говорил и с горячей любовью на помощь призывал преподобных отцов Зосиму и Савватия, ожидая их помощи. Ведь он воздерживался от юности своей от греха, стремясь попасть в их обитель. Питая любовь к ним, в патриархии возвел храм во имя угодников. И подобно другим храмам, украсил его всем, что полагается. И приходил в него, исполненный любовью и отгоняя уныние и печаль. Мы же к преждереченному вернемся. Какое-то время православная вера во благочестии весьма расцвела и распространялась. Имя в Троице славимого Истинного Бога возносилось верными людьми, а диавол и его угодники, неверные язычники, проклинались и во всем премного нами унижались. И христиане во всей вселенной вздохнули от их гонений. А царствующий город Москва весьма прославился всякими дивными чудесами. Враг же, рыкая, ходит, видя все это, и завидуя, словно Иову²⁷. Но праведный Иов, хотя и пострадал от этого врага, в конце концов победил его. Наше же естест-

градѣ Москвѣ, / и во всѣхъ мѣстѣхъ блго/чїніе велїе. И всѣмъ слава/_
 цнмъ вседержителю Бга. / И Прчѣнн Бцѣ. Даровавша/го такова и злцна
 пастыря. / Семъ же бывшъ, сопржеся / дхѣвнага любы православно/го
 црл, с своимъ бгомолцем / и шцемъ, яко же есть лѣпо и / зрѣти и
 чюдїтися. И кто / доволенъ повѣдати любѣ/65/наа исправленїа. По
 айльско/мъ словесї. Идѣже бѣ нелн/цемѣрнаа дхѣвнаа любы, / тѣ
 и зобнлбеть блгодатъ / бжїа спасїтельнаа. Осирѣ/въ же блженным и
 в далѣ пре/селїса ото отецъ. Но дхѣмъ / гораше яко вкбпѣ пребывал.
 / Часто в себѣ глаше. Чтѣ ти са / слвчїи оубѣгїи Филиппе. Не / долѣ_
 ли ти начальство сегѣ / мїра тцеславію твоѣмъ. / Шцемъ в кинѣнї.
 Паки влше / похїтилъ єси. Ш какова по/кѣмъ в каковы трдды вдалса /
 єси. Ш каковы тишины в ка/ковъ оустремїса пдчїнѣ дша / твоѣа
 корабль. Сїа емъ оумн/65об./льнѣ глнцѣ, и теплѣ любѣ/вію въ по_
 мощь призывающъ / прпѣвнхъ шцъ Зосїмъ и Са/ватїа, еже постѣ_
 ценїа ихъ / и тѣ не грѣшїти. Ш йности / бѣ желанїемъ к нимъ
 парї^а. / Паки же любѣвное совершал, / в патрїархїю храмъ во йма /
 ихъ возградї. И якоже церь/(к)вамъ лѣпо. Вслкнїи доврѣ/тамн оукраї.
 Ико да тѣ / приходѣ желанїе совершал, / і оунынїемъ печалн шгонл. /
 Паки же на прѣжереченнаа / возвратїся. И неколїко / врѣмѣ право_
 славнаа вѣра, / во блгочестїи свѣло цвѣтѣ/щн. И распрострѣса в трїцы
 /66/ славимага йстиннаго Бга йма / хвалїмо ш вѣрнѣ члкъ. И дїл/_
 воле проклїнаемо, и єгѣ оугѣд/никовъ. Невѣрнїи же їазыцы / во всемъ ш
 насъ по премнѣгѣ / оуничжаємн. И на хрїтіанъ / ш нїхъ гоненїе во всю
 вселеннѣю / прстѣ. И црѣтвѣющїи градъ / Москва. Велики прославила всл/
 /кнїи дївными чюдесы. Врагъ ^а / рыкаа ходитъ зрѣ всл сїа / завї_
 да, яко же Йовъ. Но Йовъ / правденъ бѣ аще и пострада. / Того же

во нечувствительно и нерадиво, будто озлобленно. И от милости Божией мы отвращаемся и Господа Бога и Пречистую Его Богоматерь гневим и не только славы небесной лишаемся, и от земной чести отпадаем, как написано: «Злодеяние и беззаконие извратит престол сильных». Исконному же злодею, началопагубному змею, лукавому хищнику, древнему завистнику, лукавому шепотнику, проклятому сатане, мало ему со своими угодниками — бесами, тьмообразной своей погибели. Но еще, ненавидя, ненавистью желает всю вселенную погубить, беспрестанно воюя против христианской веры и благодарных людей. Наиболее же всего вооружается против благоуспешных духовных правителей, наводя на них смертоносные скорби. Себе же окаянному на горшую муку. Они же, превозносимые страстотерпцы, с Божией помощью, все с благодарением переносят и ото всех Царя и Содетеля — победными вечными венцами украшаются и к Нему в вечный покой восходят, пока не минут семь тысяч лет всегоршей муки²⁸, к грядущей славе. Ныне же слово злокозненного его враждования изречем и тайну его ныне откроем, поскольку и в нас многие его гнусные хитро-сплетения проявляются и не только удовлетворяются в простых людях те наветы вражды, но и до самых советных царевых палат доходят. И вельможи воздают ненавистью за любовь, гордо возносятся над смирением и своими злыми и гнусными умыслениями, словно змеи, друг на друга шипят и всякие злые вещи возводят, которые неудобно бумаге предать.

Но и самого благочестивого царя сильно подвигли на гнев и ярость, который и на них обрушился. И от тех со-

врагѣ до конца побѣди. Наше же естество тѣш/косердо и нерадиво, ꙗко
 неистово/ви. ꙗже на насъ мѣть Бжїю / ѿвращаемся. И Гдѣ Бгдѣ и
 Пречїстѣю /660б./ егдѣ Бгдѣмѣтръ прогнѣваемъ. / И не токмо славы небныя
 / лишаемся. Но и земныя / чести ѿпадаемъ. Икоже / есть писано.
 Сладѣлїе / и беззаконїе превратитъ / престолъ синыхъ. Искон/номѣ
 же сладѣю начало па/губномѣ змїю лѣкавомѣ хи/щникѣ. Древнемѣ за
 вїстни/кѣ прелестномѣ шепотникѣ / сатанѣ проклѣтомѣ. Ещѣ / емѣ
 мало себѣ сѣ своимъ оугдѣдники вѣсы тмодѣразными / своѣй имъ
 погнѣбли. Но ꙗже ещѣ / льстѣ льститъ вселеннѣи, / хотѣ злы(мъ) слѣ
 погнѣбн/ти. Беспрестѣни воєвѣше /67/ хртїанскѣю вѣрѣ. И блгодѣ/рныя
 лѣди. Найпаче же всего / воорѣжашесѣ на блгдѣспѣ/шныя дхѣвныя
 правнѣтели. / ꙗже аще наводнтъ имъ смерто/носныя скорби. Себѣ же
 о/кажнны на горѣцѣю мѣкѣ. / Онѣ же велехвѣлнн стѣтѣ/рпцы. Зѣ
 вжїимъ поспѣше/нїемъ. Все со блгдѣаренїемъ / прѣстрадѣютъ. ꙗже ѿ всѣхъ /
 црѣи и содѣтели, (...)побѣд/ными вѣчными вѣнцы оу/крашаются, и к
 немѣ прехо/дѣтъ в вѣчныя покой. По/неже бо не довлѣютъ сегдѣ свѣ/та
 во всю седмъ тысячъ лѣтѣ / всегоршїа мѣки к хотѣщей /670б./ славы
 ꙗвнѣтисѣ. Настѣвшее / же ннѣ злокѣзненомѣ егдѣ вра/ждованїю слово ещѣ
 да нзглемѣ / и тѣиннѣю оуднцѣ егдѣ ннѣ / ѿкрыемъ. Еже в насъ мно/
 гогнѣсна егдѣ многоплетѣ/нїа самѣ ꙗвлѣютсѣ. / Не токмо оутолѣхѣсѣ
 в про/стыхъ члѣцѣхъ тѣ вражнѣ / навѣты, но и до самыя / црѣвы
 совѣтныя полѣты / доидѣша. И велмѣжи мѣтѣ / себѣ содѣлаша ненавнсть
 / за вознѣленїе. Гордость / за смирѣнїе вознесѣша. И / злыми своимъ
 гнѣбными / оумышленїи дрѣгъ на дрѣга / ꙗки змїи распыхѣхѣсѣ. И
 всѣ/68/каа слѣла вещь соплетѣсѣ. Не/оудѣвь писанїю предѣти. И са/могдѣ
 блгдѣстнѣваго црѣи во змѣ/тнїша сѣбѣнѣ на гнѣбъ, и / ꙗрость самѣ на сѣ

ветов верных своих слуг и именитых сродников и приятелей нагоняет страх на своих бояр и неукротимо гневается. И из-за таких злых соблазнов собирает совет и весь Освященный Собор во своем царствующем городе Москве. И вызывает Новгородского архиепископа Пимена, Казанского Германа, Ростовского Корнилия, Крутицкого Германа, Суздальского Пафнутия, Рязанского Филофея, Смоленского Феофила, Тверского Варсонофия, Вологодского Макария и прочих епископов и архимандритов и всех бояр своих. И возвещает им свою царскую мысль — решил он царство свое разделить, а царский двор перевести в Александровскую слободу. И хочет, чтобы они эту мысль его благословили. Блаженный же Филипп, в согласии с епископами, укрепившись, решили между собою все — против такового начинания крепко стоять. Но один из них, славолюбивый, облеченный епископским саном, донес царю об их общем совете, и многие отказались от общего решения. И не только царева страха убоялись, но и на блаженного Филиппа иные из них восстали, если он об их решении объявит. Царь же на совете на своем настаивал — все же от страха ничего не смели сказать. Иные же, жаждущие славы мира сего, молчали и никто не смел говорить против царя или его умолить, или тем, кто его возмущает, запретить. Блаженный же Филипп приступил к царю и сказал: «Знаем тебя, как хранителя благочестия и истинного поборника и охранителя православия, и осмотрительного правителя своей державы! Никто ничего злого на власть твою не советует — свидетель тому Всевидящее Око! О, царь! Мы от отцов наших унаследовали обычай почитания царя, но прежде всего мы чтим в нем благоразумие!»²⁹

вѣдвигоша. / ꙗко ѿ тѣхъ слыхъ совѣтствъ, / вѣрныхъ своихъ слбгъ ꙗ
 ѿзвѣстныхъ соудникъ ѿ пріятелей / страхуетсѧ. И на боллрѣ же /
 своихъ неопрокотимо гнѣва/шесѧ. И ради таковыхъ злыхъ / совлазновъ
 сотворлетъ со вѣтъ. И собираетъ весь / сщениный соборъ во црѣвдующій /
 градъ Москвѣ. Новгородскаго / архіеппа Пимина. Казаньскаго / Германа.
 Ростовскаго Корнііа. Крѣтницкаго Германа. /6806./ Свѣдальскаго
 Пафнотіа. Рязаньскаго Филофѣа. Смоленьскаго Феодфла. Тверьскаго
 / Варсѣнофѣа. Вологодскаго / Макаріа. И прочихъ еппъ / ꙗко архімаритовъ
 ꙗко именовъ. / И всѣ боллрѣ свои. И возвѣщааетъ имъ свою црѣвдую /
 мысль. Чтò бы ^{емѣ} свое црѣво ра/здѣлѣти, ѿ своей црѣкой дво / оучинити
 во Александровѣ / слободѣ. И на сѣ бы егò блго/словил. Блженномѣ же
 Филипѣ, согласившесѧ съ еппы, / ѿ оукрѣплешесѧ вси межѣ / себѣ
 еже противъ таковаго / начинаніа столѣти крѣпцѣ. / Един же славою
 бывъ сын / еппъской санъ имѣа, къ црѣ / ообщій совѣтъ ихъ ѿзнесѣ.
 / И прочіи же своегò начинаніа / ѿпадоша. И не токмо еже црѣва /
 страха оуболашасѧ оумолчаша. / Но ѿ на блженнаго Филиппа инѣи / ѿ
 нихъ восташа. Еже впрѣ / идущее слово обьявѣтъ. / Црѣво оубо совѣтъ
 своей оутве/ржающѣ. Вси же страха ради / глаголати не смѣлахѣ. Ови ^и
 / желюще славы міра сего молчяхѣ. И никтоже смѣаше / противѣ
 чтò рещи. Чтò црѣ / о томъ оумолити. И ктò егò / возмущаетъ.
 Тѣмъ бы / запретити. Блженныи же / Филиппъ пристѣплъ къ црѣ
 /6906./ ѿ рече: Блгочестіа храните/ла свѣмъ тѣ. ꙗко истиннѣ
 поборника, ѿ православію сна/бдителя, ѿ своей державы / смотрительна
 правитель, / ѿ никто же ничтò же ѿже на / твою державѣ сло совѣ
 ца/ваецъ. Свѣдѣтель естъ / всевидущее око ѿ црѣ. Мы / бо ѿ оцъ
 нашихъ пріяхомъ, / еже обьячно естъ црѣ чтити. / ꙗко еже к немѣ блгора

Оставь столь неуютное начинание — обратись, прежде чем что-то делать — к разуму! Стой крепко на камне веры — он же крепко Господом заложен! Подражай добродетелям, которыми и отец твой, царь и великий князь Василий, возвысился! Возвышайся благочестием, сияй смирением и просвещайся любовью Божественного Духа! Стремлением к добродетели назидайся в правой своей вере! Благие деяния и честное житие — это не дрова, не сено, не стебли, мгновенно сгорающие в огне греховном и годные только к сожжению и более ни к чему не годные, — но золото и серебро!

Золото и серебро чистой пробы в огне искушений очищаются и еще более драгоценными являются. Так Христос, общий Владыка, повелевает нам являть плоды добродетелей и не посрамлять веру ненавистными делами. Мы все единоплеменники, все, как и самих себя, и ближнего любим по заповеди, если мы к Богу стремимся. И прекрасно понимаем, что в этой заповеди содержится и любовь к Богу и к ближнему. О них же говорится: «В них двоих — закон же и пророки»³⁰. И великий Павел, учитель Церкви, советует: «Любовь долготерпит, не радуется неправде, радуется же об истине»³¹. Также и Петр, верховный апостол и ключарь и смотритель небесных врат, и возлегший на груди Учителя возлюбленный друг и ученик о том же согласно говорят³². Все это отцы наши приняли и нам передали, а мы тебя увещеваем и советуем — украшать веру добродетелями и верою светлейших добродетелей изливать любовь. Но конец подобен началу — жить надо согласуясь с верою, вера же рождается любовью! На общее же благо и рода твоего и отечества

Здѣмїе паче / всего̀ почитати. Престѣани / ѿ такова̀го неѡѡгоднаго начи_
 на́нїа. Держїса ѣже ѿ нача́ла твоєго̀ ѿзволѣнїа ѿ хотѣ́нїа ѿ раздѣни.
 Стѣани крѣ́пце на ка́мени вѣ́ры, на не/70/м же до́брѣ ѿ Га́ оснѡванз
 єи. / Подража́й до́бродѣ́телемз ѿми ^ж і / ѿцз тво́й црѣ́ ѿ вели́кїи кнѣзь
 / Васи́лїе возвы́сїса бл҃гоче́стїе^м. / Сїа́а смире́нїемз ѿ лѡво́вїю. / Про_
 свѣ́тїса лѡче́ю вѣ́стѡе/наго дѡха желанїемз до́бродѣ́телей. Назидай
 пра́вою твоє́ / вѣ́рѣ дѣ́лнїа бл҃гаа. (И) жи/тїа че́стнѡсть. Нижѣ дро́ва ѿ
 / сѣ́но, нижѣ стѣла́е оѡдо́вь / палїмѡю грѣ́ха вещь ѿ к со/жже́нїю то́чїю,
 а ни к чѣмз же / ѿно́мѡу клячу́щѡ(ю)са. Но́ / златѡ ѿ сре́брѡ ѿсправ_
 лѣнїа / че́стнаа. Сїа́ бо і о́гнемз / ѿскѡшенїи ѿскѡша́ема чїстѣ́нїша
 ѿ че́стнѣ́нїша показѡ^тса. /70об./ Сїце Х҃ѡ о́бѡщїи вл҃ка повелѣвае́т /
 плодѡвз до́бродѣ́тели пре́ла/гати. И не посрамлѣти вѣ́рѡ / дѣ́лнїи
 ненавїстными. / Є́дїноплеме́нни є́смы всѣ́ ѿко / себѣ лѡбїти ѿ блїж_
 наго прїа́хѡмз в за́конѣ. Я́ лже кз Бг҃ѡ / чїтѡе желанїе. И оѡдо́бно ѿ
 сего̀ / раздѣ́тити. В сїхз за́повѣ́дехз содержїтз кз Бг҃ѡ лѡблѣ́нїе ѿ
 блїжнаго. О́ нїх же глѣтз / вз двоїхз сїхз весь за́конз / вїсїтз ѿ
 проро́цы. Сїце ѿ ве́лїкїи Па́велз цркви оѡчїтл / совѣщавае́тз. Лѡбы
 долго/терпїтз не ра́дѡетса о́ непра́вдѣ. Ра́дѡет же са́ о ѿстїннѣ́. /
 Сїце ѿ Пе́трѡз верхо́внын а́пѡл^м, /71/ ѿ нѣныхз вратз кляча́ ввѣ́ре/н_
 нын, ѿ вхо́жденїе. Сїце ѿ / возлегїи на пѣрси возлѡблен/нын оѡчїнкз ѿ
 дрѡгз со́гласно / оѡтвержае́тз. Сїце на́ши / ѿцы прїа́ша. Сїце на́мз
 сѡщїмз по о́нѣхз преда́ша. / Сїце ѿ мѡ тебѣ́ совѣщева́емз / ѿ совѣ_
 тѡемз. До́бродѣ́тель/ми оѡкраша́ти вѣ́рѡ. И вѣ́рою / до́бродѣ́телей свѣ́т_
 лѣ́нїши^т / содѣ́ловати лѡво́вь. Но́ по/до́бенз оѡко нача́лѡ конѣцз. / Со_
 гласно же жїтельство вѣ́ре. / Вѣ́ра же соверша́етса лѡво́вїю. / О́бще же
 бл҃го ѿ ро́да і ѿчѣства / твоє́ да́й вла́сть зрѣ́тїса / і ѿменова́ти. Та́же

дана тебе власть!» И начал также говорить, обращаясь к Освященному Собору:

«Для того ли мы собрались, отцы и братия, чтобы молчать? Почему боитесь правду сказать? Ваше молчание грех влагает в душу царя, а для ваших душ оно на горшую погибель. Православную веру в скорбь и смущение повергаете! Почему желаете тленной славы мира сего? Высокий сан в этом мире не избавит от муки вечной тех, кто преступает заповеди Христовы! Но наше истинное и должное назначение — заботиться о душах, о благочестии, о благоверии, о смирении всего православного христианства. На то ли взираете, что молчит царский синклит — все они связаны богатствами житейскими. Нас же Господь Бог ото всего этого освободил — да знают ваши преподобия, что для этого мы и поставлены — исполнять всякую правду! Исполнившие же этот завет — небесным венцом будут увенчаны, если душу свою положили за порученное стадо. Но если об истине умолчите, сами знаете, что в Судный день спросят у вас за все, что было вам поручено Духом Святым!»

Они же стояли смиреннообразно, пособники предательства и злобы, творящие угодное царю, — Пимен Новгородский, Пафнутий Суздальский, Филофей Рязанский. А также синкелл³³ благовещенский Евстафий — тогда святой запретил его в священнослужении, согласно правилам. Он же был духовником царя и непрестанно, тайно и явно, возводил напраслины на страстотерпца Филиппа. Прочие же не встали ни на сторону Филиппа, ни на сторону других, но поступали, как царь захочет. Как сказал пророк: «Там убоятся страха, где нет страха»³⁴. И не вспомнили говорящего: «Пастыри! Взыщу овец Моих от рук ваших, — говорит пророк Иеремия, — пастыри обезумели! Пастыри растлили виноградник мой!»³⁵. Только один из них заботился о стаде — блаженный Филипп, хранящий благие обычаи и украшенный дела-

начѣ гл҃ати /71об./ ко оцѣненномꙋ соборꙋ. На сѣ / ли совокупи́стесѣ ꙗ́зици
и бра́тїѣ еже молча́ти. Чтò оꙋстра/ша́етесѣ еже пра́вдѣ гл҃ти. / Ва́ше
оꙋбо молча́нїе цр҃евꙋ дш҃ꙋ / влагаетъ в грѣхъ, а своѣй / дш҃и на горшѣю
поги́бель. / И в правосла́внѣй вѣре на ско́рѣи и на смѣщенїе. Чтò же/ла́-
ете сла́вы тл҃ѣнныѣ ни/кѣи же насъ санъ мїра сегò и/бѣавитъ мѣки
вѣчныѣ. / Престѣпани́мъ намъ за́повѣдь хв҃ꙋ. Но́ наше до́лжное
исти́нное тѣшанїе. / Е́же имѣти по́печенїе дх̄овно́е ^{о ка́мчестїи} бл҃говѣрїѣ, и
всегò пра/восла́внаго хр҃тіанства /72/ о смиренїи. И на сѣ ли взира́ете /
е́же молчитъ цр҃кой синклитъ. / Онѣи бо сътъ обяза́ннѣи къп/ламни
житейскани. Насъ же / Гѣ Бг҃ъ ѿ всѣхъ ^х свободи́лъ. / Да вѣстѣ ва́ше
прѣбство / ꙗ́ко на сѣ оꙋчненїи е́смы, е́же / испра́внѣи всѣхꙋ исти́ннꙋ.
/ Совершено́е же вѣнцемꙋ нѣны^м / хотѣннѣмъ вѣнча́тисѣ. Е́же / и дш҃а
своѣ полагати за порѣченое стадо. Да а́ще о исти/ннѣ оꙋмолчитѣ. Са́ми
вѣсте / ꙗ́ко въ днь сѣднѣи истѣза/ни бѣдете о всѣхъ, и́же ва^м /
порѣчи дх̄ъ о́тын. Онѣи же / столꙋхъ смиреннобразни. / Дѣлы же преда-
тели. ^и злобѣ /72об./ по́сѣбницы. Творѣщи́и же / оꙋгòдіе цр҃и. Пиминъ
Новго/дцкѣи. Пафно́тїи оꙋзда́льскїи. Филофе́и Резаньскїи. / Сингѣлъ
бл҃говѣщенскїи / Соꙋста́фїе. Тогда бо е́мꙋ / взапрещенїи същꙋ, ѿ стаго
/ по пра́внѣи ломъ. И́же и дх̄овникъ / вѣ цр҃евꙋ. Се́й же непреста́нно ꙗ́вѣ^и
в та́й наноси́ше рѣчи на стра́тотерпца Филиппа. Прочїи же ни по
Филиппе / поварамꙋе ниже по цр҃и. / (Но) Но́ ꙗ́ко цр҃ь восхо́щеть та́ко /
и онѣи, ꙗ́ко же рече прѣкъ. / Тамо оꙋбола́сѣ стра́ха и/дѣже не вѣ стра-
ха. И па́ки / не помани́ша рѣкшаго. Па́/73/стырїе взыщꙋ о́вецъ мои́хъ
/ ѿ рѣкъ ва́шихъ. Гере́мѣи / гл҃еть. Пастырїе и́звѣтѣ/шасѣ. Пастырїе
расти́/ша виногра́дъ мой. Е́ди/нъ же ^ѿ ^{нихъ} то́кмо спосо́бствова/ше ѿ
нихъ бл҃женномꙋ Филипꙋ. И́же обы́чай имѣ́ѣ бл҃гъ, / и дѣлы оꙋкра-

ми. Герман, архиепископ Казанский, угодник царев, начал клеветать на святого и говорить: «Добро во всем царя слушать и его волю исполнять и не гневить его». О тайные судьбы Твои, Христос, Царь! О помраченная ложь! Надо было гнев царев молением переменить на смирение, а они на ярость его подвигли и на разделение благостоянного царства. Царь же понял, что никто не смеет противостоять ему, но все его воле повинуются и благословляют, кроме одного блаженного Филиппа, выступившего против него и говорящего ему о благочестии и убеждающего, чтобы не разделял царства. И никто не поддержал блаженного Филиппа — все совокупно уклонились, равно сделавшись непотребными, не было ни одного, делающего добро. И разгневался царь на святого и начал по своей воле и по их совету дела свои творить. Тех князей и бояр, и прочих вельмож, которые ему угодны были, назвал опричниками, то есть дворовыми людьми. Других же князей и бояр и прочих вельмож назвал земскими. Также и все земли своей державы разделил.

Прошло немало времени после того совета. Царь находился в своем любимом доме, в преждеупоминаемой слободе ³⁶ — моими словами слезными называемая слобода, а на деле ставшей древним египетским обольщением. Там первородных губили, а здесь православных, словно колосья, срезали. Отовсюду лютейшим огнем и горячей золой попалило землю не нашествие варваров, не градобитие виноградники наши погубило, но самими нами избранный мрак страха и тьма мерзости нас покрыли! Не удалось спасти первенцев наших, ибо не помазали мы праздного ума и дома наши кровию дел! Благочестие бедствовало и убивались души первенцев! ³⁷ Увидев хоругви, внезапно поняли, что окружен царствующий город, и

шенъ. Герма^н / архіеѣпѣзъ Казанскіи. Оубо/дницы же црѣвы, шинваѡ/це
рѣчи на сѣаго ѿ глѣхъ. / Добро было во всемъ црл слѣ/шати ѿ на всѣко
дѣло ве^з ра/звѣженіа блгословлѣти. / И волю егѡ творити. И не
ра^з/гнѣвити. ѿ негвалѣнныхъ / сдѣевъ твоихъ Хѣ црю. /73об./ ѿ
помраченнаа прелѣсть. Гдѣ / было гнѣвъ црѣвъ премѣни/ти моленіемъ
на смиреніе. / И ѡ(ни на) іарость подвижд^н / ѿ на раздѣленіе блгосто-
лнна/го цртва. Црѣ же видѣвъ / іако никто же емѣ сопроти^н / смѣл
глѣти. Но волнѣгѡ / всѣ повинѣшася, ѿ блгосло/виша ѿ. Развѣ единаго
/ блженнаго Филиппа сопро/тивъ глѣща ѡ блгочестіи, / і еже не раздѣ-
лѣти цртва. / И никто же посѡбьствова/ше блженномѣ Филиппѣ. / Всѣ
оубоклонішася вкѡпѣ ѿ / непотрѣбни быша. Нѣсѣть / творѣ ѿ блгостына.
И бы/74/сть црѣ гнѣвенъ на сѣаго. И / нача по воли свѡей ѿ по совѣтѣ
/ онѣхъ дѣло свѡе совершати. / И котѡрыє князи ѿ бояре, / ѿ прочіи
вельможни емѣ годѣ. / Называше ихъ ѡпрішнинца/ми, сирѣчь дворо-
выми. И/ныхъ же князей ѿ бояре ѿ / прочіихъ вельможъ, нари/цаше
зѣмскими. Такоже / ѿ всю зѣмлю свѡегѡ державъ/ства раздѣлѣн. Времени
же / довольнѣ длѣ таковаго со/вѣта бывшѣ емѣ во свѡемъ / любім(о)мъ
домѣ прежеречѣн/ной словодѣ. ѿ моихъ слѣзъ. / Словоми ѿменѣтсѣ
словода, / а дѣломъ оставшаа дрѣвле/74об./египетскіа льсти. Тамѡ /
первородныхъ погубленіе. / Здѣ же іако класы правослѣ/вниі пожинахѣсѣ.
ѿ всѣдѣ / лютѣишии огнѣ жератокъ / попалити зѣмлю. Не вѣрва^т / на-
шествѣи ѿ грады поѡи ѿ / винограда наша раскопѣ. / Но сѣамо ѿзволѣнными
мракъ / страха, ѿ тма дерзновеніе / покры, не минѣ гвѣлѣи перѣ/венѣцъ
нашихъ. Не помаза/ша бо сѣ прѣзнуѣма ѿ дѣлѣнѣ / кровіи домѡвъ
нашихъ вѣ/дствоваше блгочестіе оуби/вахѣсѣ дѣша первенѣцъ. Хорѣг^н/ви
видѣша бо внезапѣ / цртвающіи градъ весь ѡбле/75/жащъ ѿ слышати

услышали, что явился страшный царь со всем своим вооруженным воинством. Все вооружены, все на одно лицо и едины нравом, как и делами — зачав грех и рождая беззаконие. Все, как один, в черных одеждах, а иное неудобно передать бумаге. Входит же царь в соборную церковь Пречистой Богородицы³⁸. Он же — Нового Завета проповедник, великий Христов архиерей Филипп, если и не того Стефана сын, но сыном ему ставший своими благими делами, ревностно во всем следуя равноапостольному ученику Стефану³⁹. Не утрастился он такового свирепства и, видя в православных великое возмущение неудобноносимыми всякими бесчестными скорбями и ранами, просветился душою и укрепившись сердцем, приступил к самодержцу и сказал: «О, державный царь! Ты имеешь сан выше всех! Почитай же более всего Бога, сподобившего тебя этого сана, потому что подобно небесной власти дан тебе скипетр земной силы, чтобы ты научил людей следовать правде и им же отженешь бесовские злоумышления. Его законами царствуем! И над теми, кто подвластен тебе, — царствуй законно, согласно Божественному учению. И первое, чему должны научиться люди и что должны мы знать о себе, — разумный призван познать Бога! Познавший Бога подобен будет Богу, а уподобившийся Богу будет достоин Бога и ничего недостойного Бога никогда не сделает. Но размышляя о Нем и говоря о Нем как о мудрости, так поступая, знает, что земные богатства ничего не стоят. Он подражает течению речных вод: на мелководе текущими для всех, понемногу же перетекающими для других. Так же перетекает и правда — прибыльное сокровище для тех, кто стяжал его благими делами! Даром возвращаются они к тем, кто творит их. Телесным естеством ты, царь, подобен человеку.

страшно. / Ивнѣса тои црѣ со всѣмъ своимъ / воиновствомъ воуоруженъ, / наго ѡружіе носѣ единое лице / и нравъ имѣл. Такоже и дѣлы еже зачатъ грѣхъ и роуаи беззаконіе, еже естъ вси / единолично во ѡдежахъ черныхъ. И ина неѡудобъ и писанію предати. Входитъ же / и в соборни цркви Пречыте / Бцы. Си же Новаго Завѣта / проповѣдникъ. Великий Хвѣ / архіерѣи Филиппъ. Яце и не / того Стефана сынъ. Но благими дѣлы послѣствѣ снъ / бываше ревностію и дѣлы, / равноапльномъ первоучнкъ Стефанъ. /75об./ Никако же ѡстрашилъ сицеваго / свѣрѣпства и видѣ в православіи великое возмущеніе. Неѡудобъ носима всѣмъ безчестныя скорби и раны. Просвѣтиса ѡубо дшю и ѡкрѣплѣса / срцемъ. Престѣплъ к самодеужію и рече: ѿ державныи / црю. Чти всѣмъ превышши / имѣл санъ. Чти паче всего / семъ тѣ сподобившаго Бга. / Яко по подобію нѣныхъ власти / данъ ти естъ скипетръ земныхъ силы. Да члқи наоучиши правду храниши. И еже на / на ѡженѣши вѣское ланіе. / Еже ѡ него данный цѣтвѣмъ / закономъ, и сщимъ по то /76/ бою цѣтвѣи законно. Бже/ственое ѡученіе и первое члцы / сѣть. Еже размѣти чесомъ / о немъ ѡучими есмь. ѡ себѣ / во раздѣквыи познаетъ Бга. / Бга же ѡубѣдѣвыи, подобе / вѣдетъ Бгъ. ѡуподобилъса / Бгъ, достойнъ бывши Бгъ. / Достойнъ же выѣдетъ Бгъ, / иже недостойно ничтоже твоуа Бгъ. Но мрствѣи и яже / о немъ глѣ яже о мрости. И / твоуа же еже глетъ. Земнаго / имѣніа не столщее богаство, / рѣчными водамъ подражае / теченіа. Намалѣ во текіи / имѣти его млцимъ. Помалъ же претекал ко инѣмъ /76об./ преходитъ. Точію же правда / сокровище прѣбытно естъ / стлжавшимъ е. Блгимъ во / дѣломъ дарове на творца / ихъ возвращаюса. Естество / ѡубо тѣлеснымъ точенъ еси / члкъ ѿ црю.

Саном же власти подобен ты Богу, Который властвует над всеми. Нет на земле никого, кто уподобился бы тебе. Но подобает тебе, как смертному, не возноситься! И словно Богу — не гневаться, поскольку ты не только почтен Божиим образом, но и праху земному причастен. Памятуя все это — учись быть подобным Ему!⁴⁰ Тот наречется властелином, кто научился властвовать над собою и не следует нелепым похотям, но имеет помощника — непобедимого самодержца, благоверный разум, который побеждает всетомительное желание самовольных похотей оружием любви и целомудрия! С древних времен не слыхано, чтобы благочестивые цари свою державу возмущали! Ни при твоих праотцах такого не случилось, ни среди иных народов такого не было, о чем ты помышляешь!»

Услышал царь обличения святителя и, не стерпев, в ярости сказал: «Какое тебе, чернецу, дело до наших царских советов? Не ведаешь ли о том, что мои же подданные меня хотят поглотить?» Святой же отвечал: «Как ты спрашиваешь, я, по данной нам благодати Пресвятого и Животворящего Духа и по избранию Священного Собора и по вашему изволению — пастырь Церкви Христовой! Вместе с тобою должен попечение иметь о благочестии и о смирении всего православного христианства!» Царь же сказал: «Одно тебе, отче святой, скажу — молчи! А нас на то, что я задумал, — благослови!» Блаженный же отвечал: «Благочестивый царь! Наше молчание на твою душу грех налагает и приносит смерть всему народу. Как о мореплавателях говорится — когда капитан корабля соблазнится, то приносит небольшой вред плывущим с ним, но когда соблазнится кормчий — то всему кораблю приносит гибель! Если же и мы воле человеческой последовать будем, то как произнесем в день пришествия Господа: «Вот я и дети, которых дал мне Господь!»⁴¹ Ибо Господь сказал в Святом Евангелии: «Сия есть заповедь

Властію же сана / подобенъ єси ѿже надо всѣми / БгѸ. Не ѿмаши бо на
 земли / вышши себе. Подобаетъ бо / ти ѿко смѣтнѸ не возносити/са.
 Но ѿки БгѸ не гнѣватиса. / ѿще ^{со} і образомъ Бжїимъ почтѣ^н / єси.
 Но и персти земней при/ложенъ єси. Им же наоучаиса / всѣмъ быти
 точенъ. Вой/стиннѸ наречѣтса властелин^н / егда самъ собою обладаетъ
 /77/ и неукпымъ похотемъ не рабѸ/таетъ. Но помощника имѣа /
 бгговѣрна оума неповѣдимаго / самодержца. Самовольнымъ / похотемъ
 всетомительное / хотѣніе. Либѣе ордѣжемъ / цѣломързства побѣждаетъ. /
 ѿ начала оубо нѣсть слышано / блгочестивымъ црѣмъ своимъ и^а / державѸ
 возмущати. Нижѣ / при твоихъ правѣцѸ сѣ бывало / ѿже твориши. Ни
 во ино ѿзы/цѣхъ тако обрѣташеса, / ѿкоже помышлѣши. Оуслы/_
 шавъ же црѣ обличѣемъ ѿ / стла. Не терпѣа в себѣ ѿро/сти. Речѣ: ЧтѸ
 тебѣ чернцѸ / до нашихъ црквихъ совѣтов/77об./ дѣло, того ли не вѣси
 менѣ мо/и же хотѣтъ поглотити. / Сѣи же речѣ: Ёсмь ѿкоже глѣ/ши.
 По даннѣи же намъ блго/дати ѿ престѣго и житворѣ/щаго Дхха, и по
 избрѣнію сщѣ/ннаго собора. И по вѣшемъ и^з/воленію. Пастырь єсмь хѣ
 цѣ/ркѣ. І єдино єсѣ с тобою. / Ёже должи попеченіе имѣти / Ѹ блго_
 чѣстїи, і Ѹ смиренїи всего / православнаго хрѣтїанства. / Црѣ же речѣ:
 Єдино ѿче чїтнїи / глїю ти молчи. Я насъ на сѣ / блгослови, по вѣшемъ
 изво/ленію. Блженныи же речѣ: Блго/честивын црѣ. Нашѣ молча/ніе
 грѣхъ дїши твоей налагаѣт. /78/ И всероднѸ наноситъ смѣть. / ѿкоже і
 Ѹ плаванцихъ речѣса. / Егда корабленикъ совлазнитса / малѸ и хѣдѸ
 приноситъ пакѸть / плаванцимъ с нимъ. Егда же / (л)и кормчїи
 всемъ кораблю тво/ритъ погїбель. ѿще ли же ^{ам} воли / члчестѣи
 послѣдовати вѣдѣ^а. / Како речѣмъ в'днь пришѣствїа / Гїа. Се азъ Гїи и
 дѣти ѿже ми / єси далъ. Ибо ГѸ рекшѸ во сѣ^а / Єѿалии. Он єсть

Моя — да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, если кто положит душу свою за друзей своих»⁴². И еще: «Весь закон и пророки в двух заповедях — возлюби Господа Бога всем сердцем твоим и ближнего, как самого себя»⁴³. И, наставляя учеников, сказал: «Если в любви Моей пребудете, воистину учениками Моими будете»⁴⁴. Так мыслим и мы и держимся этого крепко!»

Царь же сказал: «Владыко святой! Восстали на меня, как и Давид в скорби говорил: «Друзья мои и искренние отступили от язвы моей, и ближние мои стоят вдали. Ищущие же души моей ставят сети!»⁴⁵ Святой же отвечал: «Господин мой царь! Это говорят тебе лукавые и лстивые. Приими тех, которые подают благие советы, тех, кто не будет постоянно завидовать, тех, кто воистину ради пользы стараются. Другие же лишь на угождение власть имущим взирают. Ты же, благородный, вооруженным яви силу, но тем, кто покоряется тебе, — оказывай человеколюбие. Как же не остановить совершающих грех? Но не разделяй единую державу — ты Богом поставлен повелевать людьми Божьими в правде, а не мучительно. Доброчестие словно венцом царя украшает, богатство же уходит, и власть проходит, и слава исчезает. Но жизнь с Богом бессмертные века продолжается. Никто из живших в мире из того, что собрал, после смерти с собой не взял, но все оставляем на земле. Нагими отчитываемся о жизни своей. Ты же обличай неправо говорящих и отсекай их от себя, словно больной орган! А людей своих в единении устраивай, чтобы в нелицемерной любви пребывали!»

Царь же сказал: «Филипп! Не прекословь власти нашей! Да не постигнет гнев мой тебя! Или откажись от

ЗАПОВѢДЬ МОА / да любите дрѣгъ дрѣга, ꙗко^{мъ} / возлюбѣхъ вы. БОльше
 сѣл / любевѣ никто же ꙗмать. Да / кто положитъ дшѣ за дрѣ/ги своа.
 И паки, ꙗко весь за/конъ и прѣцы во двоихъ запо/78об./вѣдѣхъ снхъ
 висат. Ёже возлю/бнши Гѣ Бѣга твоего всѣмъ / срѣцемъ твоимъ, и
 ближнѣ/го ꙗко самъ себѣ. И паки оу/твержал оучникъ рече аще в ли/бви
 моеи превѣдете войсти/ни оучницы мои вѣдете. / Се мы м'рзствѣемъ и
 держи^{мъ} / крѣпце. Црѣ же рече: Вла'ко / стын восташа на мѣ ꙗкоже / и
 дѣдъ скорѣлѣ глѣше: Дрѣ/зін мой і ѿскреніи мой прѣмо / мнѣ
 приблѣжншасѣ и стѣ/ша. И ближніи мои ѡдалече / мене стѣша и
 нѣждахѣсѣ, / ѿщѣен дшѣ мой і ѿщѣен / злѣм мнѣ. Стын же рече:
 / Ёсть гѣ црѣ глѣтъ тѣ лѣка/79/внал и льстиннал. Пріемли / блѣга
 совѣщевати хотѣшасѣ. / Я не лѣсканіе творити, всегда / тѣщѣалсѣ. Оѿи
 бо полез'ное войстиннѣ совѣдѣютъ. / Дрѣзін же на оугождѣніе вла/дѣю_
 щимъ взирѣютъ. Твое^{мъ} / блѣгородіе, ꙗко рѣтнымъ по/казѣтъ вла'сть,
 Покори/вым же дѣтъ члѣкомѣіе. / Точно грѣхѣ ѿже не возбранѣ/ти со_
 грѣшѣющимъ. Но не / раздѣлѣти. Твоа бо ёсть / єдина держава.
 Оучинѣнъ бо / єси ѡ Бѣга ѿже разсѣждати лю/ди Бѣжѣл в правдѣ, а не
 мѣ/чительски самъ держати. / Доврѣстїе црѣ вѣнецѣ /79об./ оукрашѣ_
 етъ, богатѣство / бо ѡходитъ, и держава ми/мо глѣдетъ. И слава пре_
 ходитъ. Слава же ѿже ѡ вѣтѣ / житїе, съ вѣсмѣртнымъ вѣ/ки прѣдол_
 жена ёсть. Никто / же бо ꙗже в мирѣ свѣра ѡна/мо ѡходѣл носитъ. Но
 всѣл / ѡставивъ на землѣ. Нагъ/ слово ѡдѣетъ ѡ житїи свое^{мъ}. / Ты же
 неправо глаголюшасѣ / тѣ ѡбличѣ. І ѡженѣ ѡ себѣ / ꙗко гнилъ оудъ. И
 люди своа / в соединѣніи оустрой. Идѣ/же любы нелицемѣрнал. Тѣ /
 пребывѣаетъ Бѣгъ. Црѣ же / рече: Филиппе, не прекослѣ/ви державѣ нашей.
 Да не по/80/(внал и льстиннал. Пріемлю / блѣгал совѣщевати хотѣ_

сана!» Святой же отвечал: «Благочестивый царь! Я не умолял тебя, ни ходатаев к тебе не посылал, ни богатством руки твои не наполнял, чтобы власть эту получить! Зачем лишил меня пустыни и отцов, если смело каноны престапуаешь по своему желанию? Не подобает начатому подвигу ослабевать!» Царь же ушел к себе в палаты в великом раздумии и на святого гневаясь. Его же начинания злобные советники — Малюта Скуратов да Василий Грязной со своими единомышленниками — непрестанно строили козни против блаженного. Увещевали царя, чтобы он не отступался от своего решения. После же и сами потерпели от этого горше других. Православной же вере от той опричнины было великое возмущение — кровопролитие да суд не по правде. И от этой произошедшей скорби люди возненавидели друг друга. Некие же благо-разумные правители, истинные и искусные мужи, и первые вельможи и народ пришли к пастырю своему с великим рыданием, чтобы он заступился за них. Постоянно видя перед собою смерть, слова не могли вымолвить, только показывали ему свои различные раны. Чадолубивый же отец, с любовью утешая их, говорил: «Не скорбите, о чада! Верен Господь! Не позволит вам быть искушаемыми сверх вашей силы и не попустит до конца пребывать этой лжи! Если и воздвиг враг рать на нас, но постепенно все на голову его обрушится! Господь говорит: „Нужно придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят“⁴⁶. Вижу воинство, созданное злыми речами, истину увядающей, а клевету расцветающую. На тризне

цалъ. / Я не ласкание творити, все/гда) ¹ стигнетъ гнѣвъ мой / на тл.
 Или самъ сей остави. / Стыи же рече: Блгочестивыи / цю. Ни моленіе
 ти простира^т. / Ни ходатаи оубѣщахъ тл. / Ни мздою рѣки исполнихъ, /
 еже власть сию воспріяти. / Почто мѧ лишилъ еси пѣсты/на і ѿцѣ. Яще
 дерзъ еси чрезъ / каноны. Твори еже хоцеша. / Подвигъ нашедшъ не
 подо/баетъ ослабѣвати. Црь же / ѿиде к себѣ в полаты, в вели/цемъ
 размышленіи на сѣго / гнѣвенъ. Того же начина/80об./ниа совѣтницы
 словѣ посó/бницы, Малюта Скѣрато^т, / да Василей Грязной, со свои/ми
 единомысленики. Непре/стающе(са) всѧкъ ковъ во³двн/зѧюще на
 блженнаго, оубѣ/щающе цря, да не велитъ / имъ ѿпасти ѿ таковаго /
 предложеніа. Послѣжде же / мнози и сами поволѣша. / Таже по семъ
 горшала вѣстѣ / православной вѣре ѿ того / опришнннства. Возмъ/
 /ценіе веліе во всемъ мѣрѣ и / кровопролитіе и ед не по правдѣ. і ѿ тол
 о/бдержѧціа скорби дрѣгъ дрѣ/га возненавидѧхъ. Нѣцы / иже блгора/
 зѣмни исти/81/нии правители і искѣснии мѣжіе. / і ѿ первыхъ вель/
 мѣжъ, и вѣ / народъ. Придоша оубо к пѧ/стырю своемъ застѣплениа /
 ради с великимъ рыданіемъ. / Смерть предъ очима имѣше. / И глати не
 могѣше. Токмо / показѣше емъ свое мѣченіе / различное. Чадомѣвныи
 же / ѿцѣ. Любовію превосходѧ. / Оутѣшала и глѧше: Не скорби/те ѿ
 чада. Вѣренъ Гѣ, не / оставитъ насъ искѣсннн/са выше силы нашеа. И
 не / похвститъ до конца пре/быти прелести сей. Яще бо / и во³двнже
 врагъ рѣтъ. Но / помѧлѣ на егò главъ возвра/81об./титса. Гднъ есть
 гласъ глѧ/щии. Нѣжа есть прійти со/блѧзномъ. Горѣ же томъ / им же
 соблѧзнъ прихòдитъ. / Виждъ бо строймы рѣчи ра^т / воздвнжѣше. И³/
 вѣщеніе / истинное оублѧдѧюще. Я кле/веты цвѣтѣше. Трнзнь / даемъ.

¹ Фраза, взятая нами в скобки, в рукописи зачеркнута.

раздаются венцы — это весть о моем благом подвиге, как и апостол говорит: „Потому Бог не стыдится их“⁴⁷. И Давид вооружает меня и говорит: „Буду говорить об откровениях Твоих перед царями и не постыжусь“⁴⁸. Но это все были избранники Божии, а то, что произошло с нами, — из-за грехов наших и для исправления вашей честности, ради нашего общего спасения. Вот, уже секира лежит при корне дерева и поэтому страшно, как вы примете не земные блага, но, как обещал нам Бог, небесные. Ныне и я радуюся о страданиях моих за вас — вы мой ответ и свидетели и венец похвалы». Они же, утешенные истинными словами, разошлись по домам.

В свое время, как-то в день воскресный совершал блаженный Филипп Божественную службу, предстоя в алтаре по чину Захарии и Аарона⁴⁹, благоуханно кадило со угождением вознося горé, укрощая ярость Божию пречестными молитвами. Пришел же в соборный храм Пречистой Богородицы к соборному пению царь, облеченный в черные одеяния. Так же и прочие были одеты. А на головах высокие шлыки, черные, как и одеяния, напоминающие одежды халдеев⁵⁰. Все бояре и синклит — все в одинаковых одеяниях. Филипп же, все по молебному чину совершив, возрадовался о приходе царя. Исполнившись божественного света, всю надежду на Бога возложил, надеясь достойно и хриstopодражательно подъять ярем в кротости душевной. Воистину разжегся огнем Божественной любви и словно непоколебимый адамант⁵¹ стоял на уготованном месте. Царь же, приблизившись к этому месту, трижды испрашивал благословения. Святитель же не отвечал ему ничего. Бояре же говорили: «Владыко святой! Благочестивый государь всея России, Иван Васильевич, пришел к твоей святости и требует благосло-

Се сътъ вѣнцы се / оувѣщаніе. Се мнѣ подвижѣніе блго. Иакоже аплз
 глетъ: / Бгъ лица члкомъ не стыди/тсѧ. И двѣз вооружаетъ / мѧ. И
 глѧхъ о свѣдѣніи / твоихъ предъ црн несты/длхсѧ. Сѧ же избранныцы
 / Бжїи приключишасѧ намъ / грѣхъ ради нашихъ. И на /82/ исправ_
 леніе вѣнцы / общаго ради спасеніа нашего. / Се оуже секіра
 близу корени. / І ѿ сегò страхъ прїимѣте. / Иако не земнаа намъ
 блгал / обѣща бгъ, но нѣнаа. / Ннѣ же і азъ радѡсѧ о стра/даніи
 моихъ о васъ. Вы бо / ми есте ѡвѣтъ и послѣси / и похвалы вѣнцы.
 Онѣ же / питѣми словеса истинны/ми. І ѡхожѧхъ в домы своѧ. /
 Време^{нн} же нѣколикѡ минѡвѡшѡ. Въ днѣ недѣльныи. / Блженномѡ
 Филиппѡ слѡжѡвѡ Бжтвеннѡ совершѡющѡ. / Во стѣнцѣхъ израдно прѣстол
 / олтарѣви по чинѡ Захарїи /82об./ і йѡна. Кадило добровѡн^но / со
 оугожденіемъ возносѧ горѣ выш(нем)ѡ. Ироств Бжїю / кротѧ
 прѣчтныи мѡтва/ми. ^{Тѡже} прїиде тѡ в соборнѡ / црkv Прѣчтыѣ Бцы
 црѣ к соборномѡ пѣнію. В черны рн/зы обоченъ. Такоже и прѡчїи
 одѣлнн. Ещѣ же и на глава^х / своихъ высокіѣ шыкнѣ, , рн/замъ
 подобни. По образѡ / іакоже халдѣи ѡмѡтъ. Бо/лѡре же вси и весь син_
 клитъ, / такоже одѣлннїи едїнъ обра^з / ѡмѡще. Филиппѡ же по чинѡ /
 молебнаа совершїишѡ. Ра/дъ же бывъ о приходѣ црѣвѣ. / І испѡнисѧ
 Бжественнаго свѣ/83/та. Всю свою израднѡ на/дѣжѡ на Бга возложївѡ.
 / Егѡ же надѣетсѧ достѡинѣ / хрѡподражателнѣ полѡти / іаремъ. И^а
 кротѡсти дшѣв/нѣи войстиннѣ разжегсѧ / огнемъ Бжественнаа любви.
 / І іако адамантъ непоколебїмъ / на оуготѡванѣмъ емѡ мѣ/сте стол.
 Црѡ же к мѣстѡ / прїшѣдшѡ^н три крѡты блго/словенїе просїишѡ. Стѡ
 же / не ѡвѣщѡющѡ ничтѡже. / Болѡре же рѣша: Иако стѡи / іако
 блгочестївыи гдѣр црѣ И/ванъ Васїльевичъ всеа Росїи / прїиде твоѣи

вения у тебя». Блаженный же посмотрел на них и сказал: «Благой царь! Кому поревновал, что таким образом изменил свою красоту и неподобающим образом преобразился? С тех пор, как солнце в небесах пребывает, не слышано, чтобы благочестивый царь свою державу возмущал! Убойся, о царь, Божьего суда и постыдись багряницы! Как можешь ты другим закон полагать, когда сам виноват перед судом? Хорошо сказал богогласный песнописец: „Отвращайся лживых слов льстецов“⁵², поскольку нравом они подобны воронам — те очи телесные выклевывают, а эти — душевные очи ослепляют. Не допускают видеть вещи в истинном свете. Хвалы одних — сушая хула, хула же других многократно похвалы достойна. Твой же многоочитый царский разум должен твердо держаться доброго закона. Крепко иссушай потоки беззакония, чтобы корабль всемирной жизни не захлестнуло волнами неправды. Прекрати такое начинание! Написано: „Правда царя — в суде!“⁵³ Зачем убеждаешь свою благочестивую державу, что несправедные дела творишь? И как страждут православные христиане! Мы, царь, приносим Господу жертву чистую и бескровную за спасение мира, а за алтарем неповинно льется кровь христиан и люди напрасно гибнут. Ты, царь, хотя и образом Божиим почтен, но и праху земному причастен. И тебе прощение грехов необходимо! Прощай же и тех, кто против тебя согрешает, поскольку тому, кто прощает, даруется прощение! И господя, сменив гнев на милость, прощают слуг своих и даруют им свободу. Знаешь из Божественного Писания, ты же сведущ в учении, Сам Бог сказал: „Заповедаю вам — любите друг друга! Больше сей заповеди нет!“⁵⁴

сѣстости, трѣбуетъ бѣгословенъ быти /83об./ ѿ тебе. Блженнымъ же
 во рѣкѣ/вѣхъ на нь и пристѣпль рече: / Црю бѣгін комѣ поревновавъ /
 снцевымъ образомъ своего / зданіа добротѣ и змѣнилъ / еси. Неподобо_
 лѣпно водобра/зилъ сѣ еси. Ѣнедеже сннце / в ѣси. Нѣсть се слышано,
 / еже бѣгочестивымъ црѣмъ / свои имъ державѣ возмѣща/ти. Оубоиса
 ѿ црю Бжїа / сѣда. И постыдїса багр/ницы. Како инымъ законъ /
 полагаа, самъ вини сѣдныа / прїемла. Добре рече вѣгласнымъ / пѣсно_
 писецѣ. Ѣвращанса / ласковцевѣ, лѣстныхъ словѣ, / тако и враномъ хи_
 тательнымъ /84/ нравы. Ѣни ко тѣлесныа и/скопавантѣ очеса. Си же
 дшѣ/вныа ослеплантѣ мысли, / не пощпанце видѣти вещь /
 истинны. Ѣви ко хвалатъ / сѣщала хвалы достойнаа. Дрѣ/зи же хв_
 латъ мнѣгдажды хва/лы достойнаа. Твой же црїи / мнѣгочытыи
 разѣмъ соде/ржаи твердо добраго закона / правно. І исцѣшала крѣпко /
 безаконїа потоки. Да кора/бль всемирныа жизни не погрѣ/знетъ
 волнѣми неправды. / Престани ѿ таковаго начинанїа. Писано ко есть
 правда / црѣва в сѣдѣ. Почто твоа / держава оубѣдїса бѣгочестнѣ_
 /84об./ ти сѣщѣ, неправеднаа дѣ/ла творити. Колико стра/ждѣтъ право_
 славнїи хри/стїане. Яы оубо ѿ црю / приносимъ жертвѣ Гви / чѣтѣ и
 безкрѣвнѣ в мирѣкоѣ / спсѣнїе. Я за алтаремъ не/повинно кровь лиѣтса
 хрїта/ньскаа, и напрасно оуми/рантѣ. Яще оубо црю, / і образомъ
 Бжїимъ почтѣ / еси. Но перьсти земней / приложенъ еси. Проценїа /
 грѣховѣ трѣвѣши. Про/щай и къ тебѣ согрѣшан/цала. Яко проценїю
 даѣ/тса проценїе. І еже клеветѣ нашнхъ проценїе /85/ влчнла гнѣва
 свокода быва/етъ. До конца ко ти вѣдѣ/щѣ Бжественаго Писанїа /
 оученїе. Ѣждѣ семѣ поревно/валъ еси. Самомѣ Бгѣ рекшѣ. / Си заповѣ_
 дану вамъ да любите дрѣгѣ дрѣга. Болше сѣа / заповѣди никтоже

И божественный Его ученик, Иоанн Богослов, в своих посланиях пишет: „Кто не творит правду — не от Бога, также и не любящий брата своего, потому что такова весть, которую вы слышали от начала, чтобы мы любили друг друга“⁵⁵. И другие все Божественные Писания согласно говорят об этом и нигде иного не отыщешь».

Царь же возгорелся яростию и сказал: «О, Филипп! Наше ли решение хочешь изменить? Не лучше ли тебе пребывать с нами в единомыслии?» Святой же отвечал: «О царь! Тщетна будет вера наша! Тщетно и проповедание апостольское! И Божественное предание не принесет нам пользы, а его нам святые отцы передали! И все доброделание христианского учения! И даже само вочеловечение Владыки, совершенное ради нашего спасения! Он нам даровал все — чтобы непорочно соблюдали мы дарованное, а ныне мы сами все рассыпаем — да не случится с нами этого! Взыщет Господь за всех, кто погиб из-за твоего царственного разделения! Но не о тех скорблю, кто кровь свою неповинно пролил и мученически скончал жизнь, поскольку ничтожны нынешние страдания для тех, кто желает, чтобы в Царствии Небесном им воздалось благом за то, что они претерпели! Но пекусь и беспокоюсь о твоём спасении!»!

Царь же ни святительского обличения, ни запрещения, ни учению не внимал, но, сильно гневаясь и размахивая руками, угрожал изгнанием и смертными муками. И сказал: «Филипп! Нашей ли власти противишься, чтобы видели твердость твою?» Долготерпеливый же пастырь, не страшась ни запрещения, ни предреченных мук, отвечал: «Благой царь! Вашему повелению не повинуюемся и с недобрыми доводами, которые ты приводишь, не

имать. / И Бжественнымъ егò оучникъ^м / семъ же согласницѹ. Іоаннѹ /
 Бгословѹ во своихъ посланиихъ / пишущѹ. Вслкѹ бо не тво/рлн правдѹ
 нѣсть ѿ Бга. / И не лжели брата своего. / Ико се естъ обѣтованіе /
 еже слышасте исперва. Да / ликимъ дрѹгъ дрѹга. И / прочал всл
 Бжественнаа /85об./ Писаніа согласнютъ. И ни/гдѣ же р^звратно
 обрлце/ши. Црь же возгорѣвсл / ѣростію и глгаше: ѿ Фн/ліппе, наше
 ли изволеніе / преложити хощеши. Дѹ/чше было тебѣ с нами еди_
 /номыслено быти. Сты/и же рече: То о҃ко ѿ црю / тца вѣдетъ вѣра
 наша. / Тце же и проповѣданіе / апльское. И всде намъ вѹ/дѹтъ Бжес_
 твеннаа предá/ніа. Иже стін ѿцы предá/ша. И всл дѣланіа добро_
 дѣ/телемъ хртіаньскаго оуче/ніа. И самое же влчнлаго смотрѣніа во_
 члченіе, еже наше^{гв} /86/ ради спасеніа. И всл ѣже намъ / дарова, да
 непорочне соблюдаемъ. / Ннѣ же сами разыплемъ. Не / вѣди намъ того.
 Взыщеть / сегò Гѣ ѿ рѹкн твоел. Стл всл / сѣташасл ѿ твоегò цртве_
 наго / раздѣленіа. Не о тѣхъ ско/рваю, иже кровъ свою неповн/нно про_
 ливаютъ, и скончевá/ютсл мчнчески, понеже не/достонна сѣть страданіа
 / ннѣшнла, к хотлцимъ / блгнмъ тамо воздлтисл пре/претерпѣв_
 шимъ. Но имѣ^т / попеченіе и бждохмъ о тво^м / спасеніи. Црь же
 стльскаго о/бл(н)ченіа и запреценіа ниже / оученіа никакоже внимал.
 /86об./ Но гнѣвалсл на нь сѣло, и / рѹкою помавал изганіемъ /
 прецлше, и розными мѣка/ми и смертными навѣты. / И рече: Фи_
 ліппе нашеи ли держá/вѣ ѣвллешисл протнвенъ, / да вндитъ крѣпости
 твоел. / Долготерпѣливин же пасты^т / не болл преченіа ни мѣкѹ /
 предложеніа. И рече: Црю бла/гнн вашемѹ повелѣнію не повиндемсл, и
 развмѹ егò же / (несогласдемъ)¹ не добрѣ смыш/ллешн не гласдемъ,

¹ Слово, взятое нами в скобки, в рукописи зачеркнуто.

согласимся. Хотя бы и от тысяч злых мук пострадали. «Господня земля и концы ее»⁵⁶. Я пришелец и странник, как и все предки мои. За истину благочестия я подвизаюсь. Хотя бы и сана меня лишили или самым лютым страданиям предали — не смиряемся!» Услышав это, царь исполнился ярости. Безумные же клеветники, впад в соблазн, творя богомерзкие угождения бесам, не радуются о благочестии и смирении мира, но больше всего тщатся озлобить православное христианство, и разорить благочестие, и разгневать православного царя ради своей мимотекущей чести и славы. Подольщаясь к царю, говорят, что святитель извратил царские слова. И замышляют заговор и выдумывают ложь, как говорит великий Исайя: «Зачинают болезнь и рождают беззаконие»⁵⁷. И говорили: «Ложью покроем себя и всякий камень поднимем, чтобы слово сказать. Только бы со святого престола низложить его и потоки браней против христиан крепко утвердить». Также замыслили и народ от него отвратить и в конце концов епископов и церковь восстановить против него и представить дело царю. Анагност⁵⁸ Филиппа говорил: «Призвал меня посреди ночи, как бы ради благоговения и добродетели, но услышал я от него сопротивное и бесполезное. И даже пришлось мне от него пострадать». Услышав же это, епископы с обвинителями, а также угождающий царю архиепископ Новгородский Пимен и прочие негодующие, говорили: «Как это он дерзает царя наставлять, а сам неистовое творит?» Филипп же Пимену сказал: «Пытаешься чужой престол похитить, но вскоре и своего лишишься!» Дядя же его, экононом великой церкви Харлампий, сжалился над ним, ибо понимал, что оклеветали его. Подверг его пытке⁵⁹, а он со слезами говорил: «Не по своей воле дал я показания против Филиппа, но

ѣще и тма/ми ѿ васъ лютаа постраже^м. / Гнл ѣсть земля и концы ел.
 / ѿзъ пришлецъ есмь и преселни^к / ѣкоже и вси ѿцы мои. За нсѣи^{ннх}
 /87/ блгочестіа подвижанс. ѿще / и сана лишаемъ илн лютеи/шала
 предлежитъ пострадати не смиремса. Сїл оубо / слышавъ црѣ ѣрости
 испол/ниса. Навадницы же безд/мнии соблазнъ имѣлаху бго/мерскаа
 оубожденїа вѣсово^м / творяху. Не радвуютса о / блгочестїи і о смиренїи
 міра. / Но паче тшатса ослобити / православное хрїтїанство / и ра_
 зорити блгочестїе. И на / гнѣвъ превратити право/славнаго црл. Длн
 своей / мимотекѣща чти и славы. / Попадають црѣви глаголюще, / ѣко
 црѣвъ глз стль измѣни. /87об./ і оумышляють совѣтъ и сши/вають
 обоганїа, ѣже по ве/ликомъ ісаїи. Зачинають / болѣзнь и раждають
 везза/конїе. И лжею рѣша покрїе^м / себє. И вслѣзъ камень ѣже сло/во
 рѣции подвижѣтъ, ѣкоже / ѿ прѣола стѣго низложити. / и хрїтїанской
 вранїи оустремї/лице крѣпко сотвердїти. / Тѣже да и народъ ѿ него
 ѿвра/тлѣтъ, и конѣне еїпи воз/мѣтлѣтъ. И дѣло вѣ сїцево / црїю бо і
 еїпшмъ ещє в цркви сѣ/ще. Янагностѣ цркви Филї/пповы глаголаше:
 Блгоговѣ/иинства ради и докродѣтели / призвѣ мл. И понѣже посредѣ
 /88/ вїеть ноши. Сопротивнаа / ѿнидъ и неполѣзнаа ѿ нх^{же} нещє/_
 вѣше, ѿ него видѣти и по/страдати. Слышавше же / сїл еїпи і огла_
 голницы ѣже / оубожающей црїю. Пїминъ / архїеїппъ Новгородцїи, и /
 прочїи негодвѣще глагола/ху: Како црл оутвержаецъ / самомъ же
 нейстовал тво/рлщѣ. Филїппъ же к Пїми/нови глѣщѣ: Тцїишиса
 чю/жїи прѣола восхїтити, / но и своєго помалѣ и звѣрже/нъ вѣдешн.
 Стрыи же єго / Харлампїи икономъ великїа / цркви зжалнси сѣло,
 вѣдл/ше ѣко оклеветѣ. Особъ /88об./ истаза єго. Он же со слеза/ми
 глѣше: ѿко не своєю волею / но принуженъ есмь страхомъ. / Бѣ бо

принуждаемый угрозами». Был же отрок этот благообразен. Епископы же, любившие Филиппа, знали, что это ложь. Но не смели противостать лжи, ведая, что уже решено низложить его. Пришли же к блаженному и просили, чтобы он простил отрока. Отец же, по-отечески явив себя, зная, что юность легко склоняется к прегрешениям, сказал так: «Да будет милостив к тебе Христос, о любезный! И подаст тебе прощение и тем, кто тебя научил! Предвижу я тризну! Не понимаете ли, любимцы мои, ради чего хотят меня низвергнуть и подушают царя? Ведь я не произносил для них слов льстивых, не наряжал их в брачные одежды, ни ласкательством их не утешал! Но да не будет — чтобы я об истине умолчал! Не посрамлю епископский сан!» Так он говорил любящим его. Народ же и иноки благоговейные и все, пекущиеся о благочестии, не отступили от него, но еще больше прилеплялись к нему. Царь же гневался — но никто на замолвил мирного слова за святого. Доблестный же страдалец, не боясь ничего, молчал, но, подобно блаженному Павлу, вопиял: «Ибо для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение»⁶⁰.

Спустя некоторое время настал праздник святых апостолов Прохора, Никанора и Пармена⁶¹. Вне же города есть женский монастырь, а в нем храм Пречистой Богородицы⁶². По обычаю в этот храм на праздник приходили царь и митрополит, согласно древнему уложению царскому. Пришел же царь со всеми боярами и всеми слугами. Блаженный же Филипп вне монастыря шел по стенам с крестным ходом. Когда же подошел к Святым вратам, настало время читать Святое Евангелие. Обер-

бл҃годѣяніемъ отроѣ. / Епѣпи ѿже любашенъ Філіппа / знаяще ꙗко лжа
 єсть. Оуже / ничтоже смѣлахъ гл҃ати. / Вѣдающе ꙗко сложишася на /
 ѿзверженіе єго. Припадше ^м / къ бл҃женномъ молухъсѣ ѿ / разрѣшеніи
 отрока. Съцъ же / ꙗко ѡцъ отеческаѣ отрокѣ / показѣ. Вѣдаше ꙗко
 легчѣиши сътъ юношескіѣ к ви/намъ согрѣшеніѣ. И гл҃аше / сице: Бди
 тебѣ мѣтвиѣ Х҃ѣ, / ѿ любезне. И даждь ти прощєніе, остави во тѣмъ
 /89/ ѿже тѣ на сѣ наоучиша. Ви/ждь бо трізнѣ даѣмъ. Не вѣ/сте ли
 любимицы чєсѣ рѣди хѣ/талѣтъ мѣ ѿзверженіи, и цр҃ѣ / поѣщѣаютъ на сѣ.
 Понєже и^м / не прострохъ словєсъ лєстныѣ. / Ни в рѣзы брачны одѣлахъ.
 / Ни ласкорѣзства ѿмъ оутѣ/шнхъ. Не бди ми. ѿще ѿ и/стиннѣ
 оумолчю да не п(в?)очѣ/сѣ въ епѣпскіи чинѣ. Сѣ же / емъ к любл-
 цимъ єго гл҃юхъ. / Православнїи же народи і юно/цы бл҃гоговѣннїи. И
 всїи ѿже / ѿ бл҃гочєстїи подвижѣишася. / Никакоже ѡстѣпѣише ѡ не/_
 го. Но пѣче прилѣплѣхъсѣ. / Цр҃ю же гнѣванухъсѣ. Гдѣ /890б./ оубо ни
 сошєдшєсѣ слово мнѣ/рѣно ко стѣомъ не глаголаше. / Дѣблїи же страдалицѣ
 ни сєгѣ / оубо лѣсѣ оумолчѣ. Но ꙗкоже / бл҃женннѣ Пѣвелѣ вопїѣ. / Жи-
 тїе оубо мѣ Х҃ѣ, і єже оумре/ти приобрѣтеніе жизни / єго. (праздни-
 кѣ)¹ Жалѣ же / врѣмени минѣвшѣ. Праздни/кѣ пришєдшѣ стѣихъ ѡплѣ
 / Прѣхѣра и Никѣнѣора и Пармѣна. / Жѣнастѣирѣ оубо ^{єтъ} девѣическіи / внѣ
 грѣда, в немъ же храмъ / Прѣчтѣе Бѣцѣ. Обычай бо цр҃ѣ^м / прихѣдѣти на
 праздникъ / и митрополитомъ по оублѣженію дрѣвннхъ цр҃ей. Пришєдшѣ
 же цр҃ю со всѣми колѣ^м /90/ и со слѣжѣишми всѣми. Бла/женномъ^м
 Філіппѣ внѣ мо/настѣирѣ со крѣтѣи по стѣна^м / ходѣхъ. Дошєдшѣ же
 стѣѣ / вратѣ. Врѣмени же приспѣ/вшѣ хѣтѣлѣ чєстїи стѣѣе єѣвалїе. / і

¹ Слово праздникѣ в рукописи зачеркнуто.

нувшись, он увидел пришедших с царем в тафьях⁶³. Обратившись к царю, сказал: «Когда совершается божественное славословие и читается Слово Божие, во утверждение христианского закона полагается стоять и слушать с непокрытыми головами. Откуда пришел к нам агарянский обычай — стоят все единоверные с покрытыми головами?» Царь же сказал: «О ком ты говоришь?» Святой же отвечал: «О твоих боярах и советниках!» Царь же оглянулся, чтобы увидеть, но они быстро сняли тафьи. Никто же из предстоящих не посмел сказать царю — поскольку это были любимцы царя, лютые и нечестивые начальники, сеятели тайных сорняков, горячие служители злобы. Оболгали блаженного Филиппа, сказав: «Неправду говорит! Над властью твоей царской надругался!» Тем самым приняли заповеди от лукавого, говорящего в их сердце, раскрыв болезнь душевную и сокровенное обнажив лукавство. Отовсюду лютейшие наветы приносили царю, стремясь не только низвергнуть Филиппа с престола, но и из города изгнать — мужа, достойного вечных селений. Но он пребывал непоколебим, воспевая с Давидом: «Если и ополчится против меня полк, не устрашится сердце мое»⁶⁴.

Царь же не просто решил его извергнуть, боясь, чтобы не возмутился народ. Вскоре после показаний лживых свидетелей посылает он на Соловки Суздальского владыку Пафнутия, да архимандрита Феодосия, да князя Василия Темкина, а с ними множество воинов, чтобы дознать о блаженном, каковым было его прежнее житие. Придя в Соловецкий монастырь, покушались они неправду творить: склоняли к угождению царю живущих там иноков, иных лестию и мздоимством, иных умягчая сановными почестями, чтобы те по их желанию лжесви-

обзорѣвса всплътъ. И вѣдѣ ѿже со црѣмъ пришѣдшии / столѣцнхъ в
 тафѣи. І обрѣа/цъса къ црю ѿ рече: Бжѣстве/нномъ славословію совер_
 ша/емъ. И Бжѣю словъ прочита/емъ хрѣтіаньскаго законѣ / во оутвер_
 жєніе, ѿкровєнны/ми главѣми послѣшати по/добаетъ. Ѹждѣ сімъ се /
 привидѣ агаранскаго за/конѣ почитаніе. Покровѣ/90об./нными главѣми
 пре'столати. / всѣ едїновѣрни сѣще. Црь же / рече: Ктò оубо єсть сѣй.
 Сты/ѿ же рече: Твоєа црѣкѣ держѣ/вы ѿ совѣтныа полѣты. / Црь же
 хотѣ вѣдѣти быв/шее. Онѣ же сокрѣвше тафѣи. / ^{Никомъ} же ѿ
 пре'столатцнхъ тѣ смѣюцѣ / сказати. Бѣ бо ѿ любїмыхъ / црѣмъ.
 Лїтїи же нечєстїа / пре'стателїе. Сокровєннїи плѣ/веломъ сѣлателїе, теп_
 лїи слò/вы савжїт(ї)елїе. На блженнаго / Филіппа совратївше рѣша /
 ꙗко не истиннѣ глєтѣ. Держѣ/вѣ твоєй црѣстѣй нарѣгалса. / ꙗкоже ѿ
 глїюсаго, тѣмъ вѣ / срѣце лѣкаваго прїемше заповѣ/91/данїе. И волѣзнь
 дшєвнѣю развѣ/ргше. И крѣюцєє^а лѣкїе обнажїв/ше лѣкавѣство. Навѣты
 то/мъ ѿвсїадѣ приношахѣ лю(тѣ)/тѣнїша. Не ѿ прѣтѣла тóчїю, / нò ѿ
 ѿ града ѿзгнати тѣацєса / достóйна сѣщаго нѣныхъ селє/нїи. Но онъ
 непоколѣбнмъ / съ дѣдомъ пол. ꙗще ополчїтса / на ма полкѣ, не
 оубойтса срѣце / моє. Црь же не прòсто ѿзвєр/цїи єгò хотѣше да не воз_
 матє^т / нарòдъ. Вскòрѣ^ж по ѿзвѣцє/нїю лжїныхъ свидѣтелєй. / Посы_
 лаетъ в Соловкїи, сѣзда/льскаго влѣкѣ Пафнòтїа. да / архїмарїта Феò_
 дòсїа, да кнѣ/зл Васїлїа Тѣмкїна. И с нїми /91об./ мнòгнхъ ѿ
 воїнскаго чїнѣ. / Испытати о блженнемъ. / Каковò было прѣжнее жи_
 тїе / єгò. Дошѣдшии же ѿмъ Сò/ловѣцкаго монастырѣ. Не / ꙗко ѿмъ
 прѣвала творїти / покòшахѣса, нò на оубождє/нїе црю. Живѣцнхъ же тѣ
 / ꙗнокъ. Ѹвѣ оубо ласканїем' / ѿ мздоймствомъ. Ѹвѣхъ же / санòвными
 почестѣми оумл/гчїша. Да по нхъ хотѣнїю / нарѣчїе воздадѣтъ на сѣаго,

детельствовали против святого, других же страхом запрещения склоняли. Легкоумных же и безумных привлекли к своему замыслу. Архон⁶⁵ же Василий да архимандрит Феодосий неприятную вину на святого возводили. Епископ же Пафнутий не желал слышать тех, кто истину говорил о святом. Игумену же епископский сан посулил, уловив его в такое многосмрадное сообщество, сплетя совет неправедный и грешный. Как говорит пророк Давид: «Они злое мыслят в сердце, всякий день ополчаются на брань, изощряют язык свой как змея, яд аспида под устами их»⁶⁶. Богоносным же и честным старцам, живущим во святой обители, многие раны нанесли, повелевая им неподобную напраслину на святого возводить. Они же и нрав имея по образу благочестия, словно добрые страдалцы, всякие скорби с радостью принимали за своего пастыря. Все, словно едиными устами, исполняясь Духа Святого, вопияли: «Непорочно его житие и в Боге попечение о святом месте этом и о братском спасении!» Те же не желали слышать о святом благих свидетельств и, возвратившись в Москву, взяли с собой игумена Паисия, таково имя легкоумного, более же безумного, с иными клеветниками. И представили перед царем лжесвидетелей и лживые и многосмутные свитки свои положили. Были ослеплены грехоболием, не вспомнили пророка, говорящего: «Рыл ров и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил. Злоба его обратится на его голову»⁶⁷.

Царь же, услышав про необходимые для него книги, повелел их перед собою и боярами прочесть. И, желая гнев свой поскорее излить, не убоился суда Божия, поскольку не подобает царям вину святителей расследовать. Согласно правилам их епископов судят в том случае, если они совершили вину. В этом случае и царь

/ ѡвѣхъ же и страхомъ преценіа / прецахъ. Легкоумныхъ же / рекъ и
 безумныхъ ко своѣмъ / оумышленію привлѣкоша. / Василіи же архонъ,
 да архіма/92/рнъ Феодосіи мало ѡраднее / на стѣго винъ слагхъ.
 Паф/нотіи же епъ ни слышати хр/таше еже ѡ стѣмъ истиннъ /
 глѣщихъ. Игъменъ же епъ/скіи санъ посдѣлвше, ко своѣ/мъ оумышленію
 оуловіша. / И тако многосраднѣю сонми/цѣ совокупивше. Сплѣтце /
 совѣтъ неправеденъ и грѣше. / По прѣкъ дѣдъ. Иже помысли/ша
 неправдъ в срѣцы. Весь днь / ополчхъ врани. Издѣстри/ша языхъ своі
 іако змійнъ, / іадъ аспиденъ подъ оустнами / ихъ. Бѣноснымъ же и
 чѣтны^м / старцемъ живѣщимъ во стѣи / обители. Многи раны
 сотво/92об./рша повелѣвающе имъ на/прасно на стѣго неподѣвал /
 глати, оні же по образъ / блгочестіа и нравъ имѣше. / Іако довліи
 страдалицы всл/кѣ скорби с радостію пріе^млю/ше за своѣѡ паствра. Іако
 / единеми оусты стѣго дха / наполнѣми истиннъ во/пїютъ. Непорѣное
 еѡ жи/тїе и по бзѣ попеченіе ѡ стѣ^м / мѣсте і ѡ братцкомъ спасѣ/ніи.
 Тіи же ни слышати хр^тхъ / ѡ стѣмъ блгѡе еѡ исправленіе. / И возра_
 тишася к Москвѣ. / Взаша с собою игъмена Па/исѣю тако бо емъ
 йма, ле/гкоумнаго паче^м безумнаго /93/ со иными клеветники и с
 лѡж/ными словеса. И постави/ша пре^д црѣмъ лжесвѣдѣте/лей. И лѡж_
 ныа и многосмѣ/тныа своі свѣтки положи/ша. Ослѣплени бо быша /
 грѣхоболѣемъ. Не поманѣша / пророка глѣца. Рѡвъ и зры^м / ископа и
 впадѣса въ лмъ иже / содѣла. Обратитса болѣ/знь еѡ на главъ еѡ.
 Црѣ же / слышавъ сіа книги, іако сѣ/ть емъ оугѡдны повелѣ / пре^д
 собою и предъ болары поче/стїи. И вскорѣ гнѣвъ своі / исполнити хотѣ.
 Не оубо/са сѣдѣ бжїа. Еже црѣмъ не / подобаетъ стльскїа вини
 /93об./ испытѡвати. Но епїи по пра/виломъ сѣдѣтъ. І аще вини /

власть свою употребляет. Здесь же царь все самовластно совершил — послал боярина своего Александра Басманова со многими воинами и повелел блаженного Филиппа изгнать из храма. Пришел же боярин в соборный храм Пречистой Богородицы и изрек пастырю царицы слова: «Недостойн ты святительского сана!» И повелел перед ним и перед всем народом прочесть лживо составленные книги. Пришедшие же с ним напали на святого, как свирепые звери, и сорвали с него святительские одежды. Он же обратился к служителям и сказал: «О чада! Печально наше разлучение! Но я еще более радуюсь, поскольку ради Церкви все это принимаю! Настанет время, когда оживеет Церковь! Пастыри же, словно наемники, будут презираемы! И кто сможет престол этот освященный удержать? И кто во святом этом храме Божией Матери погребен будет?»⁶⁸ Эти слова, произнесенные им, многих в изумление повергли, как не относящиеся к делу. Мы же вернемся к повествованию. И возложили на него ветхие и разодранные иноческие одежды и изгнали его из храма. Посадили в повозку и повезли за пределы города. Иные же ругались над ним, и толкали за пределами ворот, и били метлами, и осыпали тьмами злодейственных укоров, и как безумные в бешенстве постыдные игралища диаволу устроили. Стражи всякими видами мучений и досаждений страсотерпческую голову осыпали. И, исполнившись умиления, Филипп, поруганные ризы на себе видя, и слыша досаждения, веселился, укрепляясь надеждою на будущие блага. Как мученик нагим принимается, совлеки ложь и облакаясь в праведность. Вспоминая вольное страдание Христа, говорил: «Без помощи Божией ничего не можем совершить! И без наших усилий по-

достойнѣхъ вѣдетъ ѿ црѣвѣ власти своѣ на немѣхъ показѣетъ. / Задѣ же само-
 властно сотворѣ, нимало пожда. Послѣ бо/лѣри на своѣго Алексѣя Ба/сма-
 нова, со иными мнѣги/ми воѣны кентриѣоны ѿ ко/ментарсѣи. ѿ повелѣ
 блжѣннаго Филиппа ѿзгнати / ѿз црѣвѣ. Прише^ашдъ же бо/лѣри^н в
 соборнѣ црѣвѣ / Пречѣтые Бѣы. ѿ ѿзрѣкѣхъ па/стырю црѣвѣ глы. Не-
 досто/инѣхъ есѣ стѣльскаго сана. ѿ / повелѣ предъ нимѣхъ ѿ прѣ^а всѣ^а / нарѣ-
 домѣхъ честнѣ ложно со/94/стѣвленныя кнѣги. Пришедѣхъ/шии же съ нимѣхъ
 нападѣша на / стѣго ѣако сѣровѣи звѣрѣе. / ѿ совлекѣша съ него стѣльскѣи
 чи^и. / ѿн же обрѣщѣся къ своѣмѣхъ црѣкѣ/вникомѣхъ ѿ рече: ѿ чада се
 скѣрѣно разлѣченіе моѣ ѿ васѣхъ. / Но паче радѣюся ѣако црѣвѣ ра/ди сѣл
 всѣхъ прѣобрѣтохѣхъ. / Настоянѣхъ бо времѣа ѣако во/вѣтѣво прѣлѣхъ црѣвѣ, пас-
 тырѣе ѣако наѣмницы презира/ѣми вѣдѣхъ. Нижѣ совершено / сѣдѣлице
 ктѣ оудержнѣхъ. / ѿ во стѣнѣ сѣи црѣкви Бѣжил Мѣре / погребѣнѣхъ вѣдетъ.
 Сѣл же емѣ / глѣщѣхъ, мнѣгнѣхъ во оуднвлѣ/ніе привѣдѣ. ѿако помѣлѣ ѿ
 /94об./ в дѣло произыти. Паки же / на прѣжеречѣннаахъ возвратѣ/мса.
 ѿ возложнѣша на него / рѣзы ѿноческѣахъ мнѣгошвѣ/нны ѿ ра^здрѣнны.
 ѿзгнѣша / егѣ ѿз црѣкви. ѿ посаднѣша егѣ / на возило. ѿ внѣ града по-
 везѣша рѣганѣсѣа. ѿнѣ^и же / ко ѿсходѣ дѣбри рѣкѣще ѿ ме/тѣлами бѣище.
 ѿ тѣлами / злодѣйственныахъ оукорнѣзны / приношахѣ емѣ. Чтѣ бо ке/-
 зѣмнѣи стѣдѣнаа вѣсовѣ/нѣа дѣлаомѣ ѿгрѣлицѣа не со/твориша. Но всѣкѣхъ
 видѣхъ / мѣнѣа ѿ досаждѣнѣа на стра/стотѣрѣчестей главѣ, при/стѣвницы
 сотворнѣша. ѿ ѿ/95/спѣлннѣша оумилѣнѣа позѣрѣ / блжѣнныи же
 Филиппѣхъ по/рѣганныахъ рѣзы на себѣхъ вѣ/дѣа ѿ досаждѣнѣа веселѣсѣа, /
 оукрѣплѣемѣхъ ѿ надежнѣхъ вѣ/дѣщнѣхъ блѣхъ. ѿако да мѣнкѣхъ / нагѣхъ ѿметѣа
 совлѣчѣсѣа лѣ/стнѣ. Подалѣ правѣдство. / Помнѣнаа во/льное страданѣе / Хѣво. ѿ
 глѣше кромѣхъ по/мощнѣ / Бѣжил ничтѣоже совершнѣти / мѣжемѣхъ. Нижѣ бо

могает нам Бог, но мы должны трудиться — не ради мимотекущего, а для лучшего и вечного! Но дело совершает Бог!»

Те же привезли святого к Богоявленскому монастырю, за рынок, где торгуют подержанными вещами. Народ же провожал его, плача. Видя своего пастыря и крепкого заступника за все Православие страждущего, а себя лишенного своего учителя, предвидя окончательную свою погибель. Преподобный же архиерей Филипп, весь тот православный народ на обе стороны крестообразно осеняя, сподобил их благословения. Смирению Христа моего подражая, словно у креста, и так мой страдалец подвиги своего безгневия явил и люди свои поучал, вспомнив слово Господне: «Терпением вашим спасайте души ваши!»⁶⁹ И сказал: «Все это я принимаю ради того, чтобы вы спешили делать добро и в смятении вас утвердить! Если бы не знал о любви вашей, то и одного дня я не пробыл бы здесь, но сразу бы ушел! Но слово Божие укрепляет меня: „Пастырь добрый душу свою полагает за овец!“⁷⁰ Но да никто же из вас пусть не смущается тем, что со мной происходит. Все это — дело рук диавола, который желает препятствие сотворить. Если же хочет Бог — пусть так и будет, да не уклонюсь в сторону! Христос с нами — кого же нам бояться? Благодать его с нами! А я готов за вас все принять. Вашей любовью венец мне сплетен в этом преходящем веке, если допустит его мне принять Бог! Как обо мне сегодня думают? В болезнях всякая победа приходит и трудами стяжаются венцы! Но умоляю вашу любовь — уповайте на Бога, чтобы никто не смог вас от Него отторгнуть! Это для нас же наказание нам ниспослано — для исцеления греховных наших струпьев! Не от чужих, но от своих — радостно примем от них

кромѣ на́шего потщаніа помогáеть / нáмъ Бгѣ. Нáше бо ѣсть тщá/_
 тисл не нá мнмотекщее, / нò на лѣчшее и вѣчное. Бжїе / же ѣсть на
 дѣло и́звѣстїи / тá же привезóша стáго к' Бгò/95об./ явленію в мнѣтырь
 за ветош'но́й торгѣ. Нарóди же прово/жахѹ егò плáчуще. Внѣдхѹ /
 своегò пáстырл и крѣпкаго / застѣпника за все правослá/віе страждѹща.
 Иже и́ оучѣл / своегò ѡлѣчѹща. Свѣѣ же / всеконѣчнаго чáюще скон_
 чаніа. / Прп'ьныи же архїерѣи Филиппъ / всѣ тѣ правослáвныи нарóды
 / на оубѣ странныи крѣтáобрá/зно оубѣнлл своегò блгосло/веніа сподоблше
 ихъ. Хл мо/егò смиренїе подражал ѣкоже / при крѣтѣ. Оице моегò
 стра/дальца подвиги. Своегò без/гнѣвїа образъ показѹа. / И люди своа
 поучѣа. Слово /96/ Гне вспоминал ѣже рече: В те/рпѣнїи вáшемъ
 стáжните дша / вáша. И глá сїа: Се прїлх(...)/ тóчїю того рáди да вы
 бы спѣ/ли на доверò. И возмѣщенїе вá/ше хотл оутвердїти. Ище не / бы
 вáшеа любвѣ дѣла. Тò / и днѣ едїнъ не рачїлз быхъ пре/быти здѣ нò
 ѡшѣлз. И слово / Бжїе оукрѣпї мл. Пáстырь / добрын дшѹ свою
 полагаѣтъ / за оубца. Да никтоже вáсз смѹ/тїтсл обывáющихъ сїхъ. /
 Се все дѣлволз сотворїлз ѣсть. / Хотл спòнѹ сотворїти. Ище / хóщетъ
 Бгѣ да сїце вѣдетъ. / Да сл не склонїи на странѹ. Хс / с нáми ѣсть, когò
 сл нáмъ бол'тн /96об./ блгодáть бо ^{егò} и мамы. И зъ за / вы прїлти что
 либо готòв' / ѣсмь. Ико вáша любвѣ вѣне / мн плетѣнъ в прихòдлщїи /
 вѣкѣ. Еда побѣтитъ се мнѣ / прїлти Бгѣ. Икоже о мнѣ / ннѣ
 мыслатъ. В волѣзнехъ / бо вслка побѣда вывáетъ, / и трѣды
 готòватсл вѣнцы / нò молїи вáшѹ лнкобѹ да оупо/вáете нá Бгá. Да
 никтоже / вáсз ѡторгнѹти мóжетъ. / Се ѣсть нáмъ наказáнїе
 лн/бїтельно. Грѣхòвнымъ / нáшимъ стрѣпомъ на исцѣ/ленїе. Не ѡ
 чужїхъ бо нò ѡ / своїхъ. Да прїїмемъ ѡ ннѣ / вслклá скòрби радостно.

всякие скорби, словно нечто приятное. Господь сказал: „Любите врагов ваших и благотворите ненавидящим вас. Благословляйте проклинающих вас и молитесь за тех, кто делает вам пакости. Бог же мира да устроит для вас все необходимое по великой благодати Своей!“⁷¹». Люди же, все это слыша и приняв от него последнее любовное прощение, возвращались плача, вспоминая свои грехи. Предстала перед ними уготованная им участь и возмездие — гроза царская обступила их, а укрыться негде.

И спустя некоторое время повелел царь привезти блаженного Филиппа в епископию для свидетельства перед обвинителями. По-прежнему же возили святого с поруганием. Встал он перед царем и те клеветники, облечшиеся неправдою и нечестием своим. И его, пастыря, ученик — только по имени игумен Соловецкого монастыря — по делам же своим Иуда-предатель с подобными себе, лживые речи произносили против святого, поскольку жаждали начальствовать. Блаженный же сказал: «Благодать Божия во устах твоих, чадо! Словно уста лживого отверзлись против меня — если же чего-то недостойн, да не тщетно подвизаюсь. Не ведаешь ли глаголющее Божие слово: „Если кто скажет брату своему — ”безумец”, повинен геене огненной“⁷². Если же ты и подпал искушению похитить эту власть и нечестное произносишь слово — это не мое слово, а Писания: „Что посеет человек, то и пожнет!“⁷³ Многие смятение возникло. Святой же стоял, словно агнец среди волков в преподобии и правде, именем Господним сопротивляясь им. О таких хорошо говорит пророк: «Прокляты в начинаниях своих! Меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся. Многие скорби праведным, но от всех их избавит их Господь. Надеющиеся на Господа, словно гора Сион,

/97/ ꙗкоже ѿмъ годѣ. Г҃Ѹ рѣкшѸ. / любїте врагїи ва́ша ѿ добрѡ /
творїте ненавїдѣшїмъ / ва́сѸ. Бл҃гословїте кленѣшѣмъ / въ. И моли́тесѧ
за творѣшѣмъ ва́мъ па́костїи. Бг҃ъ же / мїра да оустроїтѸ ва́мъ по/
лѣзнам ꙗкоже во́лнтѸ бл҃го/ствѣ егѡ. Ст҃ѧ же наро́ди ѿ него / слы́шахѸ.
И конѣчное любѡ/вное прощѣніе ѿ него ^{всѣ}прїемлю/ще. Возвраща́хѸсѧ
пла́чю/ще. Воспомина́юще своѧ / согрѣшѣніѧ. Е́же бысть ѿмъ / гото́ва/
го предложѣніѧ, ѿ воз/мѣздїе во о́честѣхъ ѿхъ стѧ. / Грозѧ цр҃ева всѣхъ
о́бнѣла, / а оукры́тисѧ не могѸшїмъ. /97об./ И помѧлѣ вре́мени повелѣ
цр҃ь / бл҃женнаго Фнаіппа прївести / въ еѿппїю на свидѣ́тельство / пре/
свидѣ́тели егѡ. Ст҃їи же / возїмъ бл҃ше по пре́жнемъ с по/рѣганїемъ.
ОтѧвшѸ же е́мъ / пре^д цр҃емъ. И тїи навѣтнїцы / о́дѣлшасѧ неправдою
ѿ нечѣ/ствїемъ своїмъ. І егѡ па́стыреѣ / оученїкъ Соловѣцкаго мнѣрѧ /
їменованїемъ то́кмо ѿгѣме/нъ. Дѣлы же ꙗко Іѿда предѧ/тель. О своїми
подѡбными. / И многостѧвныѧ на ст҃аго / рѣчи ѿзнесѣ. ꙗкоже е́сть
хо/тѣшїмъ любовначѧльство. / Бл҃женнын же рече: Бл҃годѧть / Бж҃їѧ во
оустнѸ твоѡмъ чадо, /98/ ꙗко оустѧ льстїваго ѿверзѡ/шасѧ на мѧ. ꙗще ^{ан}
что ѧвлясѧ / недостаточествѸа достої/на да не вотщѣ текїи. Невѣ/си ли
глющеѣ Бж҃їе сло́во: ꙗще / кто речѣтѸ братѸ своѡмъ ѿ/роде повїненъ е́сть
геѣнѣ о́гне/нѣи. ꙗще ѿ подшѧлсѧ еси / вѧще сѧ вла́сти похїтити. /
И сѧ нечѣстне гонзнешїи, не / моѣ во е́сть сло́во сѧ писанїю / глющѸ,
ꙗкоже что сѣетѸ / чл҃къ то ѿ ѿпѡжнетѸ. МногѸ / оубѡ смлѣтѣнїю бывшѸ.
/ Ст҃їи же (рече) стѡлше ꙗко агнѧ / посредеѣ волковъ в преподѡ/бїи ѿ
пра́вдѣ, ѿменемъ Гнїи^м / противлѧлсѧ ѿмъ. О тако/98об./вѸхъ во
добрѣ рече прр҃къ. И / омразишасѧ в начинанїихъ / своїхъ. Оубжїе ѿхъ
внїдетѸ / в ср҃ца ѿхъ, ѿ лѸцы ѿхъ сокрѸ/шатсѧ. Мнѡгїи скорби пра/
веднымъ і ѿ всѣхъ ѿхъ ѿзбѧ/внтѸ ѧ Гѣ. Надѣющеисѧ на / Гѧ ꙗко гора

не подвинутся веки»⁷⁴. Блаженный же Филипп, неотложное течение жизни оканчивая, неистовство царское обличил: «Прекрати, — сказал, — благочестивый царь, столь неуютное начинание! Вспомни прежде бывших царей и, словно древние князья, которые тогда правили, или тех, которые сейчас правят, делая добро, — они и после смерти ублажаемы. А если зло творили в царстве и ныне немалыми проклятиями поминаются. Потрудись и ты, христолюбивый, подражать обычаю благих. Не умолишь смерть светлостью сана. Смерть во все вонзает свои многоядовитые зубы. Так что предложим до того немилостивого ее пришествия плоды добродетелей — сокровища на небесах! Никто из живших в мире не взял собранного с собою после смерти. Нагим отдает отчет о жизни своей. Так и царь да не превозносится, но вспоминает свое плотское происхождение от земли и праха, восходя и нисходя с престола!»

Царь же исполнился гнева и не отвечал ему ничего и повелел предать блаженного суровым воинам. Они же, схватив его, сказали себе: «Испытаем беззлобие его и уморим его бесславною смертью. Зачем он противится царскому повелению? И тогда никто не будет противиться и обличать беззакония наши. Уморим его, поскольку он один без страха царя обличает и укрепляет его». После этого посадили его в зловонный хлев и ноги забили в колодки и тяжкие цепи возложили на шею доблестного и руки заковали железными оковами. И морили голодом, пытаясь непобедимого мужа, с юных лет привыкшего голодать, привыкшего целую неделю без пищи обходиться, победить. Но муж, как и подобает мужу, по-мужски явил победу — ибо любящим Бога все служит ко благу. Знает

Снѡнѣ неподвижи/тсѧ вѡвѣки. Бл҃женнын же / Филипѣ неѡлѡжное
теченіе / скончѡвал. Цр҃ѣво неистовѣ/ство обличѧл. Престѧни рече / бл҃го-
честивын цр҃ю ѡ таковаго / неѡгѡднаго начинаніѧ. Воспомани прѣже
бывшихъ цр҃ей. / І ѡкоже древнии кнѣзи, кѧцы / тѣи вѣлѡхѡ тогда. Кѧцы
ли / сътъ ннѣ. Иже добрѡ твори/99/ли и по смѣрти блажиии сътъ. / И
и(х)же слѣ цр҃тво держали. И / ннѣ немалыми клѧтвами / поминѧ-
ютсѧ. Потщисѧ и / ты хѡлюбче бл҃гихъ подражѧ/ти ѡбычай. Сѧна свѣт-
лостію / неѡм(а)оленна бывѧетъ смѣрть. / На всѧ бѡ внизѧетъ многѡ-
гѧдовитѧ свѡл збѣы. Тѣ^м / оубо прѣжде тол немин^астива/го
пришѣствіѧ. Предложим' / нѧ нѣси сокровища, добродѣ/телеи плоды. Ни-
ктоже бѡ / ѡже в мирѣ сѡвѧ, ѡнамо ѡ/ходѧ нѡситъ. Но всѧ ѡстѧ/вивъ
на землі. Нѧгъ слово / ѡдѧетъ ѡ житіи своемъ. / Ище^о и цр҃ь да не
возноситсѧ. /990б./ нѡ да помыслитъ плотскѡе / същество. Ѣ землѧ и
перѣти / на престѡлѣ восходѧ, и с негѡ / по времени сходѧ. Цр҃ь же гнѣ-
/ва наполиси не ѡвѣща ни/чтоже. И повелѣ предѧти / бл҃женнаго
вѡиномъ сѡровы^м. / Онѣ же прѣемше ѣгѡ и рекоша / в себѣ. Искѣсимъ
безслѡвѣ/ство ѣгѡ. И смѣртію безлѣ/потною ѡуморимъ ѣгѡ. Занѣ/же
сопрѡтивитсѧ цр҃скомѡ / повелѣнію. И не бѡдетъ ни/ктоже сопрѡтивенъ. І
обличѧл бе^ззакѡнїѧ нѧша ѧще сегѡ / ѡуморимъ. Занѣже ѡнъ едн^и /
крѣпокъ цр҃ѧ обличѧл і оубо/крѣплѧл. Посѣм же посади/100/ша ѣгѡ во
злосмѧрднѡ хлѣвинѡ, / и нѡзѣ ѣгѡ забѣша в клѧдѣ / со всѧцѣмъ
ѡутверженіемъ, / рѡгѡущесѧ емѡ слѣ. И вериги / тлѧжки на сѣ ѡгѡтѡ-
ванны во^зложѣша на вѣю добл҃го. И рѣ/цѣ ѣгѡ стл҃гнѣша ѡкѡвы
же/лѣзными. И гладомъ мори ти / покѣшышесѧ непѡвѣдѧмаго. / Иже ѡ
иности ѧлѧти навѣ/кшаго. Се^мицѡ без пища за/твориша мѡжа. Но
мѡжь / ѡко мѡжь мѡжески повѣдѡ / показѧ. Ико любѧщимъ бѣѧ / всѧ

Господь, как избранных Своих от напастей избавлять, как и при Данииле случилось в Вавилоне — львы укротились, устыдившись пророка, а люди не помиловали его, поскольку были по естеству гневливы⁷⁵. Пророка устыдились люди, которые по естеству были кроткими, глядя на него. Что же до моего страдальца, то нечестивые люди не умилились, но бесчувственная сила посрамилась святым мужеством — с шеи и рук сами упали цепи и прекрасные ноги, утверждающие мир, освободились от колодок. Как и псалмопевец говорит: «Очи Господа на праведных и уши Его приклонены к их молитве. Многие скорби праведным, но ото всех их избавит их Господь»⁷⁶. Царю же обо всем этом донесли, и он весьма подивился этому. После восьми дней повелел блаженного привезти в монастырь святого чудотворца Николая, прозываемого Старым. После же этого отломил ветвь от прекрасного родового корня трудолюбивого пастыря, сорвал плод, чтобы сокрушить душу крепкого. Повелел казнить родного брата — Михаила Ивановича Колычева, и голову послал к нему. Святой же Филипп благочестиво встал и, со всякой честью приняв ее, поклонился до земли и благословил. И любезно целовал ее и сказал: «Блаженны те, кого избрал и принял Господь. Память их из рода в род!»⁷⁷ И возвратил ее принесшему.

Об изгнании блаженного Филиппа в Тверь и о преставлении его

Увидев же терпение твердого адаманта и непоколебимую стойкость и ко своему начинанию непреклонное отношение, непоколебленное заточением, осуждает крепкого в Отрочь монастырь близ города Твери. Через некоторое же время и неблагодарного надзирателя приставляет. И в уготованное место вскоре изгоняет его.

поспѣваютьъ во бл҃гое. / Вѣсть бо Гѣ како и званна / своа ѿ напастн
и збавлѣти. / Икоже и при Данилѣ случиса / 100об. / в Вавилонѣ. Тѣ
бо лвы оукро/тишася оустыдѣвшася прѣка. / И чѣцы не помиловаша егò.
Иже / блхѣ чрезъ естество гнѣвн/вы, прѣка оуспраминшася. / И чѣцы
* естествомъ сѣще кро/тцы, на нь зрѣше не оукроТн/шася что же
моегò стра/дальца триженіе. Человѣ/цы не оумилншася. Но нечю/_
вственаа крѣпость оуспра/минсѣ ст҃аго мѣжества, с вы / егò и рѣкз
желѣза спадòша / самн. И ноги красны мнрз / оутвержающа свободн_
шася / ѿ клады. Икоже и ѿ алмопѣ/вцѣ глющѣ. Очи Гни на пр҃_
ве/дныа, и оуши егò въ млтвѣ / 101/ ихъ. Мнѡги скорби праведны^м /
и ѿ всѣхъ ихъ и збавитъ ѿ Гдѣ. / Црю же о семъ оувѣдѣвшѣ ^{и в оуспраминіе}
принѣшѣ^ш. / И по днѣхъ осмнхъ повелѣ / блженнаго привестн в мнты¹ /
ст҃аго чудотворца Никòлы / старомѣ тако нарицаемъ. / По семъ же ѡтор_
же вѣтвь ѿ корене роствѣ добраго трѣдо/лиенаго пастыря. ѿл плодз
/ да (не) ¹ преломитъ дшѣ крѣпз/каго. Повелѣ казнити бра/та егò ѿ
родныа. Мнхѣйла И/вановича Колычева. И главѣ / егò посла к немѣ.
Отыи же / Филиппъ бл҃гочестивнѣ во/ста. И со всакою чтїю воспрїл. / И
поклониса до землѣ. И бл҃го/101об./словн и любѣзно цѣлова и рече: /
Блжени ѣже и зера и прїлтъ / ѿ Гѣ памать ихъ ѿ рода и в ро^а. / И
ѡдастз ѣл принѣшемѣ ю. /

О и згнаніи блженнаго Филип/ппа во Тверь, і о преставленіи /егò. /
Видѣ же црь твердаго ада/манта терпѣніе, и непо/колебимо теченіе. И ко
сво/емѣ начинанію непреложеніе. / Заточеніе^м крѣпкаго осуджа/етъ. Во
ѡрочъ мнтырь гра/да ТФѣри. Времени же ма/лѣ прешедшѣ. И нази_
рате/ла небл҃годарны приставнша. / И во оуреченное мѣсто вскорѣ / и з_

¹ Зачеркнуто.

Скудоумные приставники везли его на лошадях неподобно, не давая желудку усвоить съеденное и постоянно издеваясь. Многострадальная же его душа не оскорбилась, не осиротела, напоминая себе слова блаженного апостола Павла, говорящего: «Кто нас отлучит от любви Христовой: скорбь или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч»? Как написано: «За Тебя умерщвляют нас целый день, сочли нас за овец, обреченных на заклание»⁷⁸. Это доблорассудно вспоминая, блаженный Филипп говорил сам себе: «Надеюсь, что ни смерть, ни жизнь, ни заточение, ни позор, ни разлучение со своими родными, ни сановные почести, ни другая какая тварь не смогут отторгнуть нас от любви Христовой! Как угодно Господу, так пусть и будет! Да будет имя Господне благословенно отныне и до века! Благое принимал я от руки Господней, неужели злого не приму? Господня земля и то, что наполняет ее. Если же Бог за нас, то кто против нас?»

Находился же блаженный в заточении почти год, утесняемый скорбями и терпя досаждения от приставников, как я уже писал. Во время оно царь отправился в Великий Новгород, чтобы свое начинание в дело претворить⁷⁹. Еще не достиг он города, в котором был блаженный заточен, упомянутый начальник, злобный подстрекатель, супостат святого, Малюта Скуратов внезапно и без опаски вошел в келью святого. Блаженный же Филипп за три дня до его пришествия говорил бывшим с ним: «Настало время завершить мой подвиг!» Они же не уразумели, что он говорит до тех пор, пока он не скончался. А он, просветляясь лицом, говорил: «Близко мое отшествие!» Принял же причастие — Пречистое Тело

гнаніе сотвори. Чтѡ же на пѣти блженномѹ сотво/102/рѣша скѹдоуѣмніи
 приставни/цы намьскѹхъ везеніе неподѡбное. И нѣжное сыришѹ иссѹче-
 /ніе и рѣганіе присное. Много/страдальнаа же она дѣша ни/какоже
 оскорбѣ илѣ осирѣ. / И в себѣ поминѣл блженнаго / апла Пѣвла глѹща.
 Ничтѡже / менѣ разлѹчѣти мѡжетъ ѿ / любвѣ Бжїа. Окѡрбъ ли, илѣ
 / тѣснѡта илѣ гоненіе. Илѣ / глѣдъ. Илѣ наготѣ. Илѣ / рѣны. Илѣ вѣдѣ
 илѣ мечь. / Икоже ѣсть писано. Ико те/бѣ рѣди оумерщвлѣмы ѣсмы /
 вѣсь дѣнь. Вмѣнѣхомса ѣко / овца заколенію. Сїа оубо бла/женнымъ Фи-
 липпѹ обращѣа /102об./ во оумѣ, доброра³сѣдано ^{гласше}. На / дѣю бо са ѣко
 ни смѣрть ни жи/вѡтъ, ни затѡченіе ни позѡ! / Ни своѣхъ срѡдникѹ по-
 средѣ / ра³лѹченіе. Ни санѡвнымъ пѡ/чести. Ни йнаа кѣа тѣарь / воз-
 мѡжетъ ѡторгнѹти ^{насъ} ѿ / любвѣ Хвѣы. Ико^ж Гвѣи годѣ / тако и вѣ-
 дѣтъ. Бѣдѣн йма / Гнѣ блгословѣно ѡннѣ и довѣ/ка. Блгѣаа воспрѣлѹхъ ѿ
 рѣ/кѣи Гнѣа. Злыхъ ли прѣте/рпѣти не ймамъ. Гнѣа бо / ѣсть землѣа і
 йсполненіе ѣа, / аще Бгѣ по насъ ктѡ на ны. / Проходѣщѹ же блжен-
 номѹ / оубже к совершенію лѣто вѣ / затѡченїи. Окѡрбъми стѣ/103/снѣ-
 вѣемъ ^и ѿ приставникѹ до/сажденїи. Икоже и выше на / знамена^х. Во
 время же оно / црѣю шѣствїе творѣщѹ в ве/лїкїи Новгградѣ своѣ начн-
 на/ніе в дѣло наворачѣащѹ. / Ёще ѣмѹ не дошѣдшѹ града / в немъ же
 блженнымъ поточѣнъ. / Прѣ^а помлнѣтѹмъ препосїтѹ, / подстрѣкатѣль слѡ-
 вѣ. / Сѣаго сопостѣтъ Малюта / Скѹратѡвъ. Внезапѹ вѣ³ / ѡпасѣнїа прї-
 ѣде в кѣлїю сѣаго. / Блженнымъ же Филиппѹ прѣ/жде трїѣхъ днѣхъ
 прїшѣсѣтѣа / егѡ к сѣщїимъ ^{тѣ} гласше: Сѣ оубже / совершенїе моѣгѡ пѡд-
 вїга / время прїспѣ. ѡннѣ же не /103об./ ра³мѣша ѿ негѡ глѣмыхъ,
 / ѣко ѡ себѣ глѣтъ дѡндеже ско/нчѣса. Та же нача свѣтѣ^а / бывѣати
 гласше ѡшѣствїе моѣ / блнзъ. Прїемлетъ же испѣ/тника прѣчїтѡе тѣло Хѣ

Христа, Бога нашего, и дивоточную Кровь. И преобильно исполнился Пресвятого Духа и стал тайновидцем сокровенных вещей. Малюта же, исполненный лукавства, властолюбивый раб, умильно припадая к блаженному, сказал: «Поддай благословение царю, владыка святой, чтобы идти ему в Великий Новгород!» Блаженный же отвечал: «Пусть будет так, как ты хочешь, о любезный! Напрасно меня искушаешь и Божий дар ложью похитить хочешь!» И, сотворив молитву, так сказал: «Владыко, Господи Вседержителю! Прими с миром дух мой и пошли ангела мирного, чтобы усердно наставлял меня Трисолнечному Твоему Божеству! Да не возбранен мне будет исход начальником тьмы с падшими его силами! И не посрами меня перед ангелами Твоими, и к лику избранных Твоих причти! Яко благословен во веки! Аминь!» Каменносердечный муж подушкой зажал ему уста, обличавшие неистовство суетных. Так святой предал душу свою в руки Божии — увенчался мученическим венцом 23 декабря 1570 года. Жизнь окончил и подвиг совершил.

Малюта Скуратов, свершив то, что хотел, вышел из келии и с пронырством начал говорить настоятелю обители и приставникам, что из-за их небрежения митрополит Филипп умер от печного угара. Они же, объятые страхом, ничего не могли отвечать. Малюта велел вырыть глубокую яму и повелел погresti многострадальное тело блаженного Филиппа за алтарем великого храма Пресвятой Богородицы. И возвратился туда, откуда пришел. И как говорится — Божие отмщение на тех, кто неправед-

Бѣга / ншего и животочнѣи кровѣ. / ꙗко обилнейши весь исполнил /
 Престѣаго Дѣа. И бываесть / тайновѣдецъ сокровенныѣ. / Чтѣ же началѣ
 лѣкавства / властолюбиваго раба. Оумилне припадаа ко блженноу мѣ
 глаше. Подажь блгослоуеніе црю влако стѣи, итѣи / в великіи Новѣ
 градѣ. Блженныи же рече: Бѣди ти ѣакоже / хощеши ѿ лѣбѣзне на не
 же /104/ пришель еси. Вскѣи мѣ искѣшаеши, и дарѣ Бжїи лѣстїю /
 не пщевати хощеши. И сотво / мѣтѣвѣ сїце рекѣ.

Молѣтва. /

Влако Гї Вседержителю прїими / с миромъ дѣх мѣи. И послѣи / агглы
 мїрна ѿ престѣа славы Своѣи наставляюща мѣ / оусердно ко трисѣ
 нечному ти / Бжестѣвѣ. Да не возбраненъ / мѣ вѣдетъ восходѣ ѿ начал
 ни/ка тѣмѣ со ѿстѣпными егѣ сї/лами. И не посрамї мене пре / агглы
 твоими. И лику и зѣбранныхъ мѣ причтїи, ѣако / блгословенъ еси во
 вѣки аминь./

Каменосердечныи же ѣнъ мѣжъ / залѣтѣ праведнаго оустѣа /104об./
 поглавїемъ. Обличающа / неистовство сѣвоумныхъ. / И тако стѣи пре
 дастъ дшѣ / своѣи в рѣце Бжїи. Вѣнцемъ / мѣнїа оувазѣса. В лѣто, /
 *30нѣ, декабрѣа вѣ, кѣ, днѣ. / Теченїе скончѣ и подвигъ совершїи. Не
 блгодарныи же ѣнъ / Малиѣта Скѣратовъ скѣнчѣ/вѣ своѣ хотѣнїе, и тако
 и зѣде ис кѣлїи. И пронїрѣ/ствомъ начѣ глаголати кѣ / настолателю
 ѣвнѣтел тоа, / и пристѣвникомъ. Ёако не/вреженїемъ вашиимъ Фи
 липпѣ митрополитѣ оумре / ѿ неѣстѣвнаго знѣи келїинаго. Онїи же
 страхомъ ѣде/105/ржїи ничтѣже ѿвѣщати / могѣще. Малиѣта же
 ровѣ / глѣбокѣ сѣло и зрїти по/велѣ. И пре собои погребѣ / многостра
 дадноѣ тѣло блаженнаго Филиппа. За ѣла/рѣмъ великіа цркѣи Пѣтѣа
 / Бѣа, и возвратїса пакїи ѿ/нїа же прїиде, ѣбаче же / да речѣтса

ное сотворил страстотерпцу Филиппу — клирикам и савновникам и тем, кто сана не имел. Объяли их недуги лютые, но не те же самые, что и Филиппа, — царское прещение на них обрушилось. Потом узнал царь, что лукавством низложили блаженного Филиппа. Разыскав тех, кто это сделал, повелел их изгнать в различные страны. Испытали позор, достойный жалости, — многие из них еще по пути лютую смерть приняли, другие же ходили с гноящимися ногами, издавая смрад, иные же ума лишились. Игумена же Соловецкого монастыря Паисия повелел заточить на Валаамском острове и тех, кто с ним был единомыслен, по разным странам разослал. Филофея же, Рязанского епископа, изверг из сана. Когда же вернулся царь из Великого Новгорода и найдя вину архиепископа Новгородского Пимена, который негодовал на блаженного Филиппа, то и это вспомнил и повелел заточить его в монастыре святителя Николая на Веневе. И раскаялся он в том, что на святого несправедное сотворил. Не забыл же и тех, которые, будучи приставниками, святого оскорбляли. И вскоре месть сотворил — Стефана Кобылина облек в черные одежды и изгнал на Каменный остров и иных же по различным разослал. Никто же из них и жизни не постиг и тайных слов честного отца, светлее солнца всем воочию предложивших. Ведь Писание говорит: «Всякое беззаконие заградит уста свои»⁸⁰.

О возвращении мощей блаженного Филиппа в Соловецкий монастырь

После преставления блаженного Филиппа царь Иван прожил еще довольно времени и преставился ко отцам своим. И был вместо него его сын, благочестивый царь Феодор. В седьмой же год благочестивой державы

Бѣже ѿмщеніе, / ѿже неправедно сотвориша / стрѣпотерпцѣ Филиппѣ. /
 ѿ клирикъ же ѿ рѣдникѣ санѣ/внхѣхъ, ѿнѣхъ же ѿ сана неѿ/мѣщихѣхъ.
 Како ѿхѣ пріѣша / недѣзи лѣти. Не точію же / се, но ѿ црѣво преценіе
 пакн / на нѣхѣ возвратиса. /105об./ Послѣднѣ бо оубѣдѣ црѣ ѿако /
 лѣкавьствомъ сложиса на / блженнаго Филиппа. Нзыска/кавъ оубо
 ѿзвѣстно, повелѣ / ѿхѣ ѿзгнати по разлічнымъ / странамъ. И вѣ вѣн-
 дѣти / позорѣ оумиленіа достѣинѣ. / Анѣзи бо ѿ нѣхѣ на пѣти лѣ-
 тѣю смѣрть пріѣша тако ^а же / ѿ дрѣзін согнѣтіе по ногамъ / ѿхѣ ѿхо-
 ждаше съ смердѣніе^а. / ѿвѣн же ѿ нѣхѣ оумъ погѣвнша. / Головецкаго
 же мѣтырѣ ѿгѣ/мена Пайсею во ѡстровъ Валѣ/мскіи заточѣти повелѣ, /
 ѿ ѣже сѣ нѣмъ ѣдиномыслѣ^аковъ / по ѿнымъ странамъ розосла. / Фило-
 фѣл же епископа Рязанъ/106/скаго ѿз санѣ ѿзвѣрже внегда / же воз-
 вратѣтиса емѣ ѿ вели/каго Новѣграда, ѿ вѣнѣ ѿзы/скавъ на архіепис-
 копа Новѣ/родскаго Пимина. И приложн / ѿ сѣ ѣже негодова на блженнаго
 / Филиппа. На Веневѣ в мона/стырѣ стѣаго Николы заточѣ/ти повелѣ.
 Икоже емѣ раска/лѣвшѣм ѡ стѣмъ ѿаже непра/ведно сотворн ѡ немъ. Не
 по/пѣстн же ѿ тѣмъ ѿже стѣаго / в пристѣвствѣ ѡскорѣвшѣ / ѿ. Но
 вскорѣ мѣсть сотворн. Стѣфѣана Кобылина в чѣ/рнѣ ризы облечѣ во
 ѡстровъ / Каменной ѿзгнѣніе сотворн. / І ѿнѣхѣ по разлічнымъ розосла.
 /106об./ Нѣким же ѿ нѣхѣ ѿ жити не / постн. И сѣ тайныа ѣтнаго /
 ѿца глы, слнца свѣтлѣн/ша всѣмъ воочію предложн/шася. Писанію бо
 глаголющѣ. Всяко бѣззаконіе загра/дѣтъ оубѣта своѣ.

О возвращеніи мощей блженнаго Фи/липпа в Головецкн мѣтырѣ. /
 По преставленіи же блженна/го Филиппа. Црѣ Івѣаннѣ / лѣта доволна
 препрово/днвшѣ. И престависа ко оцѣ^а / своимъ. И бысть в него мѣ/сто
 снѣз егѣ блгочестивын / црѣ Феѡдорѣ. В седмѣе же лѣ/то блгочестивыа

его, в двадцать первый год после преставления святого, благоговейные иноки Соловецкого монастыря вспомнили пот и труды и лаврское попечение блаженного Филиппа. Лишенные его пребывания, ибо не только своего престола лишился, но и скончался в изгнании, возвещают об этом наставнику своему Иакову. Услышав об этом, настоятель многой радости исполнился, поскольку словно от Бога это намерение пришло. Он сам помышлял — как перенести мощи блаженного к своему отечеству, ведь того хотел он сам: где дух его находится, чтобы там и телом пребывал. Вскоре пастырь отправился в царствующий город Москву ко благочестивому царю Феодору. Собираясь же в путь, взял с собою неких иноков, предвидя немалые трудности в дороге. Но на Бога уповая с надеждою, без задержек достигает города. К царю же приблизиться не дерзает, сомневаясь и в себе самом, ко святому обращаясь: «Поскольку настало время возвращения твоего к нам, подай благодать мне, чтобы я мог испросить, о страдалец, ибо в Боге ты жив и после смерти живым пребываешь! Но на твои молитвы уповая, дерзаю полезное испросить себе и чадам твоим! Не прогневайся на немилостивое сердце, если что-то тебе по неразумию сотворил, но подай святыню Духа, без нее же никто не увидит Господа! Ибо ты ходатай мира и за истину пострадал! Господние заповеди исполнил и ревнителем Его слов явился: «Блаженны миротворцы, ибо те сыновьями Божьими нарекутся!»⁸¹

Сказав все это, приступил ко благочестивому царю и сказал: «Даруй нам, царь благой, пустынного нашего гражданина Филиппа, наветами учеников изгнанного со своего престола, в чужестранствии затворенного во гробе, от юности наравне с отцами в киновии понесшего

державы / егò. В двадесать первое лѣ/107/то по преставленіи сѣаго. Со/ лоловецкаго мѣтра иноцы. / Блгоговѣиіи воспо^анѣша по/товѣ и трудѣ, и попеченіе лѣ/врьское блженнаго Филиппа. / Ннѣ же лишени егò вас/ пребы/ваніа. Ибо кромѣ своего пре/стола во изгнаніи скончавш/сѣ. И возвѣщаютъ настѣ/вникѣ своемѣ Іаковѣ. Сѣа же / слышав(же) настѣлн радости / многіи исполнисѣ. Иако ѿ / Бга и звѣщеніе пріишѣ к' своемѣ / начинанію. Помышляющѣ / оубо емѣ како бы пренести мó/щи блженнаго ко ѿчествѣ сво/емѣ. Иако тако стóмѣ и зболи/вшѣ. Идѣже дхмиз навдлн /107об./ неѿстѣпно ^{тѣ} и тѣломѣ превѣ/детъ. Немедно же оубо пѣ/стырь шествиѣ сотвори кз / црѣвнцемѣ градѣ Москвѣ, / ко блго(чес)тн/вомѣ црѣ Феодо/рѣ, но вскорѣ пѣтн касаетсѣ. / Поимѣ собоу нѣкѣл ѿ инокѣ. / Ище бо и пѣтнаго шествиѣ / трепѣца, іако ненадежно. / Но на Бга оуповаѣ надежден. / Бе з законѣннѣа оубо постизае^т / градѣ. К црѣ же приближити/сѣ держати не смѣетъ. Та/ко бо мыслію сѣмнѣлѣсѣ, и / в себѣ ко стóмѣ молашесѣ. / Понеже время прочее возвра/щеніа твоегò к намѣ. Блго/дѣть подаси ми испросити /108/ ѿ страдалѣе. Ибо по Бзѣ / живын и по смрѣти живѣ пре/бываетъ. Но на твоѣ мѣтвы / оуповаѣ держнѣхѣ полѣзнаѣ / просити себѣ же и чадомѣ тво/имѣ. Не возревнѣи немилос/тн/вномѣ срѣцѣ. Иже ти неразвмѣ/емѣ сотвориша. Но стѣини дха / без неѣ же никтоже оузритъ / Га. Ибо мирнын еси ходѣтай, / и за истиннѣ пострада. Гне / бо реченіе совершилѣ еси. И по/дóбникѣ егò словесѣ гавѣсѣ. / Блжени миротворцы іако тн / снове Бжїи нарекѣтсѣ. Сѣа же / емѣ и зглавшѣ и прѣстѣпль / ко блгочестивомѣ црѣ и рече: / Дѣрѣи намѣ црѣ блгїи пѣсты/108об./ннаго нашего гражданина Фи/ липпа, оучениковымѣ навѣ/томѣ ѿгнана своего пѣтола, / в чнжестран/ствїи во гробѣ / затвореннаго. Иже ѿ ино/сти равно ѿцемѣ в кинови /

труды. Ныне же и мы, живущие, проклятию подлежим, поскольку ему неразумное сотворили! Ты же, благородный, этим даром возвратишь благословение нам!» И обступили его и покорился царь молению пастыря и повелевает дать им свое царское послание ко епископу города Твери. Принял же Иаков послание с радостью, достигает города и там живущим так говорит: «Где положили миротворного светильника Филиппа, скажите нам! Где сокрыли нового Моисея, не законоположника, но принявшего страдания за людей Божиих. Более сокровищ царских принявшего поношения ради Христа!» Заскорбели тверские люди, услышав это. Также и епископу Захарии показал царское послание. Захария же не смог воспротивиться царскому повелению, повелел настоятелю того монастыря показать место, где был погребен блаженный Филипп. Но, хотя и не хотели показывать, гроб сам показался. Они же, считая все это тщетою, начали раскапывать землю и обрели гроб. Тотчас же от мощей святого, словно во время мироварения, неким неизреченным благоуханием наполнился воздух и город весь исполнился ароматами благоухания. Открыли же гроб и обнаружили тело святого — целое и нерушимое. Даже к одежаниям его не прикоснулось тление. Отовсюду же стекался народ различного возраста и с изумлением видели свет, подобный зажженным свечам, сияющему, словно звезды. Тут и епископ пришел, песнисогласные славословия Господу воссылая и радостно благодарность принося: «Кто может предугадать пути Твои, Боже? Ты творишь чудеса через Своих угодников! Велик Ты, Господь, во всех делах Твоих и дивен в щедротах! Довольно и нам, грешным, даров Твоих милостей! Велика любовь Божия к людям! Кто способен сказать о силе Твоей, Господи? Ка-

трьдѣи понесшаго. Ннѣ же / і намъ живѣщимъ клѣтвѣ / належѣши,
 ѿже емѣ неразѣ/мни сотвориша. И твоє / бл҃городіе сицевымъ
 дарованіемъ на ны наведетъ бл҃гословеніе ѿм же прѣстѣпникомъ. / Поко_
 рѣна оубо цр҃ь моленію пѣ/стырѣ, и повелѣваетъ дѣ/ти своѣ цр҃камъ писа_
 ніа къ / епѣ/ града Тферн. Пріем же / Іаковъ посланіе. Радостію /109/
 постизаетъ градъ. И тѣ жи/вѣщимъ тако глаше: Гдѣ / положите миро_
 творнаго свѣ/тѣльника Филиппа. Рцѣте / намъ гдѣ сокрѣтите новаго
 Ио/исѣа не законоположника но / страдати и зволнѣша ^{за мѣи Бж҃іи}. Пѣ/че
 цр҃кихъ сокровищъ взмѣ/нившаго поношеніе хвѣ. О/скорбѣша оубо твѣр_
 стій людіе слышавше сіа. Таже и / епѣ Захаріи показаша цр҃коє /
 писаніе. Захаріа же повелѣнію / цр҃комъ протѣвѣтисѣ не ^{из}мо/же. По_
 велѣ настоятелю мѣ/ста того показати гробъ, / идѣже погребенъ
 бл҃женныи / Филиппъ. Обаче же и не хотѣше /109об./ показаша гробъ.
 Самѣ бо свои / тщетѣ вѣнчѣхѣ. Начаша / же раскопѣти зѣмлю, і
 обрѣ/тоша гробъ. Обаче же іако / мировреніемъ искипѣти / ѿ моцей
 стѣго. Бл҃гочиніа / нѣкоєго неизреченнаго напо/лнисѣ воздухъ. И градъ
 весь / оумастѣша ѿ вони бл҃гочинна. Обрѣ/ша же ковчегъ, / і об_
 рѣтоша тѣло стѣго цѣ/ло и нерѣшимо, понѣ ни рѣ/зимъ єго прикоснѣсѣ
 тлѣніе. / Стекоша же сѣ ѿвсюдъ всѣа/го возраста народи. И бѣ ви/_
 дѣти оудивлѣ^{но} свѣщныи / бл҃сскѣ. Иакоже и звѣзды / сіающе. И тѣ
 же прѣтолникъ /110/ пришѣдшѣ. Главнѣловѣл пѣ/сни согласныа Гви
 возсылаю/ще. И радостію бл҃годѣрствѣ/ннаа приношахѣ. Кто оубо / мо_
 жетъ и честнѣ сѣ/бѣ твоѣ / Бж҃е. Елико твориши чудеса / своимѣ
 оубо/дники. Велии єси / Ги в дѣлѣхъ твоихъ, и дивѣ/ны в щедрѣтахъ.
 Довѣтѣт / и намъ грѣшнымъ дарованіе / твоѣ мѣти. Колику Бж҃е/ст_
 ва любѣвь имашѣ къ чл҃кѣ. / Кто доволѣнъ сказаѣти сілы / твоѣ Гди,

кой язык изречет о милостях твоих, Боже? Оказал благосклонность нам, рабам Твоим, — в этом последнем роде такого светильника явил! Сокровище древней благодости открыл для нас!» И со слезами обнимает и целует святого: «Ходатайствуй, — говорит, — к Царю всех, Богу, о городе, в котором живем, и нас в молитвах своих поминай!» И, одаряя Иакова, говорит: «Приими лозу, которая произросла от вашего виноградника, словно лилия в долинах сияя! Посланию царскому противиться не можем, но, отдавая мощи, испытываем печаль нестерпимую!» Радость же неизглаголанная объяла принимающих тело. Епископ же Захария со священным собором и со множеством народа честно проводили святого до берега реки, до того места, откуда иноки собрались отплывать. Игумен Иаков, приняв благочестный дар и бесценное сокровище, вскоре отправляется в путь, благодаря Бога, поскольку получил искомое и славя святого, что не презрел его. Когда же они со святым приблизились к острову, слышали об этом живущие в киновии и пошли навстречу иноки со множеством народа, со свечами и кадилами. И внесли его во святую и соборную церковь, которую он своими же трудами воздвиг, согласные песнопения Богу воссылая за то, что сподобились, не надеясь, обрести его. Радовался и святой, поскольку достиг отечества.

Когда же рано утром настоятель встал, чтобы созвать братию ко утреннему славословию, и вошел в храм, то почувствовал необычайный благоуханный аромат, который, подобно многоценному миру, наполнил храм, изливаясь от мощей святого. Как и прежде, дивился он и параклессиарх этому. И благодарили Бога и святого за посещение. После же совершения утреннего славословия, когда приготовили место, где должно было почивать тело, целовали тело святого. С подобающей честью по-

и лѣн кін ѣзЫкѣ / и зречѣтъ твоѣ мѣти, ѣже / оудивилъ єси на насъ ра_
 вѣхѣхъ / своихъ в послѣднемъ родѣ / сѣмъ. Таковѣ свѣтїлника /110об./
 показѣлъ єси. Древнѣмъ блго/сти ѡкрылъ єси сокровище / намъ. И со
 слезѣми обвѣла / цѣлуетъ стѣго. Ходѣтай/ствѣи глѣ ко цр҃ю всѣхѣхъ Бг҃ѣ
 / ѡ градѣ в немъ же обитѣ. И на / в мѣтвахѣ своихъ поминѣи. / И тако
 дѣрствуетъ ѣакова / глѣ: Прїими грѣзѣ иже ѡ / винограда вашего
 и зрастѣ / ѣако кринѣ во оудолїнѣхѣ сїлѣ. / Егѡ же радї писанїю цр҃комѣ
 про/тївїтїсѣ не мѡжемъ. Печѣль бо пѣки нестерпїма ѡдѣи/цихѣ
 мѡщи. Рѣдѡсть же не³/глѣннаѣ содерѣѣи прїемлѣ/цихѣ тѣло. Пѣки же
 Захарїи / єпїпѣ со сїеннымъ собѡромъ /111/ и со мнѡжествомъ народа
 чїтно / стѣго проводїша на край рѣкѣи, / до мѣста ѡнїодѣ же хотѣше /
 ѡплѣти. Иг҃менѣ же ѣако⁶ / прїимѣ дѣрѣ либочестнѣи, / и сокровище
 бесцѣнное, вскѡ/рѣ пѣти касѣетсѣ Бг҃ѣ бл҃года/рѣ ѣако полѣчїи искомѡе. И
 стѣ/го похвалѣше ѣако не презрѣ. / Егдѣ же приближитсѣ и мѣ со /
 стѣимъ ко отѡкѣ, оудслѣша/ше иже в киноїи живѣщїен. / І и зыдѡша
 во срѣтенїе и ноче/скїѣ четѣ со мнѡжествомъ / народа со свѣщїами и
 кадїлы, / и не соша тогѡ во стѣю и собѡ/рнѣю цр҃квѣ. иже своимї / трѣдѣ
 возградї, пѣснї /111об./ согласнѣмъ Бг҃ови во³сылѣище, / ѣако сподѡбї_
 шасѣ егѡ же не надѣ/ищесѣ обрѣтше. Рѣдѣетсѣ / оубо^и стѣи ѣако ко
 ѡчествѣ сї / достїже. Егдѣ же времѣ оу/тренемѣ славослѡвію клепѣти. /
 Оудранївѣ оубо настѡлї прїитї / в цр҃ковѣ. І обѡ(а)нѣше вонѣ бл҃го/оухѣ_
 нїѣ необычнаго полнѣ сѣ/щѣ ѣакоже мїра мнѡгоцѣнна/го, и злїѣнна ѡ
 мѡщїей стѣго, / ѣакоже и прѣже. Дивїти же / сѣ и парѣклїсїархѣ ѡ сѣмъ.
 / И тако бл҃годарївшѣ Бг҃ѣ и стѣ/го посѣщїенїю. По совершенї/и же оут_
 ренѣмъ славослѡвїѣ, / егдѣ оугѡтовѣвшѣ мѣсто и/дѣже хотѣше почїти.
 Цѣло/112/вѣвшѣ тѣло стѣго с подобною^{честїю} / тѣ и погребѡша. И дѣже

гребли его там, где он приготовил себе место⁸². И согрелось сердце его в нем и возрадовалась плоть его, словно он был жив и одушевлен, живя в Боге, и дарованиями чудес обогатился.

Чудо первое. О муже Василии, исцелившемся молитвами святого Филиппа митрополита

Спустя некоторое время после перенесения мощей блаженного Филиппа, поведал мне иеромонах Феодосий об одном случае. «Некий муж, — сказал он, — по имени Василий, из восточных стран, живший в обители преподобных отцов Зосимы и Савватия, стремясь добрым желанием к Богу и теплою верою ко святым, был изрядным мастером по ручным работам и изящным строителем. Бывшим тогда игуменом той обители было повелено ему с прочими трудящимися заготовить лес для поновления храма и для прочих монастырских нужд. Валили они лес, и как-то упало на него дерево, весьма великое, сокрушив ему многие органы и сильно изранив. И словно древнерасслабленного, которого Иисус мой исцелил, те, кто был с ним в лесу, едва его до монастыря довели. И думал он уже не о жизни, а о том, что ложе его станет гробом. На протяжении же болезни острыми воздыханиями сердце уязвляя и сердце огнем печали распаляя, одержимый тяжкой скорбью, что бы он ни делал, что бы ни говорил — умиленно взывал и горько стонал со многими воздыханиями, и омывался слезами, и ко святым молился, желая получить исцеление. Блаженного же Филиппа горячо призывая в болезни: «Помоги, — говорил, — будь ты мне надеждою и прибежищем! О, страдалец! Спаси ныне меня погибающего и уже третий год переносящего непрестанные тяготы болезни!» Когда же настал праздник Рождества Христова, увидел он друзей своих, идущих к

са^м / оуготова. И согрѣла / сердце его в немъ и возрадовася / плоть его
яко жива і оудше/влена о Бзѣ живе. И даро/нии чудеса обогатиса. /

Чудо, а. О мѣжи Василии і/сцѣлевшемъ, мѣтвами / сѣаго Філіппа
митрополі/та./

Малъ же / времени прише^л/шъ по пренесеніи мощей / блженнаго Фи-
ліппа. По/вѣда ми вещь сицевъ. Фе/одосіи ермонахъ. Мѣжь ре/чѣ нѣ-
кїи Василии именовъ / восточныхъ страны. Жи/выи во обители прѣ-
ныхъ /112об./ ѿца Зосими и Саватїа. Ра/читель же добрымъ же-
ланіемъ / къ Бгѣ, и теплъ вѣрою ко / сѣымъ. Но и рѣчнымъ хѣ/дожест-
вомъ и зрѣна, / і излѣна здѣтелъ в сѣщи^х / тогда бывша. Игъменомъ
/ же обители тоа повелѣно / бысть емѣ и с прочими Трѣ/жаницимиса
готовити / дерева на поновленіе црковъ/ное, и на прочал инаа поТрѣ/бы
митрскїа. Секциимъ / же имъ дерева. И по нѣко/емѣ слѣчаю падѣ на
негѣ дре/во превеліко зѣло, емѣ же / и телесныхъ оуды сокрѣши, / и
раны мнѣга наведе. /113/ І якоже древлера^зслабленнагѣ / сотвори, его
же ігъ мой и/цѣ/ли. Оудши же с нимъ едѣа / до митра его довезѣша.
/ І оуже не к томѣ жити оупова, / но одрѣ си грѣбъ себѣ помы/
шлѣа. Болѣзни же прѣл/женіе имѣши, воздыхань/ми острыми сѣце
си оуазвалъ/ше, і оутрѣбѣ огнемъ печали / распалѣше. И тѣжкою
скѣр/бію содержимъ. Чтѣ оубо не / глѣ или чтѣ не творѣше, оу/милино
взывѣа и горѣцѣ стѣ/нѣше. Со мнѣзѣмъ возды/ханіемъ и слезами
омывѣла. / И ко сѣымъ молѣшеся и/сцѣлѣ/ніе полѣчити желѣше. Бла-
/113об./женнаго же Філіппа теплѣ / призывѣа, в болѣзни по/моци
глѣше. Ты ми вѣди / надежа и прикѣжище о стра/дальче. Нѣтѣ мѣ
спаси поги/бающа. І оуже третѣ лѣто / исполняющъ, болѣзни о/таг-
ченіе непрѣстѣа. Пра/здникѣ же пришедшъ Хѣа Рѣтва. / Дрѣги своѣ

утреннему славословию. Сам же, конечно, лежал на одре. Разразился сильнейшим плачем и сам себе говорил: «Кто мое в Боге спасение и надежда? Какое обрету утешение и кем буду избавлен от этой напасти? Хочу умереть, нежели продолжать такую жизнь!» И многое подобное этому со многими рыданиями и плачем говорил.

Но что чудесно! Бог не попустил надолго сокрушаться печалию эту душу, но вскоре через Своего угодника подает Свою милость. От печали задремал болящий и видит себя на всенощном бдении вместе с иноками. Удивляется необычному изменению и видит некое странное явление. Сердце исполнено радости, так что и сказать ничего не может. Видит блаженного Филиппа, блистающего светом, облеченного святительским саном, ходящего с кадильницей и кадящего иноков. «И когда, — сказал, — приблизился к моему одру, посмотрел на меня и сказал мне: „Василий! Встань!“ Отвечал же ему больной: „Господи, Владыка мой! Не могу!“ Взял же его за руку святой и сказал: „Именем Господним будь здоров и ходи!“ Устрашило меня и почувствовал раздробленными костями необычное прикосновение. Вздрогнул и, проснувшись, ощутил себя стоящим у своего одра. Раньше не мог и двинуться, ныне же безболезненными ногами хожу». Воздавая благодарение Богу и хваля святого, приходит ко утреннему славословию и рассказывает все, что с ним случилось, инокам в соборе. Светло торжествуя день спасения своего вместе с друзьями, празднично духовно ликуя, приходит ко гробу святого и припадая, горячо целует, называя его благодателем жизни своей. За

вѣднѣтѣ ѿходѣ/ща къ оутренемѣ славословію. / Тамъ же конечнѣ лежаше
на одрѣ / зѣланѣишии возвожаше / плачь. И в себѣ мысломъ сїце /
глаголюше. Ктѣ оубо мнѣ естѣ прочее по Бжѣ спасенію надежда. / И кѣ
обращѣнѣ оутѣшеніе. / И кимъ избавленъ бѣдѣ сїце/114/ былъ напасти,
оумрети же/лаше. Неже к томѣ жити. / Таковѣмъ и тѣмъ подобна /
многѣмъ глѣ с плачемъ и рыданіемъ. Чтѣ же оубо ѣже чю/десемъ Бжѣ. Не
попѣсти / надомзе печалію сокращати / си дшѣ. Но вѣкорѣ оугѣднн/комъ
своимъ мѣтѣ свою пода/етѣ. Мало оубо ѿ печали во/здремѣмъ болѣн. На
всено/щномъ собраніи со ѣнокн се/вѣмъ вѣднѣтѣ. И необычнѣмъ / премѣнѣ_
нїю оудивлѣтѣсѣ. / И нѣкое явленіе страннѣ зрѣтѣ. / Серце оубо сѣще ра_
достнѣ полно / глати же не могѣше. Видѣтѣ / бѣ блженнаго Філіппа
блн/114об./стѣншасѣ свѣтомъ обочѣ/на стѣльскимъ сѣномъ с
кадн/лицемъ ходѣща и показѣ/нша ѣнокн і егда же речѣ / приближнѣсѣ
къ моёмѣ одрѣ, / взрѣвѣ на мѣ и глѣ мнѣ: / Василіе востани. ѿвѣщѣв
же / емѣ болѣн: гн, вѣко мой, не мо/гѣ, емъ же мѣ за рѣкѣ стѣн / и
речѣ: Зарѣвѣ бѣдн ѣменемъ / гдннмъ и ходн. Оустрашн бѣ / мѣ и
ослзаніе, содроглены кѣ/сти ещѣ не терпѣтѣ не ѣ/вѣчнаго прикосновѣ_
нїа со/дрогнѣвъ же скоро и во³внѣхъ / ѿ видѣнїа, зарѣва себѣ /
оцѣтнхъ столца оѣ своѣгѣ / Одрѣ. ѣже и^{но}гда двннхнѣтѣ, /115/ не
могнн. ннѣ же вѣболѣзнено / ногѣма шѣствѣа. Бжѣ бѣ / блгодареніе
воздаѣ и стѣго / похвалѣа. в монастырь / оубо приходнѣтѣ ещѣ
оутре/немъ славословію совершѣемъ, / и повѣдаѣтѣ всѣ ѣ себѣ слѣ/чнѣ_
шасѣ в соборѣ ѣнокомъ / с подрѣгн же своимн свѣтло / торжествѣа
днѣ спасенїа / своѣгѣ. Праздннхъ оубо прѣ/здн^нчнѣа дхѣовнѣ ликствѣа
/ и кѣ грѣбѣ стѣго приходнѣтѣ, / припадаѣа, амѣзно обѣемѣа / цѣлѣѣтѣ
блгодѣтелѣ жи/вотѣ своѣмъ нарицѣѣтѣ, / во всѣмъ же Бжѣ всѣхъ про_

все же Бога всех прославляет, поскольку Он такую благодать даровал Своему угоднику блаженному Филиппу.

Чудо второе. О иноке Исайе

Иное поведал мне священноинок той же честной обители Соловецкой Геронтий. «Брат, — рассказывал он, — по имени Исайя, по прозвищу Зоря, знаменит был среди иноков своими подвигами и трудами. Неоднократно был главным поваром и в поварне с горячею верою обращался к блаженному Филиппу и достойную получил помощь. Однажды одолела его зубная боль и не видел он никакого спасения, разве только вырвать их. Одна болезнь породила другую болезнь — ослабли ноги, так что он и с места сдвинуться не мог. И многие дни недуга никуда не выходил, и келья горькой стала казаться. Умоляет он иноков, которые жили с ним в келии, чтобы его, болеющего, принесли к раке блаженного Филиппа и прибег он к бесплатному врачевству общего предстателя, надеясь, что он там некое ослабление от болезни своей получит. Брат Григорий прислушался к его молению и хотя немало понадобилось труда, привел его ко гробу святого Филиппа и стал свидетелем чуда. Больной, видя перед очами руку святого, с верою моление ко Господу простирает и просит даровать ему исцеление. Дерзает коснуться к раке святого, словно ко врачу, чтобы исцеленному отойти. «Всякому просящему, — верно сказал мой Иисус, — дастся!» Тотчас же дело последовало вослед вере — болезнь недуга ослабляется! И если до этого не мог двинуться без помощи, теперь же силою благодати Христовой пошел без чьей-либо помощи. Получил исце-

сла́в/ла́етъ. ѿже такоуѣ бѣ́года¹ /115об./ дарова́ своѣму оу́годнику
бѣ́же/нному Филіппу./

Чюдо второе о́ ѿноцѣ Исáиин. /

И́нз ѿнаа ми повѣ́да. Оу́ще/ннойнокъ Герóнтїи тоа́ же / чѣтныа о́бїтели
Соловѣцкіа. / Бра́тъ рече́ Исáиа ѿменемъ / зо(в)óмыи прослѣ́тїемъ зору́.
/ Знаменїтъ же бѣ́ во ѿноцѣхъ / подвїга рáди трѣ́дѡвъ. И́ архи/могѣръ
бѣ́лше мнѡ́гажды в' по/вáрнїцы. Тѣ́плз оубо вѣ́роу ко бѣ́женному Фн-
лїппу. / И́ тѣ́плыа вѣ́ры (о́верѣте)¹ / досто́йну о́верѣте мзда́. / Сла-
чїса емъ́ болѣ́знь зѡ́в/наа велми́ тажка́. И́на/коже спасѣ́на нѣ́сть.
/116/ То́чїю же ѿсто́ргнѡти ѿхъ. / Болѣ́знь же болѣ́зни прїтл/же. И́
к тому́ дрѹ́гал нападе́. / Нога́мъ о́славленїе, ѣ́же и́ двї/гнѡтїса ѿ мѣ́-
та не мо́гїи / и́ на мно́го вре́мѡ недѣ́га прѣтл/женїе сотвори́. Неїсхóдны
же / емъ́ днїе и́ келїа́ горестъ пока́за. Жо́лїтз оубо ѿноки ѿже / со-
жїтельствѡютъ емъ́ в кѣ́лїи. Да е́го болѣ́зни зѡ́мѣз/нѡютъ. Къ́ без-
мѣ́здномъ / врачевствѣ́ о́бщаго прѣ́ста/тѣла́ ра́цѣ бѣ́женнаго Филї/ппа
дове́дѡтъ. И́ако да во́лѣ́зни тáмо нѣ́кое оу́тѣшѣнїе / прїїмѣ́тъ. Бра́тъ
оубо Грїго́рїи на е́го молѣ́нїе оу́клонїса. /116об./ И́ще и́ трѣ́боваше
трѣ́да мнѡ́га. Кó гробѣ́ стáго Филїппа́ приво́дїтъ и́ чудесї / свѣ́дѣ́-
тель быва́етъ. / Болны́и же рѣ́кѡ стáго прѣдъ / о́чїма вїдѡ́ вѣ́роу молѣ́нїе
/ кó ГѢ́ прїстира́етъ, ѿсцѣ́ленїа́ полѹ́чїти прóситъ. / Стáго же ра́цѣ
касáтїса де/рзáе(т)ъ іа́коже врачà тогò / ѿмѡщїи, да не бездѣ́ленъ /
ѡ́нїти хо́щетъ. Всáкомъ бо́ / просїщемъ вѣ́рно, ѣ́же мо́й / Гсѹ́ рече́ да́стъ
са. И́бїе́ же дѣ́ломъ послѣ́дова вѣ́ра. Недѣ́га болѣ́знь оу́млагчѣ́ваша. /
И́же прѣ́жде подзкрѣ́палемъ / двїгнѡтїса не мо́гїи. Ннѣ́ /117/ же сі́лоу
бѣ́годати́ хвѡ́ никогò / же трѣ́вѡ́ самъ хо́ждаше. / Полѹ́чївъ же о́боу

¹ Зачеркнуто.

ление от недуга, проповедуя величие Бога и силу блаженного Филиппа в чудесах, принявшего такую благодать от Бога.

Чудо третье. О Иване серебряннике

«Как благ Господь к Израилю, к чистым сердцем!»⁸³ — как написано. Сотворил в этот век, когда приблизилась кончина и мало спасающихся, такого спасителя последнему роду даровал! В наши дни это произошло в океанской пучине, в Приморье, на реке, называемой Варзуга. Многие там скопили богатства, промышляя на море. Один из них, по имени Иван, серебряных дел мастер, пришел к нам в обитель преподобных Зосимы и Савватия чудотворцев, в Соловки. Сам же о себе в собрании иноков поведал: «Случилось мне, — сказал, — тяжело заболеть. Искусные врачи не смогли помочь, и я уже думал не о том, чтобы выжить, поскольку в безнадежной печали люди дерзают призывать смерть. Так и со мной случилось — долгое время пришлось страдать неослабно, приближалась ночь — болезнь день ото дня усиливалась, прилагая к одной другую, а утешения ждать было неоткуда. Возложил надежду на Господа. Скорый же в милости, долготерпеливый Господь, питая божественную любовь к людям, часто действует через Своих святых. Однажды ночью, когда я спал, — силы же были истощены от болезни и глаза открыты, — предстал передо мною светолепный муж в святительской одежде и сказал мне: «Человек! Чем ты болен?» Я же отвечал: «Господи! Утроба моя болит!» Святой же сказал: «Покажи мне, где болит!» Больной же пальцем указал на свои ятра. Блаженный же осенил крестным знамением и сказал: «Ты меня не знаешь?

недѣлѣ ісцѣ/леніе. Іко пр^мвѣдал велічїе / Бжїе. И сілѣ блженнаго
Филі/ппа в чудесѣхъ. Іже блгода^т / такоуѣ ѿ Бга прїимшаго. /

Чюдо третїе, о Іваннѣ сребре/никѣ.)

Роль блгѣ Бгѣ Іилевѣ / правымъ срѣцемъ. І^мже со/твори в оны же вѣкѣхъ
кончї/на достїже. Во дни в нлже / мало спасаемыхъ. Таковѣ / спасїте-
ла послѣднему родѣ / дарова. Іже в наша дни содѣ/ашася. Во окіанѣ
стѣи пѣ/чинѣ в приморїи на рецѣ глемеи / Варзѣга. Иноуи бо тамо
/117об./ веси члцы к сожитїю імѣтъ. / Богатства радн морскаго. /
Единъ же ѿ живущихъ тѣ. / Мѣжъ Іванъ имл емѣ. Хѣ/дожествомъ
же сын сребреннн / ковачѣ. Прїиде^к ^{на} во обїтель / прѣбныхъ Зосїмы
и Саватїл / чудотворцовъ в Соловкн. Са^м / о себѣ в собранїи инокомъ
повѣ/да. Слѣчи бо ми ся рече болѣти / тлжко зѣло внѣтренїи моеи. /
Ікоже и врачевстѣи хїтрос/ти не возмогати причаствн. / И оуже не к
томѣ жити оуповаѣ. / Іже в печалн члцы без на^ежн / смѣрть прнзы-
вати дерзавтѣ, / ікоже и мнѣ слѣчїса. Ещѣ же / и времѣ протлженно
імѣши /118/ вѣ^з ослабы страдати. Но^чн оубо / приближающнса прехо-
дїти же / дню. Пакн болѣзнь к болѣзни / прилагашеся, і оуже оутѣ-
ше/нїл ннѣкѣдѣ імѣл. На Га же / пакн возложїхъ надеждѣ. / Скó-
рыи же в млти многотерпѣ/лівын Гѣ иже колїкѣ бжтвѣ ^{анкѣ} / кѣ
члкомъ имать. Ізволн / дѣїствовати своимн стѣими. / Сплѣцѣ ми во
едїнѣ ѿ ношей. / Бодрости же не імѣл ѿ болѣз/ни око, ннже соверше-
но спл. / Прѣста бо ми мѣжъ свѣтолѣ/пенъ во стѣлской одеждн. / И
гла мн: Члче чїмъ болїши. / Ізъ же ѿвѣщахъ: Гї оутрѣбом / моею
болю. Стѣи же рече: По/118об./кажн ми мѣсто болѣзни. / Болнїи же
перстомъ показо/ваше свод їатра. Блженны/и же оубнн рѣкн своел
кѣто^м / и рече мн: Не знѣеш ли мл / митрополїтѣ во есмѣ Филі/ппѣ

Я митрополит Филипп, который в Соловках». И стал невидим. Пробудившись ото сна, исцеленный посещением святого, запел, возрадовавшись: «Кому не расскажу, Святой Боже, о Твоих знамениях и чудесах, которые творишь востину! Знаю тебя, поскольку великим от Бога благом сподобился преемником быть! Благословен Господь, поскольку посетил и сотворил спасение через тебя людям своим!»

О божественная и честная глава, святитель Филипп! С небес милостиво и на нас призирай. Ты со ангелами ликуешь в инобытии и, приняв освящение Пресвятой Троицы, светлее оттуда освящай прославляющих тебя! И утверждай рабов своих и молись за вселенную и за православного царя молись и церковный мир призывай и за священнический чин, не премолчи за иноков! Знаешь, что на нас словно вражеская рать ополчилась, ставя сети и всюду стремясь уловить. Молись за свое духовное стадо, чтобы побороть нам их, отжени мысленных волков молитвенною палицею своею, чтобы обрели мы добро, чтобы возлюбили его и обрели благодать, которую изволишь насыщать нас неизреченными благами. Позволь же и нам всем их получить. Благодатию же и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же достойно приносить всякую славу, честь и поклонение со безначальным Его Отцом и со Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и всегда и во веки веков! Аминь!

ѿже в Соловкѣхъ. ѿ пѣ/ки невидимъ бысть. Возвѣ/нвѣ же ѿзъ ѿ сна ѿ
 зарѣвѣ / бытѣ посѣщеніемъ сѣго. / ѿ радѣ/лсѣ полхѣ. Комѣ не / повѣ/мъ
 сѣче Бжїи твоѣ зна/менїа ѿ чудеса ѿже твориши. / Воистиннѣ свѣ/мъ
 тѣ ѿко ве/лїкимъ ѿ Бга блгїмъ сподѣ/блсѣ еси прїемникъ быти. /
 Блгословенъ Гбѣ ѿко посѣти / ѿ сотвори спасеніе тобою /119/ людемъ
 своимъ даровати. / ѿ Бжественнаѣ ѿ чїнаѣ гла/во стѣи Филиппе,
 свѣше / милостивнѣ ѿ на насъ призв/рай. ѿже со дѣ/глы ликостиѣ / в
 прїснобытїи. ѿ ѿ сїенїе пресѣ/тыѣ Трїа подзѣ/мѣлѣ наснѣ(л). / ѿтѣдѣ
 осїан хвалники своѣ / ѿ оутвержанъ рабы своѣ. Молї/сѣ оубо за
 вселеннѣю ѿ 34 право/славнаго црѣ. Молї ѿ за церь/ковнымъ мїрѣ. При-
 зывай / ѿ за чїстительскїи чїнѣ. Не / премолчи за ѿнокнѣхъ ѿс-
 полнѣ/нїе. Всѣи ѿко многа ѿже на / ны, вражїа рѣтъ, постав/лїици
 сѣтъ ѿ вснѣдѣ ловлїи. / Стѣи молїсѣ поворѣ за своѣ /119об./ дхѣвное
 стадо. ѿ жени во/лѣ/ки мысленыѣ мѣтвенѣ пѣли/ценъ своѣи. ѿ маши во
 добро / прїбытна егѣ же возмѣи, / ѿ оверѣте блгодѣть ѿже нѣво/ли.
 Насыщѣшисѣ неїзречѣ/нныѣхъ блгѣ. ѿхѣ же бѣди / ѿ намъ всѣмъ по-
 лѣчїти. / Блгодѣтїю (же) ѿ чѣколивїемъ / Гѣ нашего Іса Хѣ. Емѣ же
 лѣ/по естъ всѣка слава чѣтъ ѿ по/кланїнїе со всѣначалымъ егѣ / ѿщѣмъ,
 ѿ съ Прѣтымъ ѿ блгїи^а / ѿ Житворлїицымъ Дхѣмъ. / Ннѣ ѿ прѣно ѿ во
 вѣки / вѣкѣмъ / аминь.

Примечания

Замысел создать жизнеописание святого митрополита Филиппа возник у Г.П.Федотова еще во время жизни в Советской России. Несмотря на то, что мыслитель покинул Россию в 1925 году, когда Сталин еще только рвался к власти, Федотов пророчески ощутил необходимость напомнить своим современникам о жестокостях Ивана Грозного и подвиге митрополита Филиппа. Многие современники Г.П.Федотова — поэты, писатели и мыслители — пытались осмыслить происходящее, все чаще обращаясь к истории России. Ленина и Сталина сравнивали с Петром I, с российскими бунтарями-старообрядцами.

...Но лишь сейчас сказать пора,
Величьем дней сравнение разня,
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни...

(Борис Пастернак)

Есть в Ленине Керженский дух
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских ответах.

Мужицкая ныне земля,
И Церковь — не наймит казеный.
Народный испод шевеля,
Несется глагол краснозвонный...

(Николай Клюев)

Вряд ли стоит упоминать второстепенных поэтов и писателей, которые славили революционеров и их вождей. Достаточно упомянуть Алексея Толстого, Владимира Маяковского и кинорежиссера Сергея Эйзенштейна, который все же выполнил социальный заказ Сталина и создал фильм-дилогию «Иван Грозный». Книга Федотова «Святой Филипп, митрополит Московский» увидела свет в Париже в 1928 году. Тогда еще «железный занавес» не был столь непроницаемым — книги, издаваемые на Западе, все же проникали в Россию. Важно, что мыслитель создал монографию, посвященную не жизни правителя-тирана, а его жертвы, как бы напоминая современникам о жизни и подвиге патриарха Тихона, мученически скон-

Примечания

чавшегося весной 1925 года. Но это не единственное достоинство книги Федотова. Она и сегодня ценна для нас тем, что впервые в XX столетии был явлен образец новой агиографии, свободной от штампов и в то же время вооруженной новейшими достижениями исторической науки. Федотов бережно изучает все свидетельства той дальней эпохи и, подобно реставратору икон, убирает вековые наслоения, обнажая первоначальную красоту жизни и подвига мученика. После падения коммунизма монография Федотова дважды переиздавалась в России, но это были репринтные издания, изобиловавшие опечатками и ошибками. Впервые текст книги Федотова издается по первому изданию 1928 года. Издание снабжено приложением, в которое вошли церковнославянской текст жития, издаваемого впервые с начала XVII века, и его перевод, а также необходимые комментарии.

¹ Иловайский Д.И. (1832–1920) – русский историк и публицист. Автор пятитомной «Истории России», учебников по русской и всеобщей истории.

² Житие митрополита Филиппа стоит особняком среди житийной литературы древней Руси. Его автор, человек высокой книжной культуры, обладал минимальным биографическим материалом, поэтому восполнял его недостаток агиографическими штампами. Язык жития – витиеватый, пытающийся подражать стилю «плетения словес». Он чрезвычайно труден для понимания. Странно, что за протекшие четыре столетия он не был не только ни разу издан, но и не переведен. В прошлом столетии было издано лишь переложение А.Н.Муравьева (1857 г.).

³ Рынды и подрынды – царские служители в Древней Руси, готовые выполнить любое царское поручение. Ясельничий – помощник конюшего, наблюдавшего за лошадьми, предназначенными для царской езды.

⁴ Федотов говорит о княжении Ивана III, деда Ивана IV, которого также называет Грозным.

⁵ Татищев В.Н. (1686–1750) – государственный деятель, русский историк, автор «Истории Российской с самых древнейших времен».

⁶ В 1472 году Иван III заключает второй брак с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора Константина XI. Она воспитывалась в католическом Риме, поскольку Византия пала под ударами турок.

⁷ Г.П.Федотов сравнивает влияние Елены Глинской на развитие русской государственности с влиянием Софьи Палеолог, второй жены Ивана III: обе великие княгини привозили в Москву свой двор, состоявший в основном из иноземцев, которые, безусловно, оказывали влияние как на внешнюю, так и на внутреннюю политику Руси.

⁸ Г.П.Федотов резко выступил против фальсификации отечественной истории, которая целенаправленно культивировалась молодым советским правительством. Сталину импонировал образ Ивана Грозного. Он примерялся то к личности Петра I (роман Алексея Толстого «Петр I» был социальным заказом Сталина), то к личности Ивана Грозного. Фильм С. Эйзенштейна «Иван Грозный» – также социальный заказ Сталина.

⁹ Перифраз из Книги пророка Иеремии: «Отцы ели кислый виноград, и у детей на губах оскоми́на» (Иер. 31, 29).

Житие и подвиги Филиппа, митрополита Московского и всея России

«Подвиг святого Филиппа всем памятен и запечатлен мученической смертью. Избранный на том же соборе, что и Герман (архиепископ Казанский, избранный Иоанном Грозным на митрополичий престол, но спустя два дня смещенный царем — С.Б.) из игуменов соловецких, он прямо поставил предварительным условием своего избрания отмену опричнины. Царь и епископы убедили его отказаться от этого условия, сохранив за митрополитом лишь право печалования за опальных. Когда через полтора года возобновились казни, Филипп возвысил свой голос. Сперва увещевая царя наедине, он переносит свои обличения в Успенский собор... Для святого Филиппа исповедание правды было столь же обязательно, как и исповедание веры: „Иначе тщетна будет для нас вера наша, тщетно и исповедание апостольское“.

Впечатление этого слова правды, сказанного в лицо тирану, было велико, но в деморализованной опричниной России мало было охотников следовать путем Филиппа. Собор епископов по требованию царя низложил митрополита, обвиненного в неясных для нас преступлениях. Заточенный в Тверской Отрочь монастырь, через год страдалец был задушен Малютой Скуратовым во время карательного похода царя на Новгород» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. с. 126).

Житие митрополита Филиппа было создано или в конце XVI или, что гораздо вероятнее, в начале XVII века. Оно дошло до нас в большом количестве списков и нескольких редакциях. Самое поразительное — за три столетия существования оно никогда не переводилось и не издавалось! Г. Г. Латышева, исследователь жития, определяет две редакции как основные — Колычевскую и Тулуповскую. Данный текст публикуется по Тулуповской редакции (название произошло от сборника Германа Тулупова, 1633 г., в который входит текст. — С.Б.). Впервые полный перевод публикуется по списку, хранящемуся в РГАДА, фонд 181, рукописное собрание МГА МИД, ед. хр. 336. Житийный сборник начала XVII века. В житии описывается событие, относящееся к 1591 году. Соловецкий игумен Иаков пришел к царю Федору Иоанновичу и попросил перенести мощи святителя в Соловецкий монастырь из Тверского Отрочь монастыря. Во время перенесения мощей произошли первые чудеса и исцеления. В 1652 году во время царствования Алексея Михайловича Тишайшего состоялось перенесение мощей митрополита Филиппа в Москву, где они и поныне почивают в Успенском соборе Кремля.

¹ Пс. 81, 6, Мф. 24, 28; 8, 11.

² Рим. 8, 30.

³ Мф. 5, 14.

⁴ «... голову проклятого техглавого змея» — речь идет о сатане.

⁵ Пс. 1, 3.

⁶ Пс. 18, 11.

⁷ Великие князья Древней Руси перед смертью согласно обычаю принимали схиму и, соответственно, — новое имя. Великий князь Василий Иванович принял в монашестве имя Варлаама.

⁸ Пс. 36, 29.

⁹ Пс. 111, 2.

¹⁰ Мф. 11, 8.

¹¹ Мф. 6, 24.

¹² Исстари христианского священника, согласно библейским обычаям, называли пастырем, т. е. пастухом. Феодор, пася овец, учился управлять монашескою братиею, готовясь стать пастырем-игуменом Соловецкого монастыря.

¹³ Преподобный Александр Свирский — о жизни этого святого известно очень мало. Его мощи были обретены в 1641 году. Он был постриженником Валаамского монастыря, ушел из него и основал свою обитель близ реки Свирь. Он находился в близких духовных отношениях с преподобным Корнилием Комельским и даже послал к нему одного из своих учеников. Память святого празднуется в тот же день, что и преподобного Зосимы Соловецкого — 30 апреля.

¹⁴ Пс. 24, 18. В русском переводе он звучит так: «Призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои».

¹⁵ Пс. 54, 8–9.

¹⁶ 2 Фес. 3, 8.

¹⁷ Лк. 14, 28.

¹⁸ История сохранила имена этих мастеров. Среди строителей соловецких соборов называют новгородских зодчих Салку и Столыпку. Среди иконописцев, украсивших соловецкие соборы, — «доброписцы иконные» из Новгорода: «Гаврило Старой, да Илья, да Крас».

¹⁹ Сохранилось устойчивое предание, что в разработке проектов соловецких соборов принимал участие и сам игумен Филипп. «...Некоторые индивидуальные особенности памятников (имеются в виду соборы. — С.Б.), и прежде всего внушительность их размеров, сложились не без активного влияния заказчика — Филиппа Колычева. Косвенным свидетельством этого может служить утверждение приезжавшего на Соловки в начале XX столетия знатока русского Севера Бориса Шергина. По его словам, он видел и даже копировал архитектурные чертежи, подписанные автором — игуменом Филиппом (см.: *Скотин В. В.* Соловки. М., 1994, с. 81).

²⁰ «Многопрестольность — а в соборе (Преображенском. — С.Б.) помимо основного находятся еще шесть приделов — не только усложнила внешний облик храма, но и содержала в себе последовательную идеологическую программу: желание представить соловецкий собор как своеобразный пантеон избранных святых, призванных прославлять удаленный северный монастырь. Нижние приделы находятся в правой и левой частях трехдольного алтаря. Северный из них был посвящен высокочтимым «основателям» соловецким Зосиме и Савватию, в южном находился придел архангела Михаила — популярного на Севере защитника Церкви. Если

нижние приделы имели как бы местное значение, то верхние отражали заслуги монастыря перед государством. Так, два из них названы в честь двенадцати и семидесяти апостолов, что ассоциировалось с деятельностью миссионеров монастыря в проповеди христианства. Два других — Иоанна Лествичника и Феодора Стратилата — посвящены небесным покровителям царских сыновей — Иоанна и Феодора» (*Скопин В. В. Соловки. М., 1994, с. 81–82*).

²¹ Имеются в виду завоевание Казанского и Астраханского ханств, а также покорение Сибири.

²² Митрополит Макарий (1482–1563) — с 1542 года митрополит Московский и всея Руси, глава Русской Православной Церкви и кружка книжников, которые трудились над составлением Великих Четы-Миней — полного сборника житий святых. Митрополит Макарий был также одним из редакторов «Степенной книги». На поместном Соборе РПЦ 1988 года был причислен к лику святых. После смерти митрополита Макария в 1563 году митрополитом Московским и всея Руси был избран в 1564 году инок Чудова монастыря Афанасий. Он был духовником царя Иоанна Васильевича Грозного, пытался бороться против опричнины, но его воля была сломлена отъездом царя в Александровскую слободу. Оставил митрополию в 1566 году «за немощию велиею» и вернулся в Чудов монастырь. После его добровольного отречения царь призвал из Соловецкого монастыря игумена Филиппа.

²³ Притч. 21, 1.

²⁴ В житии упоминается гнев царя Иоанна Васильевича Грозного на свобододолюбивый и мятежный Новгород. Новгородцам было известно, что царь намеревается расправиться с городом, поэтому просили заступления у будущего митрополита Филиппа, когда он достиг его по пути в Москву.

²⁵ Данный абзац, по-видимому, является позднейшей вставкой, поскольку этот текст находится в противоречии со словами царя: «И ныне, по нашему совету, более же всего — Священного Собора — благодатию Божией — избран ты!»

²⁶ Явный анахронизм, свидетельствующий, что автор жития создавал его спустя полстолетия после гибели митрополита Филиппа, когда Русской Церковью управлял патриарх.

²⁷ Речь идет о библейском праведнике Иове, страданиям которого посвящена в Библии книга, названная его именем.

²⁸ «...семь тысяч лет всегоршей муки» — отголоски средневековых представлений, основанных на том, что мир просуществует лишь семь тысяч лет. По истечении этого срока последует Страшный суд и второе пришествие Иисуса Христа.

²⁹ Скорее всего, «Житие митрополита Филиппа» создавалось в начале XVII столетия, после Смутного времени. В этот период происходит переоценка взглядов на природу царского служения. От Византии Русь унаследовала взгляд на царя как на Божьего избранника, которому следует беспрекословно подчиняться, не рассуждая. Автор Жития вкладывает в уста митрополита Филиппа слова, которые могли казаться кощунственными не только самому царю, но и его окружению.

Примечания

³⁰ Мф. 22, 37–40.

³¹ 1 Кор. 13, 4–13.

³² Речь идет об апостолах Петре и Иоанне, возлюбленном ученике Христа, который на Тайной вечери лежал у груди Учителя.

³³ Синкелл — пресвитер или монах, живущий при патриархе, как сотрудник ему в управлении и как свидетель непорочной его жизни. Синкелл Евстафий был настоятелем Кремлевского Благовещенского собора.

³⁴ Пс. 13, 5.

³⁵ Иер. 12, 10. В русском переводе этот стих звучит следующим образом: «Множество пастухов испортили Мой виноградник, истоптали ногами участок Мой, любимый участок Мой сделали пустою степью».

³⁶ Имеется в виду Александровская слобода, которую Иоанн Грозный сделал своей новой столицей.

³⁷ Автор «Жития» сравнивает те беды, которые обрушились на Русь в царствование Иоанна Грозного, с бедами, обрушившимися на египтян в XII веке до нашей эры, когда фараон не желал отпускать еврейский народ из Египта. Тогда на Египет обрушились египетские казни, завершившиеся гибелью первенцев мужского пола.

³⁸ Имеется в виду Успенский Кремлевский собор.

³⁹ Автор «Жития» обыгрывает сходство — митрополит Филипп был сыном Стефана Колычева. Первым мучеником христианства был архидиакон Стефан, побитый камнями за исповедание веры в воскресшего Иисуса Христа.

⁴⁰ Еще одно свидетельство переоценки взгляда на царское достоинство и служение — автор Жития вкладывает в уста митрополита Филиппа напоминание, что царь смертен, т. е. подобен простым людям.

⁴¹ Ис. 8, 18.

⁴² Ин. 15, 12–13.

⁴³ Мф. 7, 12.

⁴⁴ Ин. 15, 10.

⁴⁵ Пс. 37, 12–13.

⁴⁶ Мф. 18, 7.

⁴⁷ Евр. 11, 16.

⁴⁸ Пс. 118, 46.

⁴⁹ Упоминаются ветхозаветные первосвященники Захария и Аарон. Митрополит Филипп совершал Божественную литургию как председатель за весь народ, именно поэтому он сравнивается с ветхозаветными духовными вождями.

⁵⁰ Халдеи — в данном контексте мусульманские мудрецы.

⁵¹ Адамант — алмаз (*цфрк.-слав.*).

⁵² Пс. 11, 3.

⁵³ Парафраз Пс. 96, 2 — «Правда и суд — основание престола Его».

⁵⁴ Ин. 15, 12–13.

⁵⁵ Ин. 3, 10–11.

⁵⁶ Пс. 23, 1.

⁵⁷ Пс. 7, 15: «Вот, нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь».

⁵⁸ Анагност — чтец. В данном контексте скорее всего — иподиакон митрополита Филиппа. Согласно традиции иподиаконами были юноши 12–13 лет. Их посвящали в анагносты, что было первой ступенькой в церковном служении.

⁵⁹ Речь идет об испытании чтеца митрополита Филиппа, которого подучили лжесвидетельствовать против него.

⁶⁰ Флп. 1, 21.

⁶¹ Память этих апостолов из числа 70 отмечается церковью 4 января по старому стилю.

⁶² Скорее всего, речь идет о Новодевичьем монастыре.

⁶³ Тафья — шапочка, которую носили обычно татары. На Русь этот головной убор проник во время монголо-татарского ига. Во время царствования Иоанна Грозного на Стоглавом соборе было принято решение о запрете ношения тафий, однако даже царевичи продолжали носить их. Опричники Иоанна Грозного специально надели их во время богослужения, чтобы подразнить митрополита Филиппа и выставить его перед царем на посмешище.

⁶⁴ Пс. 26, 3.

⁶⁵ Архон — буквальный перевод с греческого: «начальствующий». Быть может, речь идет о регенте, который управлял монастырским хором.

⁶⁶ Пс. 139, 3–4.

⁶⁷ Пс. 7, 16–17.

⁶⁸ Митрополит Филипп предрекает эпоху междоусобных войн и Смуту, которая вскоре обрушится на Русь.

⁶⁹ Лк. 21, 19.

⁷⁰ Ин. 10, 14.

⁷¹ Лк. 6, 28.

⁷² Мф. 5, 22.

⁷³ Гал. 6, 7.

⁷⁴ Пс. 36, 15.

⁷⁵ Повествуется о событиях, рассказанных в книге пророка Даниила.

⁷⁶ Пс. 33, 16, 20.

⁷⁷ Пс. 64, 5, Пс. 101, 13.

⁷⁸ Рим. 8, 35–36.

⁷⁹ Речь идет о походе Иоанна Грозного на Новгород, который окончился жесточайшей резней и окончательной гибелью республиканского правления в городе.

⁸⁰ Притч. 10, 6.

⁸¹ Мф. 5, 9.

⁸² Игумен Филипп приготовил себе место для погребения под храмом преподобных Зосимы и Савватия.

⁸³ Пс. 72, 1.

Содержание

СВЯТОЙ ФИЛИПП, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ	5
<i>Глава I.</i> В московском дворце	9
<i>Глава II.</i> Соловки	29
<i>Глава III.</i> Царь и святитель.....	55
<i>Глава IV.</i> Прославление святого Филиппа	108
<i>Экскурс.</i> Опричнина в оценке новейших историков	116
<i>Приложение.</i> Грамоты митрополита Филиппа в Соловки.....	124
Источники и пособия	127
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Житие и подвиги Филиппа, митрополита Московского и всея России	130
ПРИМЕЧАНИЯ	244

Георгий Петрович Федотов

Собрание сочинений в 12 томах.

Том 3:

Святой Филипп, митрополит Московский.
Приложение: Житие и подвиги Филиппа,
митрополита Московского и всея России

Редактор издательства *В. Лега*

Художник *И. Бурый*

Издательство «Мартис»

117334, Москва, Андреевская наб., 2

Формат 60x88¹/₁₆. Гарнитура Нью-баскервиль.

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Тираж 1 000 экз. Заказ № 1384

Отпечатано в ППП «Типография „Наука“».

121099, Москва, Шубинский пер., 6